

ДЖАРЕД

WINNER
of the
PULITZER
PRIZE

Jared
Diamond

ДАЙМОНД

The World Until Yesterday

Мир **позавчера**

Чему нас могут научить люди,
до сих пор живущие в каменном веке

Цивилизация: рождение, жизнь, смерть

Джаред Даймонд

**Мир позавчера. Чему нас
могут научить люди, до сих
пор живущие в каменном веке**

«АСТ»

2012

УДК 141.339
ББК 86.42

Даймонд Д. М.

Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке / Д. М. Даймонд — «АСТ», 2012 — (Цивилизация: рождение, жизнь, смерть)

ISBN 978-5-17-080132-9

В своей новой книге Джаред Даймонд, автор мировых бестселлеров “Коллапс” и “Ружья, микробы и сталь”, ищет ответ на вопрос: что полезного могут дать нашей цивилизации исчезающие на глазах традиционные общества? Все свои характерные черты – от технологий производства до государственных институтов, от Интернета до ожирения – человечество усвоило совсем недавно, буквально “вчера” на часах эволюции. А тем временем наш организм, наша психика, наши инстинкты, все еще лучше приспособлены к жизни в условиях дикой природы, чем к полному стрессов современному миру... Jared Diamond The World Until Yesterday What Can We Learn From Traditional Societies? Печатается с разрешения автора и литературного агентства Brockman, Inc.

УДК 141.339

ББК 86.42

ISBN 978-5-17-080132-9

© Даймонд Д. М., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Пролог. В аэропорту	6
Сцена в аэропорту	6
Зачем изучать традиционные сообщества?	10
Государства	13
Типы традиционных сообществ	15
Подходы, вопросы, источники	21
Маленькая книга о большом предмете	24
План книги	28
Часть первая. Место действия: разделение пространства	32
Глава 1. Друзья, враги, незнакомцы, торговцы	32
Граница	32
Взаимно запретные территории	35
Территория без исключительного права пользования	37
Друзья, враги, незнакомцы	40
Первые контакты	43
Торговля и торговцы	46
Рыночная экономика	47
Традиционные формы торговли	50
Традиционные предметы торговли	51
Кто чем торгует?	54
Карликовые государства	57
Часть вторая. Мир и война	58
Глава 2. Компенсация за смерть ребенка	58
Несчастный случай	58
Церемония	59
Что, если?.	61
Что предприняло государство	61
Новогвинейская компенсация	62
Отношения на всю жизнь	64
Другие негосударственные сообщества	66
Государственная власть	68
Государственное гражданское судопроизводство	70
Недостатки государственного гражданского судопроизводства	73
Государственное уголовное судопроизводство	76
Восстановительное правосудие	78
Преимущества и их цена	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Джаред Даймонд
Мир позавчера. Чему мы можем
научиться у людей, до сих пор
живущих в каменном веке

© Jared Diamond, 2012

© А. В. Александрова, перевод, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Мэг Тейлор – в знак признательности за десятилетия твоей дружбы и за то, что ты поделилась со мной своим глубоким знанием двух миров.

Пролог. В аэропорту

Сцена в аэропорту

Семь часов утра, 30 апреля 2006 года. Я стою в зале регистрации аэропорта, стискивая ручку багажной тележки, в толпе других пассажиров, которые, как и я, регистрируются на ранние утренние рейсы. Сцена знакомая: сотни путешественников с чемоданами, сумками, рюкзаками и младенцами, выстроившихся параллельными очередями к длинной стойке, за которой стоят у своих компьютеров сотрудники авиакомпании. В толпе немало и других служащих в форме: пилотов и стюардесс, контролеров багажа, два полисмена, единственная задача которых – быть на виду. Контролеры просвечивают багаж, другие работники наклеивают на него ярлыки, носильщики отправляют багаж на транспортер, который доставит его, как можно надеяться, к соответствующему самолету. Вдоль стены, противоположной стойке регистрации, расположены киоски, торгующие газетами и фастфудом. Вокруг видно еще множество обычных предметов: часы на стене, телефоны-автоматы, банкоматы, эскалаторы, поднимающие на верхний этаж, и, конечно, самолеты на взлетно-посадочной полосе, которая видна из окон аэровокзала.

Служащие аэропорта нажимают клавиши, глядя на экраны мониторов и прерываясь только на то, чтобы распечатать чек на терминале для кредитных карт. Толпа демонстрирует обычную смесь приподнятого настроения, волнения, добропорядочного терпения в ожидании своей очереди и радости от встречи с друзьями. Когда подходит моя очередь, я показываю некую бумагу (свой билет) кому-то, кого я никогда не видел раньше и, вероятно, никогда не увижу снова. Сотрудница авиакомпании в свою очередь вручает мне посадочный талон, позволяющий мне проделать путь в сотни миль и попасть в место, где я никогда не бывал раньше и жители которого меня не знают, но тем не менее не будут возражать против моего прибытия.

Первой странностью, которую отметил бы пассажир из США, Европы или Азии и которая отличает эту сцену от знакомой им по другим аэропортам, является то, что все люди в зале, за исключением меня и еще нескольких туристов, – новогвинейцы. Другие отличия, которые бросились бы в глаза иностранцу, суть следующие: флаг над стойкой регистрации – это черно-красно-золотой флаг Папуа – Новой Гвинеи, украшенный райской птицей и созвездием Южного Креста, и над стойками авиакомпаний написано не *American Airlines* или *British Airways*, а *Air Niugini*; названия мест назначения на табло вылета тоже выглядят экзотически: Вапенаманда, Горока, Кикори, Кандиава, Вевак.

Аэропорт, в котором я регистрировался тем утром, был аэропортом Порт-Морсби, столицы Папуа – Новой Гвинеи. Для любого, имеющего представление об истории Новой Гвинеи, включая меня, впервые оказавшегося здесь в 1964 году, когда Папуа – Новая Гвинея все еще находилась под управлением Австралии, сцена была одновременно знакомой, поразительной и трогательной. Я обнаружил, что мысленно сравниваю увиденное с фотографиями, сделанными первыми австралийцами, “открывшими” в 1931 году горы Новой Гвинеи, в которых жил миллион земледельцев, все еще пользовавшихся каменными орудиями. На этих фотографиях горцы, которые тысячелетиями жили в относительной изоляции, мало что зная о внешнем мире, в ужасе смотрят на впервые увиденных ими европейцев. Я смотрел на лица новогвинейцев в аэропорту Порт-Морсби – пассажиров, клерков за стойками регистрации, пилотов – и видел лица с фотографий 1931 года. Люди, стоявшие вокруг меня в аэропорту, были, конечно, не теми, кто был изображен на фотографиях 1931 года, но их лица были схожи, а некоторые, возможно, были детьми и внуками тех горцев.

Самое заметное различие между увиденным мной в зале аэропорта в 2006 году и фотографиями “первого контакта” 1931 года заключалось в следующем: если в 1931 году новозеландские горцы были одеты лишь в травяные юбки и головные уборы из птичьих перьев, а за плечами у них висели плетеные сумки, то в 2006-м они носили стандартную интернациональную одежду: брюки и рубашки, юбки и блузки, а на головах – бейсболки. На протяжении одного-двух поколений, при жизни многих из присутствующих в аэропорту горцы Новой Гвинеи научились писать, пользоваться компьютерами, летать на самолетах. Некоторые из находившихся в зале регистрации, возможно, были первыми представителями своего племени, освоившими чтение и письмо. Пропасть между поколениями для меня символизировали двое новогвинейцев в толпе: молодой человек в форме пилота вел пожилого родственника; он объяснил мне, что его дед сейчас впервые в жизни полетит на самолете. Седой старик выглядел почти таким же растерянным и ошеломленным, как и люди на фотографиях.

Однако наблюдатель, знакомый с историей Новой Гвинеи, заметил бы и бóльшие различия местных жителей в 1931 и 2006 годах, чем разница между юбками из травы и западной одеждой. Племена горцев Новой Гвинеи в 1931 году не имели не только одежды из тканей, но и всех современных технологий – ни часов, ни телефонов, ни кредитных карт, ни компьютеров, эскалаторов или самолетов. Еще более фундаментальным было отсутствие письменности, металла, денежного обращения, школ и центрального правительства. Если бы недавняя история Новой Гвинеи уже не доказала обратное, мы были бы вправе усомниться: а способно ли общество, не имеющее письменности, овладеть ею на протяжении жизни единственного поколения?

Внимательный наблюдатель, знакомый с историей Новой Гвинеи, отметил бы и другие особенности людей, находившихся в аэропорту, – свойственные пассажирам любого современного аэропорта, но отличающиеся от того, что было запечатлено на фотографиях 1931 года. Среди собравшихся сегодня в зале регистрации наблюдалось большое число пожилых седовласых людей: относительно немногие из них дожили бы до этих лет в традиционном для горцев сообществе. Толпа в аэропорту хотя и показалась бы европейцу, не встречавшемуся ранее с новогвинейцами, “гомогенной” – все местные жители имели темную кожу и курчавые волосы, – в других отношениях отличалась большим разнообразием: высокорослые, с жидкими бородами и более узкими лицами жители равнин южного побережья; низкорослые, бородатые, широколицые горцы; островитяне и жители северного побережья с несколько азиатской внешностью. В 1931 году было бы совершенно невозможно встретить в одном месте и в одно время горца и жителя равнин южного и северного побережий; любое скопление людей в Новой Гвинее было бы гораздо более гомогенным, чем собравшиеся в аэропорту в 2006 году. Лингвист, прислушавшийся к разговорам в этой толпе, различил бы десятки языков, принадлежащих к самым разным группам: тональные языки, в которых значение слова может зависеть от высоты тона, как в китайском, австрало-азиатские с относительно простыми слогами и согласными, нетональные папуасские языки. В 1931 году можно было одновременно встретить нескольких человек, говорящих на разных наречиях, но уж никак не на десятке разнородных языков. В 2006 году и у стойки регистрации, и в разговорах пассажиров в зале широко использовались английский и ток-писин (известный также как новомеланезийский), но в 1931-м все разговоры в горных областях Новой Гвинеи велись на местных языках, каждый из которых был распространен лишь на небольшой территории.

Другим тонким различием между ситуациями 1931 и 2006 годов являлось то, что среди новогвинейцев, к несчастью, стали встречаться люди с телосложением, похожим на американское: ожирелые, с “пивными” животами, нависающими над поясами. На фотографиях, сделанных за 75 лет до этого, нет ни единого человека с избыточным весом: все новогвинейцы были поджарыми и мускулистыми. Если бы можно было расспросить врачей, наблюдавших тех или иных пассажиров аэропорта, то, судя по современной статистике здравоохранения Новой Гви-

неи, мы услышали бы о росте числа инсультов, заболеваемости диабетом, связанных с излишним весом, гипертонией, сердечно-сосудистыми заболеваниями и раком, неизвестным всего лишь одно поколение назад.

Еще одно различие между 1931 и 2006 годами заключалось бы в обстоятельстве, которое в современном мире воспринимается как нечто само собой разумеющееся: большинство людей, собравшихся в зале аэропорта, не были знакомы друг с другом и никогда раньше не встречались, но при этом между ними в настоящий момент не происходило никаких стычек. В 1931 году такое и представить себе было невозможно: тогда встречи с незнакомцами случались редко, они были опасными и часто кончались насилием. Да, в аэропорту присутствовали два полисмена – предположительно для поддержания порядка, – но на самом деле собравшиеся и без них сохраняли бы спокойствие: просто потому, что знали, что никто из незнакомцев на них не нападет и что они живут в обществе, где достаточно полицейских и солдат, готовых вмешаться в случае конфликта. В 1931 году полиции и правительственной власти не существовало.

Люди в аэропорту имели право лететь или добираться иным видом транспорта в Вапенаманду или любое другое место Папуа – Новой Гвинеи, не получая на это никакого особого разрешения. В современном западном мире мы воспринимаем свободу передвижения как само собой разумеющееся право, однако раньше подобная свобода была явлением исключительным. В 1931 году ни один новогвинеец, родившийся в Гороке, никогда не был в Вапенаманде, расположенной всего в 107 милях к западу; сама мысль о возможности проделать путь из Гороки в Вапенаманду и не быть при этом убитым, как неизвестный чужак, на протяжении первых же десяти миль от Гороки, никому и в голову бы не пришла. Однако я только что преодолел 7000 миль от Лос-Анджелеса до Порт-Морсби – расстояние, в сотни раз большее, чем суммарный путь, который мог бы в течение всей жизни проделать от места своего рождения любой представитель традиционного сообщества новогвинейских горцев.

Подытоживая все эти различия между 1931 и 2006 годами, можно сказать, что за последние 75 лет население горных районов Новой Гвинеи пережило изменения, на которые у значительной части остального мира ушли тысячи лет. Для отдельных горцев изменения произошли еще быстрее: некоторые из моих друзей-новогвинейцев рассказывали мне, что всего за десять лет до нашего знакомства они еще изготавливали каменные топоры и участвовали в традиционных сражениях между племенами. Сегодня граждане индустриальных государств воспринимают как должное все фрагменты картины 2006 года, которые я описал: металлические изделия, письменность, технику, самолеты, полицию и правительство, ожирение, контакты с незнакомыми людьми без страха, гетерогенное население и так далее. Однако все эти черты современного общества сравнительно новы в масштабе истории человечества. На протяжении большей части тех 6 000 000 лет, что прошли с момента разделения эволюционных линий предков человека и предков шимпанзе, ни одно человеческое сообщество не обладало металлом и прочими признаками цивилизации. Эти приметы современности начали зарождаться в отдельных районах мира только в течение последних 11 000 лет.

Таким образом, Новая Гвинея¹ в некоторых отношениях является окном в мир, в котором человек обитал еще позавчера, если смотреть в масштабе всех 6 000 000 лет человеческой

¹ Терминология, которая используется при описании Новой Гвинеи, может сбивать с толку. В данной книге я использую термин «Новая Гвинея» применительно к острову Новая Гвинея, второму по величине острову в мире (после Гренландии), лежащему у экватора к северу от Австралии. Туземных жителей острова я называю новогвинейцами. В результате случайностей колониальной истории XIX века остров в настоящее время политически разделен между двумя странами. Восточную половину острова с многочисленными прилегающими меньшими островами занимает независимое государство Папуа – Новая Гвинея, образовавшееся на месте бывшей немецкой (на северо-востоке) и английской (на юго-востоке) колоний, которые впоследствии управлялись Австралией вплоть до достижения независимости в 1975 году. Австралийцы называли бывшие немецкую и английскую части Новая Гвинея и Папуа соответственно. Западную половину острова, в прошлом часть Голландской Восточной Индии, с 1969 года занимает индонезийская провинция Папуа (бывшая Ирианская Ява). Мои полевые исследования проводились почти в равной мере как на востоке, так и на западе острова (здесь и далее – прим. авт., если не оговорено

эволюции (подчеркиваю: в *некоторых* отношениях, поскольку, конечно, горные районы Новой Гвинеи в 1931 году уже не были нетронутым миром позавчерашнего дня). Все те перемены, которые произошли в горных районах за последние 75 лет, произошли и в других обществах по всему миру, но во многих случаях они произошли раньше и гораздо более постепенно, чем на Новой Гвинее. Постепенность, впрочем, тут относительна: даже в тех обществах, где изменения произошли раньше всего, время, в течение которого они происходили (11 000 лет), все же очень мало по сравнению с 6 000 000 лет истории человечества. В основном же человеческое общество претерпело глубочайшие перемены недавно и быстро.

Зачем изучать традиционные сообщества?

Почему нас так завораживают “традиционные” сообщества?² Отчасти из-за того, что они представляют большой человеческий интерес: в некоторых отношениях эти люди так похожи на нас и так нам понятны, но при этом в каких-то других отношениях они совсем на нас непохожи и понять их трудно. Когда я впервые оказался на Новой Гвинее в 1964 году в возрасте 26 лет, меня поразила экзотичность новогвинейцев: они выглядели не так, как американцы, говорили на других языках, одевались и вели себя иначе. Однако в течение последующих десятилетий, после многочисленных визитов на остров, длившихся от одного до пяти месяцев, после путешествий по различным частям Новой Гвинеи и по прилегающим островам, это преобладающее чувство экзотического сменялось чувством общности по мере того, как я лучше узнавал новогвинейцев. Мы вели долгие разговоры, смеялись одним и тем же шуткам, одинаково интересовались детьми и сексом, едой и спортом; сердились, пугались, горевали и волновались по одним и тем же поводам. Даже их языки следовали знакомым глобальным лингвистическим принципам: хотя первый новогвинейский язык, который я выучил (форе), никак не связан с индоевропейской семьей и потому его лексика была мне совершенно незнакома, в нем имеется сложная система спряжения глаголов, похожая на немецкую, двойные наречия, как в словенском, постпозиции, как в финском, и три наречия, обозначающих место (“здесь”, “там поблизости” и “там далеко”), как в латинском.

После первоначального ощущения экзотической чуждости все эти сходства заставили меня ошибочно подумать: “В своей основе люди одинаковы везде”. Но в конце концов я осознал, что снова ошибаюсь: во многих важных вещах мы вовсе не одинаковы. Многие мои новогвинейские друзья по-другому считают – особым образом группируя предметы, а не с помощью абстрактных чисел; они иначе выбирают себе супругов, иначе обращаются со своими родителями и детьми, иначе воспринимают опасность и имеют иное представление о дружбе. Это озадачивающее переплетение сходств и различий отчасти и делает традиционные общества такими завораживающими для стороннего наблюдателя.

Другой причиной интереса к традиционным обществам и аргументом в пользу важности их изучения служит то обстоятельство, что они сохраняют черты образа жизни наших предков на протяжении десятков тысяч лет, буквально до вчерашнего дня. Традиционный образ жизни сформировал нас и сделал нас такими, какие мы есть. Переход от охоты и собирательства к земледелию начался всего лишь около 11 000 лет назад; первые металлические орудия были изготовлены примерно 7000 лет назад, а первое государство и первая письменность возникли лишь около 5400 лет назад. “Современные” условия распространились (и к тому же лишь в отдельных местностях) лишь на протяжении очень малой части человеческой истории; все человеческие общества гораздо дольше были “традиционными”, чем любое из них – “современным”. Сегодня читатель этой книги считает само собой разумеющимся, что продукты питания выращиваются на ферме и покупаются в супермаркете; чтобы обеспечить себя

² Под “традиционными” и “малочисленными” сообществами я имею в виду существовавшие в прошлом и существующие сейчас сообщества с низкой плотностью населения, объединенного в небольшие группы – от нескольких дюжин до нескольких тысяч человек, ведущих жизнь охотников-собирателей или земледельцев и скотоводов и в ограниченной мере подвергшихся влиянию больших промышленных обществ западного типа. На самом деле все традиционные сообщества наших дней, по крайней мере отчасти, изменились в результате контактов и могут быть описаны как переходные, а не традиционные, но в них часто сохраняются некоторые особенности и продолжают идти социальные процессы маленьких обществ прошлого. Общества западного типа, под каковыми я понимаю общества современных развитых государств, управляемые правительствами этих государств, хорошо знакомы читателям этой книги – это общества, в которых большинство читателей и живет. Они именуются обществами западного типа, потому что важные этапы на пути их развития (такие как индустриальная революция и создание системы общественного здравоохранения) имели место в Западной Европе в XVIII–XIX веках, а потом уже распространились оттуда во многие другие страны.

пищей, не нужно ежедневно собирать ее в дикой природе или охотиться. У нас металлические орудия, а не каменные, деревянные или костяные; у нас есть правительство, государство и связанные с ним суды, полиция и армия; мы умеем читать и писать. Однако все эти вещи и явления, кажущиеся нам необходимыми, относительно новы, и миллиарды людей по всему миру все еще отчасти ведут традиционный образ жизни.

Даже современное индустриальное общество включает в себя области, в которых все еще действуют некоторые традиционные механизмы. Во многих сельских районах развитых стран – например, в долине в штате Монтана, где живут моя жена и дети и где я провожу летний отпуск, – многие споры все еще разрешаются традиционным, неформальным способом, а не обращением в суд. Уличные банды в трущобах больших городов не вызывают полицию, чтобы урегулировать свои разногласия, а прибегают к традиционным методам: переговорам, выплате компенсаций, устрашению и сражениям. Мои европейские друзья, выросшие в 1950-е годы в маленьких деревушках, описывали свое детство, очень похожее на детство их новогвинейских сверстников: все друг друга знают, все знают, кто чем занят (и высказывают свое мнение на этот счет); вступают в брак с теми, кто родился на расстоянии не больше мили или двух; проводят всю свою жизнь в родной деревне или ее окрестностях (за исключением молодых людей, ушедших в армию); любые споры разрешаются таким образом, чтобы восстановить отношения между соседями или по крайней мере сделать эти отношения приемлемыми, потому что жить рядом с противником предстоит всю жизнь. Другими словами, “вчерашний” мир не стерт и не заменен новым “сегодняшним” миром: многое из прошлого все еще с нами. В этом заключается еще одна причина желания понять этот позавчерашний мир.

Как мы увидим в дальнейших главах этой книги, традиционные сообщества гораздо более разнообразны в своих культурных проявлениях, чем современные общества развитых стран. В этом континууме разнообразия многие культурные нормы традиционных обществ располагаются на полюсах континуума. Например, если взять отношение к старикам, то в одних традиционных обществах с ними обращаются очень жестоко по сравнению с любым современным обществом, а в других обеспечивают им гораздо более удовлетворительную жизнь; в этом плане современное общество ближе к последним, чем к первым. Однако ученые-психологи основывают большую часть своих обобщений, касающихся человеческой природы, на изучении нашей собственной психологии – явления узкого и нетипичного с точки зрения всего человеческого разнообразия. Среди участников опросов, результаты которых были опубликованы в ведущих психологических журналах в течение 2008 года, 96 % составляли жители развитых стран западного типа (Северной Америки, Европы, Австралии, Новой Зеландии, Израиля); в частности, 68 % из них приходилось на Соединенные Штаты и 80 % были студентами психологических факультетов, так что они являлись не вполне типичными представителями даже своих собственных народов. Таким образом, как говорят социальные психологи Джозеф Генрих, Стивен Гейне и Ара Норензаян, наше понимание человеческой психологии в значительной мере основывается на данных, которые могут быть описаны аббревиатурой *WEIRD*³. В масштабе мирового культурного разнообразия большинство этих испытуемых действительно кажутся “странными”, потому что их культурные характеристики резко отклоняются от средних значений более широкой мировой выборки, в частности, в том, что касается зрительного восприятия, отношения к справедливости, к сотрудничеству с другими, к наказанию, а также в понимании живой природы и ориентации в пространстве. Столь же велики отличия в особенностях аналитического мышления, способности к обобщению, моральных представлениях, мотивации приспособляемости и выбора, а также в концепциях собственного “я”. Таким образом, если мы хотим делать обобщения, касающиеся человеческой природы,

³ *WEIRD* – сокращение от англ. слов *Western, educated, industrial, rich, democratic* (западное, образованное, индустриальное, богатое, демократическое [общество]). Кроме того, *weird* (англ.) – “странный” (прим. перев.).

требуется радикально расширить выборку, включив в нее не только испытуемых из категории *WEIRD* (по большей части американских студентов-психологов), но и огромное разнообразие представителей традиционных сообществ.

Если социальные психологи, несомненно, смогли бы сделать представляющие научный интерес заключения на материале изучения традиционных сообществ, то все мы также можем научиться вещам, представляющим практический интерес. Традиционные общества демонстрируют нам результаты тысяч естественных экспериментов по конструированию человеческого общества. Они предлагают тысячи решений человеческих проблем, решений, которые отличаются от тех, что принимаются в нашем собственном *WEIRD*-обществе. Мы увидим, что некоторые из этих решений – например, методы воспитания детей, обращения с престарелыми, способы поддержания здоровья, стиль разговора, проведения свободного времени, разрешения споров – могут показаться вам (как они показались мне) более разумными, чем соответствующие практики западного мира. Может быть, мы могли бы извлечь пользу из выборочного заимствования этих традиционных приемов. Некоторые из нас уже это делают, явно выигрывая с точки зрения здоровья и счастья. В некоторых отношениях мы, современные люди, не приспособлены к окружению: наши тела и наш образ жизни постоянно конфликтуют с условиями, совсем не похожими на те, в которых они развивались и к которым приспосабливались.

Однако не следует кидаться и в противоположную крайность: не будем романтизировать прошлое и стремиться вновь вернуться в “более простые” времена. То, что мы избавились от многих особенностей жизни традиционных сообществ – таких как детоубийство, изгнание или убийство престарелых, постоянная угроза голода, угрозы со стороны окружающей среды и опасности инфекционных болезней, – мы можем считать благословением. Нам не хотелось бы видеть, как умирают наши дети, или испытывать постоянный страх перед нападением. Традиционные общества могут не только продемонстрировать нам лучший образ жизни, но и помочь оценить некоторые преимущества нашего собственного общества, которые мы воспринимаем как само собой разумеющиеся.

Государства

Традиционные сообщества более разнообразно организованы, чем общества, уже знающие государственный строй. В качестве исходного пункта для понимания незнакомых свойств традиционных сообществ напомним себе о знакомых чертах национальных государств, в которых мы живем.

Население большинства современных стран насчитывает сотни тысяч или миллионы человек, а в Индии и Китае, двух самых населенных современных государствах, превышает миллиард. Даже самые маленькие страны – островные государства Науру и Тувалу в Океании – насчитывают более 10 000 человек каждая (Ватикан с населением всего в 1000 человек тоже считается государством, однако он занимает исключительное положение крохотного анклава на территории города Рима, откуда он и импортирует все необходимое).

В прошлом в государствах также жило от нескольких десятков тысяч до миллионов человек. Столь большая численность вызывает вопросы: как государствам удается прокормить свое население, как они организованы и почему вообще возникли? Все государства обеспечивают пропитание своих граждан, производя продовольствие методами земледелия и скотоводства, а не добывая его собирательством и охотой. Можно получить гораздо больше пищи, выращивая урожаи или выпасая скот на пастбищах, которые мы заполняем растениями и животными наиболее полезными для нас видами, чем собирая дикорастущие растения или охотясь на диких животных (причем большинство этих растений и животных несъедобны). Даже по одной этой причине ни одно общество охотников-собирателей никогда не могло прокормить население достаточной плотности, чтобы оно могло создать систему государственного управления. В любом государстве лишь часть населения – всего 2 % в современном обществе с механизированным сельским хозяйством – занята производством еды. Остальные граждане заняты другими делами – управлением, производством товаров или торговлей; они не выращивают для себя еду, а существуют благодаря излишкам продовольствия, произведенного фермерами.

Население любого государства столь многочисленно, что большинство его граждан не знают друг друга. Даже житель маленького Тувалу не может быть знаком с каждым из 10 000 своих соотечественников, а в Китае с его 1,4 миллиарда жителей такое и представить себе нельзя. Поэтому государства нуждаются в полиции, законах и определенном моральном кодексе, которые должны помочь в том, чтобы неизбежные и постоянные контакты между незнакомыми людьми не приводили к стычкам. В маленьких сообществах, все члены которых знают друг друга, не возникает такой потребности в полиции и законе, а также в моральных установлениях, предписывающих доброжелательность к незнакомцам.

Наконец, как только численность сообщества превышает 10 000 человек, становится невозможным принимать и осуществлять решения, просто собрав всех жителей в одном месте, лицом к лицу, так что каждый мог бы высказать свое мнение. Большие общества не могут функционировать без вождей, которые принимают решения, исполнителей, которые проводят эти решения в жизнь, и бюрократов, обеспечивающих всеобщее выполнение этих решений. К огорчению наших читателей-анархистов, мечтающих о жизни без государственной власти, именно поэтому их мечта неосуществима: им пришлось бы найти какой-то малочисленный род или племя, которое согласилось бы их принять, где все знакомы и где нет необходимости в королях, президентах и чиновниках.

Вскоре мы увидим, что некоторые традиционные сообщества были достаточно многочисленны, чтобы нуждаться в довольно разнообразной бюрократии. Однако государства обладают еще большим населением и нуждаются в специализированной бюрократии, дифференцированной как по вертикали, так и по горизонтали. Нам, гражданам государств, бюрократы раздражают, однако, к несчастью, они необходимы. У государства так много законов и так много

граждан, что ни один чиновник не мог бы следить за соблюдением всех законов: должны существовать отдельные категории налоговых инспекторов, регулировщиков транспорта, полицейских, судей, санитарных инспекторов и т. д. В любом государственном учреждении, занятом регулированием лишь одной сферы общественной жизни, мы также привыкли видеть много разных чиновников, распределенных по разным уровням иерархии: например, в налоговой инспекции работают агенты, контролирующие правильность заполнения наших деклараций; они подчиняются администратору, которому можно пожаловаться, если вы не согласны с агентом; администратор, в свою очередь, подчиняется начальнику отдела, тот – окружному или федеральному управляющему, а тот, наконец, – руководителю налоговой системы всех Соединенных Штатов (в действительности эта система еще более сложна: для краткости я опустил несколько уровней). Описание воображаемой бюрократии в романе Франца Кафки “Замок” навеяно знакомством с реальной бюрократией империи Габсбургов, подданным которой был Кафка. Чтение этого романа на сон грядущий гарантирует мне кошмарные сны, однако вы тоже столкнетесь с кошмарами и огорчениями, имея дело с реальными чиновниками. Это цена, которую мы платим за то, что у нас есть правительство; ни один автор утопии никогда не смог придумать, как управлять народом без хоть какой-то бюрократии.

Еще одним хорошо знакомым свойством государства, присутствующим даже в наиболее эгалитарных скандинавских странах, является политическое, экономическое и социальное неравенство. В любом государстве неизбежно имеются несколько политических лидеров, которые отдают приказы и создают законы, и множество рядовых граждан, подчиняющихся этим приказам и законам. Подданные государства играют различные экономические роли (фермеры, вахтеры, юристы, политики, продавцы и т. д.), и некоторые из этих ролей оплачиваются лучше, чем другие. Часть граждан обладает более высоким социальным статусом, чем остальные. Все идеалистические попытки минимизировать неравенство в государстве – например, провозглашенный Карлом Марксом коммунистический идеал “от каждого – по способностям, каждому – по потребностям” – оказались неудачными.

Государства не могли возникнуть прежде, чем началось производство продовольствия (это случилось примерно за 9000 лет до н. э.); кроме того, государство не могло возникнуть, пока производство продовольствия через несколько тысячелетий не привело к тому, что появилось достаточно плотное население, нуждавшееся в централизованном управлении. Первое государство возникло в “Плодородном полумесяце” примерно в 3400 году до н. э.; в последующие тысячелетия появились государства в Китае, в Мексике, в Андах, на Мадагаскаре и других территориях. Сегодня карта мира демонстрирует, что все континенты, за исключением Антарктиды, поделены на государства и даже Антарктика стала объектом частично перекрывающихся территориальных претензий нескольких стран.

Типы традиционных сообществ

Таким образом, до 3400 года до н. э. государств не существовало нигде, но и в недавние времена еще имелись большие территории, население которых существовало в условиях традиционного, самого простого политического устройства. Различия между этими традиционными обществами и обществами знакомых нам государств и составляют предмет данной книги. Как же нам классифицировать и обсуждать разнообразие традиционных сообществ?

Хотя каждое человеческое общество уникально, существуют общие для всех культур паттерны, которые позволяют делать некоторые обобщения. В частности, во всех уголках мира имеются по крайней мере четыре связанные между собой характеристики: количество населения, средства к существованию, политическая централизация и социальная стратификация. С ростом размера и плотности населения производство пищи и других необходимых продуктов интенсифицируется. Другими словами, оседлые земледельцы, живущие в деревнях, получают с одного акра территории больше продовольствия, чем кочующие группы охотников-собирателей. Густонаселенные общины, которые уже владеют техникой ирригации своих земель, а тем более современные фермеры, в распоряжении которых есть сельскохозяйственная техника, получают еще больше. Принятие политических решений становится все более централизованным – от обсуждений в ходе личного общения в маленьких группах охотников-собирателей до создания политической иерархии и системы принятия решений, которой пользуются лидеры современных государств. Усиливается и социальная стратификация – от относительного эгалитаризма групп охотников-собирателей процесс направлен в сторону углубления неравенства в больших централизованных обществах.

Эти корреляции между различными аспектами жизни общества не имеют абсолютно жесткого характера: среди обществ одного и того же размера в одном более интенсивно производят средства существования, другое может быть более политически централизованным или социально стратифицированным. Однако нам требуются какие-то условные признаки, которые помогли бы нам различать возникающие на основании этих особенностей типы обществ, признавая при этом разнообразие в пределах каждого аспекта. Проблема, которую нам предстоит решить, похожа на ту, которую решают возрастные психологи, обсуждая различия между отдельными людьми. Хотя каждый человек уникален, существуют общие черты, определяющиеся возрастом: например, трехлетний ребенок, как правило, по многим параметрам отличается от человека двадцати четырех лет. Однако смена возрастов – это постоянный процесс без резких скачков: не существует момента, когда ребенок внезапно превращается из трехлетнего малыша в дошкольника. Имеются различия и между людьми одного и того же возраста. Учитывая все эти сложности, возрастные психологи все же находят полезным использовать условные обозначения, такие как “младенец”, “ребенок”, “подросток”, “юноша”, “молодой взрослый” и т. д., хотя и признают несовершенство подобной классификации.

Социальные психологи тоже используют подобного рода условные обозначения, несмотря на все их недостатки. При этом они сталкиваются с дополнительными сложностями, поскольку изменения в обществе могут обращаться вспять, чего не происходит с возрастными изменениями. Например, деревни земледельцев могут в случае засухи использовать группы охотников-собирателей, но четырехлетний ребенок никогда не вернется в трехлетний возраст. И если большинство возрастных психологов используют обширные категории: младенчество, детство, подростковый возраст, юность, зрелость, – то некоторые социальные психологи пользуются многочисленными альтернативными наборами условных меток для описания различий между традиционными сообществами, а другие восстают против использования каких-либо

категорий вообще. В этой книге я буду иногда использовать систему Элмана Сервиса⁴, который разделил человеческие сообщества на четыре категории по критериям размера населения, политической централизации и социальной стратификации: группу, племя, вождество и государство. Хотя эти термины используются уже 50 лет и с тех пор были предложены и другие категории, система Сервиса имеет преимущество простоты: достаточно запомнить всего четыре термина, а не семь, и каждая категория описывается одним словом, а не развернутой фразой. Однако, пожалуйста, помните: это просто условные обозначения, полезные при обсуждении величайшего разнообразия человеческих сообществ; мы не будем останавливаться и перечислять несовершенства условных обозначений и важные различия в пределах любой из категорий каждый раз, когда в тексте будет использоваться один из терминов.

Сообщество самого малочисленного и простого типа (именуемое в системе Сервиса группой) состоит всего из нескольких десятков индивидов, многие из которых принадлежат к одной или нескольким сложным семьям, состоящим из супругов – мужчины и женщины, их детей, некоторых из их родителей, их братьев и сестер и кузенов. Большинство кочующих охотников-собирателей и некоторые земледельцы традиционно живут в таких группах, образуя население небольшой плотности. Группа достаточно немногочисленна для того, чтобы каждый ее член хорошо знал остальных, групповые решения могут приниматься в результате непосредственного обсуждения членами группы, формальное политическое лидерство или выраженная экономическая специализация отсутствуют. Социолог описал бы группу как относительно эгалитарную и демократическую: ее члены мало отличаются друг от друга “богатством” (предметов, находящихся в личной собственности, и вообще немного) и политическим влиянием, но при этом они имеют индивидуальные отличия в способностях или силе характера. Различия сглаживаются вследствие того, что любые ресурсы распределяются между всеми членами группы.

Насколько мы можем судить по данным археологических раскопок, несколько десятков тысячелетий назад все люди, вероятно, жили в таких группах. Большинство людей вели такой образ жизни и совсем недавно – 11 000 лет назад. Когда европейцы (в особенности после открытия Колумбом Америки в 1492 году) начали распространяться по миру и знакомиться с сообществами, которые еще не знали государственного строя, аборигены жили группами во всей или большей части Австралии и Арктики, а также на неплодородных, пустынных или лесных территориях Америки и тропической Африки. Традиционные группы, которые будут часто упоминаться в этой книге, свойственны обществам!кунг⁵ африканской пустыни Калахари, южноамериканским индейцам аче и сирियोно, жителям Андаманских островов в Бенгальском заливе, пигмеям африканских экваториальных лесов и земледельцам мачигенга в Перу. Все упомянутые в предыдущей фразе народности, за исключением мачигенга, – охотники-собиратели.

Следующая категория после группы – это племя, более крупный и сложный тип общества; в племя входят сотни совместно проживающих индивидов. Такая численность необязательно превышает размер группы, что позволяет всем членам племени лично знать друг друга; чужаков в племени нет. Например, в школе, где я учился, было примерно 200 учеников, и все учащиеся и учителя знали друг друга по именам, однако это оказалось бы невозможным в школе моей жены, где были тысячи учеников. Численность в несколько сотен означает наличие десятков семей, часто объединенных в родственные группы, именуемые кланами; кланы могут обмениваться друг с другом брачными партнерами. Более многочисленному по сравнению с группой племени требуется больше продовольствия для того, чтобы существовать на небольшой территории, так что обычно племена – это общества земледельцев или скотоводов (или

⁴ Элман Роджерс Сервис (1915–1996) – американский культуролог и антрополог (*прим. ред.*).

⁵ Значком! обозначается шелкающий звук, характерный для языка данной народности (*прим. перев.*).

и тех и других); впрочем, некоторые, живущие в особенно благоприятной среде (как айны в Японии или американские индейцы северо-западного побережья), остаются охотниками-собирателями. Члены племен чаще всего ведут оседлую жизнь и проводят весь год или его большую часть в деревнях, расположенных рядом с их полями, огородами, пастбищами или местами рыбной ловли. Впрочем, центральноазиатские скотоводы и некоторые другие племена практикуют перегон скота с зимних пастбищ на летние – сезонное перемещение между расположенными на разной высоте пастбищами, которые покрываются травой в разное время года.

В других отношениях племена все еще похожи на большие группы – например, в них имеет место относительное равенство, незначительная экономическая специализация, слабое политическое руководство, отсутствие бюрократии, принятие решений всеми членами племени. Я наблюдал собрания в деревнях Новой Гвинеи, когда сотни людей сидят на земле и каждый имеет возможность высказаться, в результате чего и принимается решение. В таких племенах имеется “большой человек”, выполняющий некоторые функции вождя, однако он достигает этого положения только благодаря своему дару убеждения или силе характера и не обладает легитимной властью. Примером ограниченности власти “большого человека”, как мы увидим в главе 3, может служить несогласие членов племени дани с волей своего вождя по имени Гутелу и последовавший в результате этого геноцид, расколовший политический союз Гутелу. Археологические свидетельства племенной организации – остатки довольно больших поселений – позволяют предположить, что на некоторых территориях племена начали появляться по крайней мере 13 000 лет назад. В новое время племенной образ жизни по-прежнему широко распространен в отдельных частях Новой Гвинеи и Амазонии. Племенные сообщества, которые я буду обсуждать в этой книге, включают инупиатов Аляски, южноамериканских индейцев яномамо, афганских киргизов, народность каулонг на острове Новая Британия и новогвинейские племена дани, дариви и форе.

За племенем следует новый этап организационной сложности, именуемый вождество. Эта форма организации насчитывает тысячи членов. Такое большое население и зарождающаяся экономическая специализация требуют большого количества продовольствия и умения создавать и хранить излишки еды, чтобы прокормить тех, кто продовольствия не производит: вождей, их родственников и бюрократов. Поэтому вождества строят постоянные поселения, в которых есть помещения для хранения запасов и в которых живут производители пищи – земледельцы и скотоводы. Исключение представляют вождества охотников-собирателей, живущих в наиболее плодородных местностях, такие как калуса во Флориде или чумаш в Южной Калифорнии.

В сообществе, состоящем из тысяч людей, невозможно, чтобы каждый знал каждого, нет и возможности проводить обсуждения лицом к лицу, в ходе которых каждый мог бы высказаться. В результате вождества сталкиваются с двумя проблемами, которые неизвестны группам и племенам. Во-первых, члены вождества должны научиться общаться с незнакомыми людьми, другими членами того же вождества, не выказывая при этом враждебности, не предъявляя территориальных притязаний и не начиная драку. Поэтому вождества культивируют общую для всех их членов идеологию и систему политических и религиозных ценностей, которая часто основана на предположительно божественном статусе вождя. Во-вторых, теперь имеется признанный лидер, вождь, который принимает решения, обладает неоспоримой властью, претендует на монополию на право применять силу против членов сообщества, если необходимо, и тем самым обеспечивает отсутствие противоборства между незнакомыми между собой подданными вождества. Вождю помогают неспециализированные чиновники (“прото-бюрократы”), собирающие подати, разрешающие споры и выполняющие другие административные обязанности; специализированных сборщиков налогов, судей, санитарных инспекторов (как в государстве) еще не существует. (Источником некоторой путаницы служит тот факт, что определенные традиционные сообщества, которые имеют вождей и которые правильно

именуются вождествами в научной литературе и в этой книге, в популярной литературе тем не менее называются племенами – например, индейские “племена” северо-востока Американского континента.)

Экономическое новшество вождества называется распределительной экономикой: вместо прямого обмена между членами сообщества вводится сбор вождем податей (в виде продовольствия или труда), большая часть которых затем перераспределяется между воинами, жрецами, ремесленниками, служащими вождю. Таким образом, перераспределение является самой ранней формой системы налогообложения для поддержки новых институций. Часть натуральных податей возвращается жителям, перед которыми вождь имеет моральные обязательства: поддерживать их в голодный год или во время общественных работ – строительства монументальных сооружений и ирригационных систем. Помимо этих политических и экономических инноваций, которые отличают их от групп и племен, вождества ввели и такое социальное новшество, как институционализированное неравенство. У некоторых племен тоже имелись отделенные друг от друга касты, но в вождествах ранги стали наследственными: на вершине – вождь и его семейство, в самом низу – простолюдины или рабы, а между ними – в случае, например, Гавайских островов – до восьми каст. Подати, собранные вождем, обеспечивают лицам благородного происхождения, членам высших каст, более высокий уровень жизни – лучшую пищу, лучшие жилища, особую одежду и украшения.

Таким образом, археологи иногда идентифицируют вождества прошлого по монументальным сооружениям и признакам неравномерного распределения благ: в некоторых погребениях обнаруживаются ценные предметы, некоторые тела (вождей, их родственников и бюрократов) покоятся в больших усыпальницах, заполненных предметами роскоши (например, украшениями из бирюзы или принесенными в жертву лошадьми), – в отличие от простых, ничем не украшенных погребений простолюдинов. Основываясь на таких данных, ученые пришли к выводу, что вождества начали возникать около середины VI тысячелетия до н. э. В более близкие к нам времена, вплоть до почти повсеместного возникновения государственного строя, вождества были широко распространены в Полинезии, в Африке к югу от Сахары, в наиболее плодородных местностях на востоке и северо-западе Северной Америки, в Центральной и Южной Америке за пределами границ мексиканских и андских государств. Вождества, которые будут описываться в этой книге, – это сообщества жителей островов Маилу и Тробриан неподалеку от Новой Гвинеи и североамериканских индейцев калуса и чумаш. Начиная примерно с 3400 года до н. э. из вождеств в результате завоеваний или объединений стали возникать государства, что повлекло рост населения, часто весьма разнообразного с этнической точки зрения, появление специализированной бюрократии разных уровней, постоянных армий, гораздо большей экономической специализации, урбанизации и другие перемены, в результате чего возник тот тип общества, который теперь господствует во всем мире.

Таким образом, если бы у социологов была машина времени и они могли бы заглянуть в мир в любую эпоху раньше 9000 лет до н. э., они обнаружили бы, что все люди повсюду ведут образ жизни охотников-собирателей, живут группами и, возможно, кое-где племенами, не знают металлических орудий, письменности, централизованного правительства или экономической специализации. Если бы социологи могли переместиться в XIV век, когда экспансия европейцев на другие континенты только начиналась, то они обнаружили бы, что Австралия – единственный континент, население которого все еще полностью состоит из охотников-собирателей и живет по большей части группами или в редких случаях племенами. Однако большую часть Евразии, Северной Африки, крупных островов Западной Индонезии, Анд и отчасти Мексики и Западной Африки занимают государства. При этом все еще существует много групп, племен и вождеств в Южной Америке за пределами Анд и во всей Северной Америке, в Новой Гвинее, в Арктике и на островах Тихого океана. Сегодня весь мир, за исключением Антарктиды, по крайней мере номинально разделен на государства, хотя в некоторых регио-

нах государственное управление по-прежнему неэффективно. В XXI веке наибольшее число сообществ, находящихся вне эффективного государственного контроля, живут на Новой Гвинее и в Амазонии.

На пути от групп к государствам, параллельно росту населения, усложнению политической организации, интенсификации производства продовольствия, наблюдаются и другие тенденции: рост зависимости от металлических орудий, усложнение технологий, экономическая специализация, углубляющееся неравенство, письменность, а также изменения в способах ведения войны и в религиозных представлениях. Эти изменения будут обсуждаться в главах 3, 4 и 9 соответственно (не будем забывать: развитие от группы к государству не было ни повсеместным, ни необратимым, ни линейным). Эти особенности государств, в частности многочисленность населения и политическая централизация, а также более совершенные технологии и вооружение, и позволили государствам завоевывать народы, ведущие традиционный образ жизни, покорять, поработать, поглощать, изгонять или истреблять жителей земель, на которые претендует государство. В результате группы и племена в современном мире оказались вытеснены на территории, непривлекательные или труднодостижимые для поселенцев (такие как пустыня Калахари, населенная!кунг, африканские экваториальные леса, где живут пигмеи, глубинные районы долины Амазонки, предоставленные индейцам, и Новая Гвинея, которую оставили новогвинейцам).

Почему в 1492 году, когда Колумб совершил первое путешествие через Атлантику, в разных частях мира люди жили в обществах разного типа? Почему некоторые народы (в особенности в Евразии) к этому времени уже знали государство, письменность и орудия из металла, интенсивное сельское хозяйство и постоянные армии, в то время как многие другие народы были лишены этих благ цивилизации, а австралийские аборигены, !кунг и африканские пигмеи все еще сохраняли тот образ жизни, который был характерен для всего мира до 9000 года до н. э.? Чем можно объяснить столь разительные географические различия?

Раньше преобладало мнение (многие придерживаются его и сегодня), что такие географически различающиеся ситуации отражают врожденные различия в интеллекте, в биологическом развитии и в трудовой этике. В соответствии с таким взглядом считается, что европейцы обладают более развитым интеллектом, более совершенны биологически и более трудолюбивы, в то время как австралийские аборигены, новогвинейцы и другие народы, в наше время живущие группами и племенами, обладают более низким интеллектом, более примитивны и менее честолюбивы. Однако доказательств, что эти предполагаемые биологические различия существуют, у нас нет, если не принимать во внимание порочную логику следующего рассуждения: современные члены традиционных групп и племен продолжают жить в условиях более примитивных технологий, политической организации и производства средств к существованию, а потому должны считаться биологически более примитивными.

На самом деле различия в типах общественной организации, сосуществующих в современном мире, объясняются различиями окружающей среды. Усиление политической централизации и социальной стратификации было порождено ростом плотности населения, который, в свою очередь, был обеспечен интенсификацией производства продовольствия (земледелия и животноводства). Однако на удивление немногие виды диких растений и животных пригодны для одомашнивания и могут стать соответственно злаками и скотом. Эти немногие дикие виды были распространены лишь в нескольких небольших регионах мира, и населявшие эти регионы человеческие сообщества получили несомненную фору в развитии производства продовольствия, получении излишков пищи, росте населения, создании передовой технологии и государства. Как я подробно показал в моей книге “Ружья, микробы и сталь”, эти различия объясняют, почему именно европейцы, жившие поблизости от этого региона (“Плодородного полумесяца”), в котором имелись наиболее ценные из поддающихся одомашниванию диких растений и животных, смогли перейти к экспансии по всему миру, в отличие от!кунг и австра-

лийских аборигенов. В контексте данной книги это означает, что люди, все еще живущие или жившие недавно в традиционных сообществах, – это с биологической точки зрения современные люди, которым просто выпало жить в регионах, где пригодных к одомашниванию животных и растений было мало, а в остальном их образ жизни может быть соотнесен с образом жизни читателей этой книги.

Подходы, вопросы, источники

В предыдущем разделе мы обсуждали различия между традиционными сообществами, причиной которых могут быть фундаментальные различия в численности и плотности населения, способах производства продовольствия и условий обитания. Хотя общие тенденции, о которых мы говорили, несомненно, существуют, было бы неразумно предположить, будто все особенности общества могут быть выведены из материальных условий его существования. Примером могут служить культурные и политические различия между народами Франции и Германии, которые необязательно объясняются различиями в природных условиях двух стран, весьма незначительными с точки зрения общего разнообразия мировой среды обитания.

Ученые пользуются разными методами для объяснений различий между обществами. Каждый из этих подходов полезен для понимания определенных различий между определенными обществами, однако оказывается непригодным в других случаях. Один из подходов – эволюционный, описанный и проиллюстрированный в предыдущем разделе: общества, различающиеся размером населения и его плотностью, значительно отличаются друг от друга, в то время как сходные по размеру и плотности населения общества имеют много и других общих черт. Можно предположить – а иногда и наблюдать это напрямую, – что изменения в сообществе связаны с изменением его размера.

С эволюционным подходом может быть связан и другой, так называемый адаптационный: идея тут заключается в том, что некоторые особенности общества играют адаптивную роль и помогают ему функционировать более эффективно в конкретных природных условиях, в конкретной среде обитания, в условиях определенной социальной организации, определенной численности и плотности населения. Примером этого может служить тот факт, что любому сообществу, состоящему более чем из нескольких тысяч членов, необходимы, во-первых, лидеры, а во-вторых – умение производить излишки продовольствия, необходимые для содержания этих лидеров. Этот подход вынуждает ученого прибегать к обобщениям и интерпретировать изменения, происходящие со временем в данном обществе, с точки зрения влияния окружающей среды.

Другой подход, прямо противоположный, рассматривает каждое общество как уникальное, как результат его конкретной истории, и считает его культурные представления и образ жизни независимыми переменными, которые не диктуются условиями окружающей среды. Среди практически бесконечного числа примеров отмечу один крайний случай, ситуацию чрезвычайно драматичную и убедительно свидетельствующую об отсутствии прямой связи с материальными условиями жизни (речь пойдет об одном из народов, упоминаемых в этой книге). Народность каулонг, одна из десятков небольших человеческих популяций, живущих вдоль южного склона водораздела на острове Новая Британия, расположенного к востоку от Новой Гвинеи, в прошлом практиковала ритуальное удушение вдов. Когда умирал мужчина, его вдова обращалась к своим братьям с просьбой ее задушить. Женщину не убивали против ее воли, и другие члены сообщества не принуждали ее к самоубийству, однако она выросла, наблюдая этот обычай, и следовала ему, овдовев. Она настойчиво уговаривала своих братьев (или сына, если у нее не было братьев) исполнить свой тяжкий долг и удушить ее, несмотря на их естественное нежелание это делать, и даже садилась так, чтобы им было удобнее.

Ни один ученый не взялся бы утверждать, что обычай каулонг душить вдов полезен для их сообщества или в долговременной перспективе приносит генетическую пользу (задушенной вдове – посмертно – или ее родственникам). Ни один социолог не обнаружил в среде обитания каулонг каких-либо особенностей, которые давали бы соблюдающим этот обычай какое-то преимущество перед обитателями северных склонов водораздела или перед людьми, живущими на южных склонах к востоку или к западу от каулонг. Мне неизвестны другие сообще-

ства ни на Новой Британии, ни на Новой Гвинее, которые практиковали бы ритуальное удушение вдов, за исключением родственников каулонг и живущих по соседству с ними сенгсенг. По-видимому, необходимо рассматривать удушение вдов как независимую культурную особенность каулонг, по неизвестной причине сложившуюся в данном районе Новой Британии. Эта особенность могла бы со временем исчезнуть в результате естественного отбора и конкуренции между сообществами (то есть если бы те обитатели Новой Британии, которые не душат вдов, получали бы эволюционное преимущество перед каулонг); впрочем, этот обычай сохранялся в течение долгого времени, пока под внешним давлением не прекратил свое существование примерно в 1957 году. Любой, кто знаком с каким-нибудь традиционным сообществом, сможет вспомнить какую-нибудь особенность (пусть и не в столь крайней форме), характерную только для этого сообщества, но не приносящую видимой пользы, а иногда и явно вредную и не являющуюся очевидным следствием местных условий.

Еще один подход к пониманию различий между сообществами – это признание того факта, что в любом регионе исторически широко представлены и распространяются культурные представления и обычаи, не имеющие явной связи с местными условиями. Знакомым читателю примером этого может служить почти повсеместное распространение монотеистических религий и нетональных языков в Европе – в отличие от немонотеистических религий и тональных языков в Китае и примыкающих к нему регионах Южной Азии. Мы многое знаем о происхождении и историческом распространении каждого типа религий и языков. Однако мне не известно ни одной убедительной причины, по которой тональные языки меньше подходили бы для природных условий Европы, а какая-либо монотеистическая религия исходно была бы менее пригодна для окружающей среды Восточной или Юго-Восточной Азии.

Религии, языки и другие верования и практики могут распространяться одним из двух путей. Первый из них – это расселение народов, несущих с собой свою культуру, как это было с европейцами, эмигрировавшими в Америку и Австралию и приносившими с собой европейские языки и общественную организацию европейского типа. Второй путь – это принятие каким-либо народом системы верований и поведения, свойственных другой культуре: так, например, современные японцы переняли западную манеру одеваться, а современные американцы усвоили привычку есть суши (при том что американцам не пришлось для этого массово эмигрировать в Японию, а японцам – в США).

Еще одна тема, неизбежно возникающая при разговоре о культурных различиях и с которой мы еще неоднократно столкнемся в этой книге, это разница между непосредственным поводом для явления и подлинной причиной. Чтобы понять, в чем тут разница, представьте себе пару, которая после двадцати лет брака собралась разводиться и пришла на консультацию к психотерапевту. На вопрос врача: “Какая неожиданность заставила вас прийти ко мне и задуматься о разводе после двадцати лет совместной жизни?” муж отвечает: “Дело в том, что она сильно ударила меня по лицу тяжелой стеклянной бутылкой; я не могу жить с женщиной, которая так себя ведет”. Жена признает, что действительно ударила мужа стеклянной бутылкой и что это – причина их разрыва. Таково непосредственное объяснение. Однако врачу известно, что удары бутылками редко случаются в счастливых семьях, и он начинает расспрашивать об истинных мотивах супругов. Жена отвечает: “Я не могла больше терпеть его постоянных романов с другими женщинами – поэтому я его и ударила”. Измены мужа – действительная (то есть основная) причина. Муж сознается в своих изменах, но врач опять же задается вопросом: почему этот мужчина, в отличие от многих других, счастливо живущих в браке, постоянно заводит романы? Муж отвечает: “Моя жена – холодная, эгоистичная женщина, а я обнаружил, что, как любой нормальный человек, стремлюсь к отношениям, полным любви. Такие отношения я и ищу с другими женщинами, и в этом и есть основная причина разрыва”.

В ходе длительного лечения психотерапевт, вероятно, исследовал бы детские воспоминания женщины, чтобы понять, какие особенности воспитания сделали ее холодной и эгоистич-

ной (если она и в самом деле такова). Однако даже это краткое описание визита к врачу дает возможность увидеть, что в цепочке причин и следствий некоторые из них лежат на поверхности, а другие не видны сразу, но гораздо более фундаментальны. В этой книге мы увидим многие такие цепочки. Например, непосредственный (лежащий на поверхности) повод к войне между племенами (глава 4) может заключаться в том, что некто А из одного племени украл свинью у некоего Б из другого племени. Вор оправдывает свое воровство уважительной причиной (кузен Б в свое время обещал, что купит свинью у отца А, но не уплатил условленной цены); фундаментальной же причиной войны была засуха, нехватка продовольствия и демографическое давление, в результате чего свиней оказалось недостаточно для того, чтобы прокормить членов обоих племен.

Таковы вкратце подходы, с помощью которых ученые пытаются разобраться в различиях между человеческими обществами. Что же касается того, как ученые получают знания о традиционных сообществах, то здесь источники информации могут быть довольно условно разделены на четыре пересекающиеся категории, каждая из которых обладает собственными достоинствами и недостатками. Самый очевидный способ (с его помощью была получена большая часть информации в этой книге) – это отправка подготовленного специалиста, социолога или биолога, который посещает какое-либо традиционное сообщество или даже живет в нем и проводит исследования по какой-то определенной теме. Главный недостаток такого подхода заключается в том, что ученому обычно не удается поселиться в традиционном обществе до того, как члены этого общества уже “умиротворены”, поражены завезенными заболеваниями, завоеваны и подчинены правительству государства – а значит, уже значительно изменились по сравнению со своим исходным состоянием.

Второй метод – это попытка “пролистать обратно” недавние перемены в жизни современных традиционных обществ. Для этого членов не знающих письменности обществ просят рассказывать передаваемые изустно истории и реконструируют благодаря этому состояние сообщества, каким оно было несколько поколений назад.

Третий метод, как и предыдущий, использует устные реконструкции, насколько они позволяют представить себе традиционное сообщество до посещения его современными учеными, но дополняет эти реконструкции описаниями, сделанными путешественниками, торговцами, правительственными чиновниками и миссионерами, которые обычно опережают ученых в контактах с традиционными сообществами. Хотя полученные таким образом результаты оказываются менее систематическими, менее качественными и не такими научно строгими, как отчеты подготовленных полевых исследователей, они обладают важным преимуществом, которое компенсирует их недостатки: они описывают традиционные сообщества на более ранней стадии, чем та, которую наблюдали позднее ученые.

Наконец, единственным источником информации об обществах отдаленного прошлого, к тому же не зависящим от наличия у этих обществ письменности или контактов со знающими письменность наблюдателями, являются археологические раскопки. Археология обладает тем преимуществом, что позволяет увидеть культуру такой, какой она была задолго до контактов с современным миром и изменений, которые произошли в результате этих контактов. Из недостатков этого метода надо назвать недоступность тонких деталей (например, имен людей и мотивов, которые ими двигали) и менее уверенные заключения о социальных аспектах жизни людей, насколько о них можно судить по материальным следам, обнаруживаемым археологами.

Для читателей (особенно исследователей), которые хотели бы узнать больше о различных способах получения информации о традиционных обществах, я привожу развернутый список литературы в конце книги.

Маленькая книга о большом предмете

В принципе, предмет этой книги – все аспекты культуры всех народов мира на протяжении последних 11 000 лет. Однако на самом деле такой охват потребовал бы тома примерно в 2500 страниц, который никто не был бы в состоянии прочесть. Поэтому я из практических соображений отобрал лишь некоторые темы и некоторые народности, которые я буду обсуждать и описывать, чтобы получилась книга доступного объема. Я надеюсь, что мне удастся побудить читателей заинтересоваться темами и сообществами, которые мной не описаны, обратившись к превосходным работам других авторов (многие из этих работ перечислены в разделе “Что еще почитать”).

Что касается выбора тем, то я, чтобы показать весь спектр различных способов понимания традиционных сообществ, отобрал девять предметов обсуждения, которым посвящены 11 глав. Две темы – “Опасности” и “Воспитание детей” – касаются областей, в которых мы можем рассматривать некоторые обычаи традиционных сообществ как пригодные для использования в нашей собственной жизни. Это как раз те две области, где навыки представителей традиционных сообществ, в которых я жил, в наибольшей мере повлияли на мой образ жизни и принимаемые решения. Три другие области – “Отношение к престарелым”, “Языки и многоязычие”, “Здоровый образ жизни” – включают моменты, в которых традиционные практики могут послужить моделью и для наших индивидуальных решений, и для нашего общества в целом. Еще одна тема – “Мирное разрешение споров” – полезна скорее с точки зрения общественных интересов в целом, чем с точки зрения интересов отдельного человека. В отношении всего этого нужно ясно понимать, что далеко не просто позаимствовать или приспособить обычаи одного общества к жизни другого. Например, даже если вы восхищаетесь определенными правилами воспитания детей, принятыми в традиционном сообществе, вам может быть непросто применить их в отношении ваших собственных детей, если все остальные родители в вашем окружении воспитывают своих отпрысков в соответствии с самыми современными тенденциями.

Что касается религии, то я не думаю, что кто-то из читателей или какое-то общество в результате обсуждения мною этого предмета в главе 9 обратится в какую-нибудь племенную религию. Однако большинство из нас на протяжении жизни проходит различные фазы поиска ответов на собственные вопросы, касающиеся религии. На одном из таких жизненных этапов читатель может извлечь пользу из размышлений о том, насколько разнообразное значение имела религия в различных обществах на протяжении истории человечества.

Наконец, две главы, посвященные войнам, на мой взгляд, показывают ту область, где лучшее понимание традиционной практики поможет оценить те блага, которые принес нам государственный строй. (Не возмущайтесь, не напоминайте мне о Хиросиме или об окопных войнах, отказываясь даже обсуждать “преимущества” войн, которые ведут государства; вопрос может оказаться более сложным, чем кажется на первый взгляд.)

Конечно, такой выбор тем оставляет за рамками рассмотрения множество важнейших предметов социологических исследований – таких как искусство, методы познания, кооперация, кулинария, танцы, отношения полов, система родства, предполагаемое воздействие языка на восприятие и мышление (гипотеза Сепира – Уорфа⁶), литература, брачные отношения, музыка, сексуальные практики и прочее. В защиту своего подхода хочу сказать, что эта книга не имеет цели дать полный обзор жизни человеческого общества и представляет лишь неко-

⁶ Гипотеза Сепира – Уорфа – гипотеза лингвистической относительности, концепция, разработанная в 30-х годах XX века, согласно которой структура языка определяет мышление и способ познания реальности (*прим. перев.*).

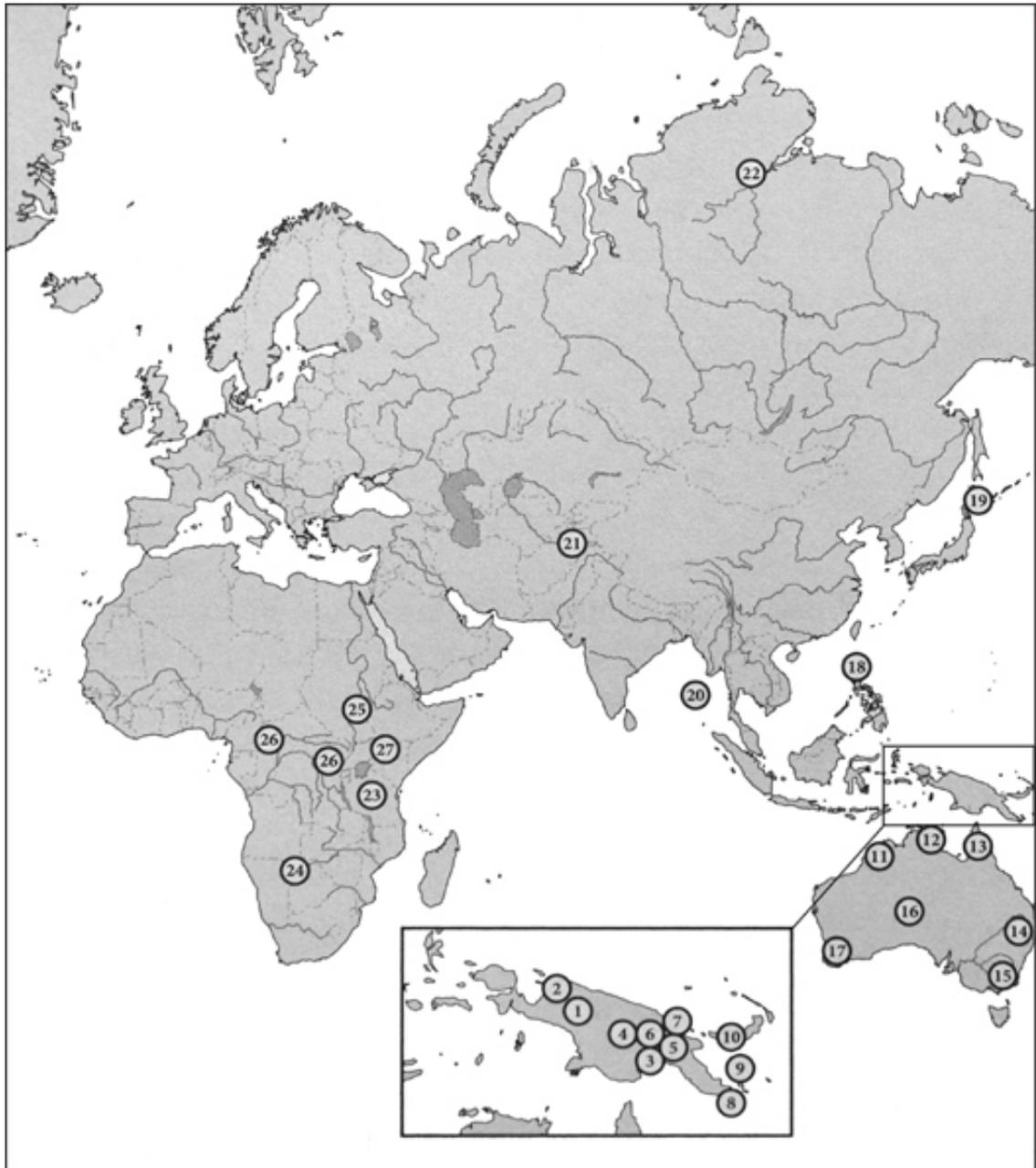
торые аспекты. Причины указаны выше; существуют превосходные публикации, освещающие отсутствующие в книге темы с самых разных точек зрения.

Что касается выбора примеров, то невозможно в одной книге привести примеры из жизни всех небольших традиционных сообществ по всему миру. Я решил сосредоточить внимание на группах и племенах мелких фермеров и охотников-собираателей, в меньшей степени – на вождествах и в еще меньшей – на государствах, потому что первые сильнее всего отличаются от нашего собственного современного общества и этот контраст может большему нас научить. Я неоднократно привожу примеры из жизни нескольких дюжин таких традиционных сообществ из разных регионов мира. Таким образом, я надеюсь, читатель сможет составить более комплексную и подробную картину и увидеть, как сочетаются различные аспекты жизни этих сообществ: воспитание детей, отношение к престарелым, восприятие опасности, разрешение споров.

Некоторые читатели могут счесть, что я привожу непропорционально много примеров из жизни обитателей Новой Гвинеи и соседних тихоокеанских островов. Причина отчасти заключается в том, что в этом регионе я провел больше всего времени и знаю его лучше других. Однако дело еще и в том, что Новая Гвинея в самом деле демонстрирует наибольшее разнообразие человеческих культур. Это единый дом для тысячи из примерно семи тысяч языков, существующих в мире. Этот остров – местожительство для наибольшего числа сообществ, которые даже в наше время остаются вне зоны государственного контроля или подчинились ему совсем недавно. Население Новой Гвинеи отличается величайшим разнообразием традиционных укладов жизни: кочующие охотники-собираатели, рыбаки побережья и внутренних районов, земледельцы, выращивающие саго в долинах и оседлые огородники и свинопасы горной местности; размер популяций варьирует от групп в несколько десятков человек до племен в 200 000 человек. Тем не менее, как вы увидите, я подробно обсуждаю наблюдения других ученых над другими сообществами со всех обитаемых континентов.

Поэтому, чтобы не отпугнуть потенциальных читателей размером и стоимостью книги, я опустил примечания и ссылки на отдельные утверждения в тексте. Вместо этого я привожу источники в разделе “Что еще почитать”, распределив их по главам. Части этого раздела, в которых содержатся ссылки, относящиеся ко всей книге, включая пролог, приведены в конце текста. Части, содержащие ссылки к главам 1–11 и к эпилогу, не даны в книге, но помещены на легкодоступном сайте jareddiamondbooks.com. Хотя раздел “Что еще почитать” все равно получился много длиннее, чем понравится большинству читателей, он все же не исчерпывает всей библиографии к каждой главе. Я отобрал лишь современные работы, которые предоставят читателям с более глубокими интересами необходимый материал, плюс некоторые классические труды, которые и сегодня не перестают радовать читателей.

Где живут 39 сообществ, которые особенно часто упоминаются в этой книге:

Новая Гвинея и соседние острова: 1. Дани. 2. Файю. 3. Дариби. 4. Энга. 5. Форе. 6. Цембага маринг. 7. Хинихон. 8. Островитяне Маилу. 9. Островитяне Тробриана. 10. Каулонг.
Австралия: 11. Нгариньин. 12. Йолнгу. 13. Сэндбич. 14. Юваалияй. 15. Кунаи. 16. Питьянтъятьяра. 17. Уиил и минонг.

Евразия: 18. Агта. 19. Айны. 20. Жители Андаманских островов. 21. Киргизы. 22. Нганасаны.

Африка: 23. Хадза. 24. Кунг. 25. Нуэр. 26. Пигмеи (мбути, ака). 27. Туркана.

Северная Америка: 28. Калуса. 29. Материковые чумаш. 30. Островные чумаш. 31. Инупиаты. 32. Инупиаты Северного склона Аляски. 33. Шошоны Большого Бассейна. 34. Индейцы северо-западного побережья.

Южная Америка: 35. Аче. 36. Мачигенга. 37. Пираха. 38. Сирионо. 39. Яномамо.

План книги

Данная книга состоит из одиннадцати глав, объединенных в пять частей, и эпилога. Часть первая состоит из единственной главы 1, показывающей сцену, на которой разыгрывается действие остальных глав, и содержащей объяснение того, как традиционные сообщества делят пространство – или устанавливая четкие границы, отделяющие взаимно запретные территории, подобные границам современных государств, или принимая более гибкие соглашения, предоставляющие соседним группам взаимные права на использование в особых целях территории соседей. Однако в любом случае никто не пользуется полной свободой передвижения, так что представители традиционных сообществ склонны рассматривать других людей как принадлежащих к одному из трех типов: известные личности, являющиеся друзьями; другие известные личности, которые являются врагами; и незнакомцы, которых скорее следует считать врагами. В результате такого взгляда люди, ведущие традиционный образ жизни, не могут знать внешний мир за пределами территории собственного племени.

Вторая часть включает три главы, в которых рассматривается разрешение споров. В отсутствие централизованного государственного управления и юрисдикции маленькие традиционные сообщества разрешают споры одним из двух способов; первый из них более примирительный, а другой – более насильственный, чем способы, принятые в государственном обществе. Я показываю мирное разрешение конфликта (глава 2) на примере инцидента, в ходе которого ребенок-новогвинеец был случайно убит, а затем его родители и родственники убийцы в течение нескольких дней достигали соглашения по поводу компенсации и эмоционального примирения. Целью таких процессов является не определение того, кто прав, а кто – виноват, но восстановление отношений (или отказ от их восстановления) между членами маленького сообщества, которым предстоит всю оставшуюся жизнь встречаться друг с другом. Я противопоставляю эту мирную форму традиционного разрешения противоречий способу осуществления правосудия в условиях государства: судебный процесс часто бывает медленным, а стороны, участвующие в нем, – часто незнакомые друг с другом люди, которые никогда больше не встретятся, а целью процесса является установление того, кто прав, а кто виноват, а не восстановление взаимоотношений. При этом у государства в процессе имеются собственные интересы, которые могут не совпадать с интересами потерпевшего. Для государства подобная система правосудия – необходимость. Однако традиционное мирное разрешение конфликтов может обладать некоторыми преимуществами, которые было бы полезно ввести в систему современного правосудия.

Если конфликт в небольшой общине не разрешен его участниками мирно, альтернативой является насилие или даже война, поскольку отсутствует государственная система правосудия, которая могла бы вмешаться в спор. В отсутствие сильной политической власти и монополии государства на применение силы такое насилие часто приводит к цепочке убийств из мести. Краткая глава 3 рассказывает о войне в традиционном обществе на примере мелкого столкновения между группами дани, живущими в западной части Новогвинейского нагорья. В более пространной главе 4 я рассматриваю военные столкновения в традиционных обществах по всему миру, пытаюсь понять, заслуживают ли они действительно названия войн, почему так велико число их жертв, чем они отличаются от войн, которые ведут государства, и почему вообще войны более распространены у одних народностей, чем у других.

Третья часть книги состоит из двух глав, касающихся противоположных этапов человеческой жизни: детства (глава 5) и старости (глава 6). Спектр традиций воспитания детей в традиционном обществе широк – от весьма жестких до настолько снисходительных, что они были бы сочтены недопустимыми в большинстве современных государств. Тем не менее некоторые темы постоянно возникают при взгляде на традиционное воспитание детей. Читатели этой

главы, вероятно, восхитятся некоторыми обычаями и придут в ужас от других, а также задаться вопросом: не стоит ли позаимствовать у традиционных сообществ те или иные методы воспитания детей.

Что касается отношения к старикам (глава 6), то некоторые группы, особенно кочевые или живущие в особо суровом природном окружении, вынуждены отказывать пожилым соплеменникам в заботе, покидать их на произвол или убивать. Зато другие группы обеспечивают своим престарелым членам гораздо более удовлетворительную и продуктивную жизнь, чем большинство обществ западного типа. В число факторов, определяющих эти различия, входят условия окружающей среды, польза, приносимая стариками, а также ценности и обычаи данного сообщества. В современном обществе чрезвычайно увеличившаяся продолжительность жизни и резко снизившаяся полезность стариков создают в нашем обществе немало трагедий, и отношение к престарелым в некоторых традиционных сообществах могло бы послужить нам примером.

Четвертая часть, состоящая из двух глав, посвящена различным опасностям и реакции на них. Я начинаю (глава 7) с описания трех действительно или потенциально опасных случаев, которые произошли со мной на Новой Гвинее, и рассказываю, что я в результате узнал об общепринятом отношении традиционных народностей к подобным ситуациям; я восхищаюсь этим отношением, которое называю “конструктивной паранойей”. Столь парадоксальным словосочетанием я обозначаю постоянное осознание важности мелких происшествий или знаков, которые в каждом отдельном случае несут лишь небольшой риск, однако повторяются тысячи раз на протяжении жизни человека и, если на них не обращать внимания, в конце концов могут оказаться вредоносными или фатальными. “Несчастные случаи” не происходят случайно и не являются результатом невезения: все события рассматриваются как имеющие определенную причину, так что возможные причины нужно отслеживать и всегда быть начеку.

Следующая, восьмая, глава описывает типы опасностей, неразрывно связанных с жизнью традиционных сообществ, и различные способы реакции на них. Как мы увидим, наше современное восприятие опасностей и реакция на них в некоторых отношениях фундаментально иррациональны.

Заключительная, пятая, часть состоит из трех глав, которые посвящены темам, которые занимают центральное место в жизни человека и претерпевают быстрые изменения в современном мире: религии, языку и здоровью. Содержание главы 9, в которой речь пойдет об уникальном феномене, свойственном исключительно человеку, – религии, непосредственно вытекает из предыдущих двух глав, где говорится об опасностях, потому что наш постоянный поиск причин опасностей может явиться основанием для возникновения религии. Почти повсеместное распространение религии в человеческом обществе говорит о том, что она выполняет важные функции независимо от того, истинны ли ее догматы. Однако относительная важность выполняемых религией функций меняется по мере развития человеческого общества. Интересно поразмыслить над тем, какие же функции религии имеют шанс стать самыми важными в наступающие времена.

Язык, как и религия, – уникальная особенность человека; он часто рассматривается в качестве самого важного отличия человека от других животных. Хотя в мире небольших сообществ охотников-собирателей среднее число говорящих на том или ином языке колеблется от нескольких сотен до нескольких тысяч, члены многих из них говорят на нескольких языках. Современные американцы часто полагают, что многоязычие не следует поощрять, поскольку оно, как считается, затрудняет ребенку овладение языком и мешает интеграции иммигрантов. Однако последние исследования показывают, что владеющие несколькими языками люди на всю жизнь обретают когнитивные преимущества. Впрочем, языки сейчас исчезают так быстро, что, если современная тенденция сохранится, 95 % существующих в мире языков умрут или станут умирающими в течение столетия. Последствия этого несомненного факта оцениваются

столь же противоречиво, как и последствия владения несколькими языками: многие приветствовали бы сохранение в мире всего нескольких широко распространенных языков, в то время как другие указывают на преимущества, которые разнообразие языков приносит и обществам, и отдельным людям.

Последняя, одиннадцатая, глава имеет для нас сегодня наиболее прямое практическое значение. Большинство из нас, граждан современных государств, умрет от неинфекционных болезней – от диабета, гипертонии, инсультов, инфарктов, различных форм рака и т. д. Эти болезни мало или вовсе неизвестны народам, которые ведут традиционный образ жизни; впрочем, члены этих сообществ часто начинают болеть ими через одно-два десятилетия после приобщения к западному стилю жизни. Очевидно, что западный стиль жизни порождает перечисленные заболевания, и мы могли бы снизить свои шансы умереть от них, если бы смогли минимизировать факторы риска. Для иллюстрации этой мрачной истины я привожу два примера – гипертонии и диабета второго типа. Оба эти заболевания зависят от генов, влияние которых было бы благоприятным в условиях традиционного образа жизни, но становится фатальным в условиях жизни западного типа. Многие современные люди, осознав эти факты, соответственно изменили свой образ жизни, увеличив тем самым ее продолжительность и улучшив качество. Таким образом, если болезни убивают нас, то происходит это, так сказать, с нашего собственного разрешения.

Наконец, эпилог книги завершит круг, который мы начали в прологе, со сцены в аэропорту Порт-Морсби. Только прибыв в аэропорт Лос-Анджелеса, я начал эмоционально возвращаться в родное для меня американское общество после нескольких месяцев, проведенных на Новой Гвинее. Несмотря на резкие различия между Лос-Анджелесом и новогвинейскими джунглями, значительная часть позавчерашнего мира продолжает жить в наших телах и в нашем обществе. Большие перемены начались всего 11 000 лет назад даже в тех регионах, где они начались прежде всего; в наиболее населенных частях Новой Гвинеи они начались всего несколько десятилетий назад, а в некоторых все еще малодоступных районах Новой Гвинеи и Амазонии едва только начинаются. Однако для тех из нас, кто вырос в современных государствах, современные условия жизни воспринимаются как нечто настолько само собой разумеющееся, что нам трудно отметить все фундаментальные отличия традиционных сообществ во время кратких визитов к ним. Поэтому эпилог начинается с перечисления этих отличий, поразивших меня по прибытии в аэропорт Лос-Анджелеса, как они поражают американских детей или жителей новогвинейских и африканских деревень, которые выросли в традиционных сообществах и подростками или взрослыми переселились на Запад. Я посвящаю эту книгу одной из своих хороших знакомых – Мег Тейлор, которая выросла на Новогвинейском нагорье и провела много лет в Соединенных Штатах в качестве посла своей страны и вице-президента Всемирного банка. В разделе “Благодарности” приведены краткие сведения о Мег.

Традиционные сообщества демонстрируют нам продолжающийся тысячи веков естественный эксперимент по организации человеческой жизни. Мы не можем повторить этот эксперимент, начав переделывать тысячи современных обществ, чтобы через несколько десятилетий посмотреть, что получится; нам приходится изучать этот процесс на примере тех сообществ, которые подобный эксперимент уже проводят. Когда мы знакомимся с некоторыми особенностями традиционного образа жизни, то мы радуемся, что избавлены от них; это позволяет нам больше ценить наше собственное общество. Другие особенности нам нравятся, и мы сожалеем об их утрате и задаемся вопросом, нельзя ли нам некоторые из них использовать. Например, нас наверняка обрадовало бы отсутствие неинфекционных болезней, связанных с западным образом жизни. Когда мы узнаем о традиционных способах разрешения споров, воспитания детей, обращения с престарелыми, об отслеживании опасностей и многоязычии, мы также можем заключить, что некоторые из этих традиционных особенностей могли бы быть для нас желательными и полезными.

Как минимум, я надеюсь, что вы разделите мое восхищение перед тем многообразием способов, каким человек способен организовать свою жизнь. Помимо этого, вы можете признать, что вещи, столь эффективно работающие в традиционных обществах, возможно,годились бы и вам лично, и всему нашему обществу в целом.

Часть первая. Место действия: разделение пространства

Глава 1. Друзья, враги, незнакомцы, торговцы

Граница

В современном мире граждане многих государств могут свободно путешествовать. Мы беспрепятственно перемещаемся по собственной стране. Чтобы пересечь границу другого государства, мы либо просто предъявляем на границе свой паспорт, либо должны заранее получить визу, но так или иначе получаем право путешествовать по чужой стране. Нам не нужно спрашивать разрешения на передвижение по дорогам или по общественным землям. Законы некоторых стран даже гарантируют посторонним доступ на земли, находящиеся в частной собственности. Например, в Швеции землевладелец имеет право не допустить публику на свои поля или в сады, но не в леса. Мы каждый день встречаем тысячи незнакомцев и не обращаем на это внимания.

Право свободы передвижения мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся и не задумываемся о том, насколько немислимой была подобная свобода почти повсюду в мире на протяжении всей истории человечества, а кое-где она немислива и по сей день. Я опишу традиционные условия доступа на чужую территорию на своем собственном опыте посещения горной деревушки на Новой Гвинее. Эта история отчасти позволит нам понять некоторые особенности жизни традиционного сообщества – касающиеся мира и войны, детства и старости, отношения к опасностям, – которые мы будем рассматривать в этой книге.

Я прибыл в эту деревню для орнитологических наблюдений на горном хребте, проходившем к югу от нее. На второй день по прибытии несколько местных жителей предложили проводить меня по тропе, ведущей к вершине хребта, чтобы я мог разбить там лагерь для наблюдений. Мы пересекли огороды, расположенные выше деревни, и тропа повела меж высоких деревьев девственного леса. После полутора часов крутого подъема мы миновали заброшенную хижину, которую окружал заросший сорняками огород, и вышли к самому гребню хребта, здесь тропа заканчивалась Т-образным перекрестком. Вправо от перекрестка уходила хорошо утоптанная дорожка.

Пройдя по этой дорожке еще несколько сотен ярдов, я выбрал место для лагеря чуть севернее гребня, то есть на склоне, обращенном к деревне моих новых друзей. В противоположном направлении, к югу от тропы и гребня, покрытый высокоствольным лесом хребет постепенно понижался; из небольшого ущелья слышалось журчание ручья. Я был очень доволен, что нашел такое красивое и удобное местечко, к тому же расположенное на максимальной высоте: это давало мне наилучшую возможность обнаружить редкие виды высокогорных птиц. Покатый склон позволял найти удобную позицию для наблюдений; к тому же рядом имелся источник воды для питья, приготовления пищи и мытья. Так что я предложил своим спутникам, что на следующий день переселюсь в лагерь и проведу там несколько ночей, взяв с собой двоих местных жителей, которые будут показывать мне птиц и заниматься хозяйством.

Мои друзья согласно кивали, пока я не упомянул о том, что возьму с собой всего двоих из них. Тут все они стали качать головами и убеждать меня, что лагерь находится в очень опасной местности и что для его охраны необходимо множество вооруженных людей. Что за ужасная перспектива для орнитолога, собравшегося наблюдать за птицами! Если здесь будет много

людей, они неизбежно будут шуметь, постоянно разговаривать и распугают птиц. Почему, спросил я, требуется так много сопровождающих и что такого опасного в этом красивом и мирном лесу?

Последовал быстрый ответ: у подножья хребта на дальней (южной) стороне расположены деревни плохих людей, которые именуются “речной народ”, это враги моих друзей-горцев. Речные люди по большей части убивают горцев ядом и колдовством, они не сражаются открыто. А прадедушка одного моего молодого спутника был застрелен из луков, когда мирно спал в саду у своей хижины, находившейся на некотором удалении от деревни. Самый старший из моих сопровождающих вспомнил, что ребенком видел утыканное стрелами тело этого прадедушки, когда его принесли в деревню; он помнил, как его соплеменники плакали над телом, и помнил, как ему самому было страшно.

Я поинтересовался: имеем ли мы право разбить лагерь на хребте? Горцы ответили, что гребень хребта – это как раз и есть граница между их территорией горцев (северный склон) и землей плохих речных людей (южный). Однако речной народ предъявляет претензии и на некоторую часть территории на северном склоне, то есть уже за линией границы. Разве я не помню заброшенную хижину и заросший огород как раз под гребнем? Эту хижину и огород устроили плохие речные люди и сделали это именно для того, чтобы подтвердить свое право на северный склон, а не только на южный.

Я вспомнил свой предыдущий печальный опыт – мое предполагаемое вторжение в чужие владения на Новой Гвинее – и понял, что к делу следует отнестись серьезно. В любом случае, как бы я сам ни относился к опасности, горцы не собирались оставлять меня на хребте без сильной охраны. Они потребовали, чтобы меня сопровождали двенадцать человек, на что я ответил предложением ограничиться семью. К тому времени, когда лагерь был разбит, мы пришли к “компромиссу”: я насчитал в лагере не семь и не двенадцать, а двадцать мужчин, вооруженных луками и стрелами; их сопровождали женщины, которые должны были готовить, носить воду и собирать дрова. Более того: меня предупредили, что я не должен сходить с тропы и углубляться в чудесный лес на пологом южном склоне. Этот лес, безо всяких сомнений, принадлежит речным людям, и нарушение границы повлечет большие, по-настоящему большие неприятности, если меня поймут, – пусть я всего лишь наблюдал за птицами. Кроме того, женщины из горной деревни не могли носить воду из лощины на южном склоне, потому что это было бы расценено не только как вторжение на чужую территорию, но и как захват ценных ресурсов, а за это придется заплатить (если вообще удастся разрешить спор мирно). Вместо этого женщины каждый день спускались в свою деревню и таскали десятилитровые сосуды с водой вверх по склону на высоту 1500 футов.

На второе утро в лагере возникло некоторое волнение, показавшее мне, что территориальные взаимоотношения между горным и речным народами не ограничиваются требованием полной взаимной недоступности территорий, но устроены более сложно. С одним из горцев я вернулся к Т-образному перекрестку и направился дальше, за него, чтобы расчистить левую часть тропы, заросшую травой и кустами. Мой спутник не был обеспокоен нашим пребыванием там, из чего я заключил, что, если “речной народ” и обнаружит нас, они не станут возражать, пока мы не переходим на их сторону склона. Но тут мы услышали голоса: кто-то поднимался по южному склону. Ох! Речные люди! Если они дойдут до гребня и Т-образного перекрестка, то увидят следы недавней расчистки и мы окажемся в западне: они могут решить, что мы нарушили границу. И что они тогда предпримут?

Я тревожно прислушивался, пытаясь определить по звукам голосов местонахождение речных людей и направление, в котором они идут. Да, они определенно поднимались к гребню со своей стороны. Они уже должны были добраться до Т-образного перекрестка, заметить свежие следы расчистки... Не бросятся ли они в погоню за нами? Я продолжал прислушиваться к голосам, и они вроде бы звучали все громче, хотя расслышать точно было трудно – так коло-

тилось мое сердце. Но в конце концов стало ясно, что голоса не приближаются; наоборот, они делались все глуше. Может быть, речные люди решили вернуться обратно на южную сторону хребта, к своей деревне? Нет! Они спускались по северному склону, в сторону деревни горцев! Невероятно! Уж не военный ли это поход? Но слышалось как будто всего два или три голоса, да и разговаривали пришельцы громко, не таясь; такого едва ли можно ожидать от крадущихся налетчиков.

Тут не о чем тревожиться, объяснил мне мой спутник-горец; все на самом деле в порядке. Мы, горные люди, сказал он, признаем право речных людей в безопасности спускаться по тропе в нашу деревню, а оттуда – на побережье ради торговли. Речным людям не разрешается сходить с тропы, чтобы добывать еду или валить деревья, однако просто идти по тропе можно. Более того: двое из речного народа женились на женщинах из горной деревни и поселились там. Другими словами, между двумя группами не было непримиримой вражды; имело место скорее настороженное перемирие. Что-то по общему согласию было разрешено, что-то – запрещено, однако некоторые детали (например, права на землю у заброшенной хижины) все еще оставались предметом разногласий.

В последующие два дня я больше не слышал поблизости голосов речных людей. Я все еще не видел ни одного из них и не представлял себе, как они выглядят и как одеваются. Однако их деревня располагалась достаточно близко, так что я однажды услышал доносящийся оттуда стук барабана, а в другой раз до меня смутно донеслись крики из деревни горцев на северном склоне. Возвращаясь с проводником-горцем в наш лагерь, я обменивался с ним глупыми шуточками о том, что мы сделаем с речным человеком, если поймаем его. Неожиданно, как раз в том месте, где тропа сворачивала к лагерю, мой сопровождающий перестал зубоскалить, прижал палец к губам и прошептал: “Ш-ш! Речные люди!”

Я увидел в лагере группу знакомых мне горцев, которые беседовали с людьми, которых я никогда раньше не видел: тремя мужчинами, двумя женщинами и ребенком. Наконец-то я увидел устрашающих речных людей! Они оказались вовсе не похожи на опасных чудовищ, какими я подсознательно представлял их себе, а вполне обычными новогвинейцами, по виду ничем не отличающимися от моих хозяев-горцев. Ребенок и женщины были совсем не страшными. Трое мужчин были вооружены луками и стрелами (так же, как и все мои горцы), одеты в футболки и совсем не было похоже, что они собираются развязать военные действия. Разговор между горцами и речными людьми был вполне мирным, в нем не чувствовалось напряжения. Как выяснилось, эта группа речных людей направлялась на побережье и специально зашла в наш лагерь, возможно, чтобы продемонстрировать свои мирные намерения и избежать недоумений, в результате которых мы могли бы на них напасть.

Для горцев и речных людей этот визит явно был заурядным эпизодом их сложных взаимоотношений, включавших широкий спектр поведенческих реакций: от редких убийств из засады и более частых (как считалось) убийств при помощи яда и колдовства до определенных действий, право на которые взаимно признавалось (например, проходить через земли друг друга по пути на побережье или обмениваться визитами вежливости) или не признавалось (например, добывать пищу, топливо и воду на чужой территории). Разногласия по некоторым вопросам (вроде вопроса о принадлежности заброшенной хижины и огорода) иногда приводили к вспышкам насилия; браки с людьми из другой деревни случались примерно с такой же частотой, как убийства из засады (примерно один раз на протяжении жизни двух поколений). Все это имело место между двумя группами людей, которые, на мой взгляд, выглядели одинаково, говорили на разных, но родственных языках, понятных жителям обеих деревень, однако описывали друг друга в терминах, которые скорее подходят злобным нелюдям, и считали друг друга своими злейшими врагами.

Взаимно запретные территории

Теоретически пространственные отношения соседствующих традиционных сообществ могут охватывать целый спектр возможностей; на одном полюсе – охрана фиксированных границ несмежных территорий и запрет их совместного использования, на другом – свободный доступ всех желающих и отсутствие собственности на землю. Возможно, ни одна община не придерживается того или иного принципа в бескомпромиссно чистом виде, однако некоторые из них склонны к первому подходу. Например, таковы мои друзья-горцы, которых я только что описал: они охраняют границы своей четко определенной территории, они предъявляют исключительные права на ресурсы в ее пределах, они разрешают чужакам исключительно транзитный проход и лишь изредка – смешанные браки.

К другим сообществам, исповедующим первый подход, относятся дани, живущие в долине Балием, в западной части Центрального нагорья Новой Гвинеи, инупиаты (одна из групп инуитов⁷) северо-западной Аляски, айны, обитающие на севере Японии, йолнгу – австралийские аборигены с полуострова Арнемленд на северо-западе континента, а также индейцы-шошоны из долины Оуэнс в Калифорнии и индейцы яномамо, живущие в Бразилии и Венесуэле. Например, дани культивируют огороды, отделенные ничейной землей от огородов соседней группы дани. Каждая группа строит линию деревянных сторожевых вышек высотой до 30 футов на своей стороне ничейной земли; вышки имеют наверху платформы, достаточно просторные, чтобы на них мог поместиться один человек. Каждый день мужчины по очереди несут вахту на вышке, а их товарищи сидят у подножья, охраняя вышку и часового, который оглядывает окрестности, чтобы обнаружить подкрадывающихся врагов и поднять тревогу в случае внезапного нападения.

Другой пример: инупиаты Аляски состоят из десяти групп, и территория каждой запретна для остальных. Чужаков, проникших на территорию той или иной группы без разрешения, было принято убивать, если только им не удавалось доказать свое родство с поймавшими их хозяевами. Чаще всего границу нарушали охотники на северных оленей, забывшие о границе в пылу погони, или охотники на тюленей, когда льдина, на которой они находились, откалывалась и уплывала от берега. Если эту льдину прибивало обратно к берегу на территории другой группы, охотников убивали. Нам, не инупиатам, это кажется жестоким и несправедливым: несчастные охотники и так сильно рисковали, выходя на ледяной припой, а когда их льдина откалывалась, им и вовсе грозила опасность утонуть или быть унесенными в открытое море. Если же им везло и их вновь прибивало к берегу, то ведь это происходило не потому, что они желали нарушить границу, – их просто несло океанское течение. И все же их убивали как раз в тот момент, когда они спаслись от опасности утонуть или быть унесенными в море. Однако таковы были правила жизни инупиатов. Впрочем, запрет проникновения на территорию у них не был абсолютным: чужакам иногда разрешался вход на чужую землю со специальной целью – например, ради торговли на летней ярмарке или в ходе набега на дальнюю группу, живущую по другую сторону запретной территории.

Рассмотрев практику некоторых сообществ (таких как инупиаты или мои друзья – горцы-дани), которые запрещают доступ на свою территорию и охраняют границы, мы обнаружим, что этот подход возникает при сочетании четырех условий. Во-первых, защищаемая территория должна обладать достаточно большим и плотным населением, которое сможет выделить людей для охраны границ, а не полагаться на то, что каждый член группы будет заодно высматривать нарушителей в ходе обычного добывания продовольствия. Во-вторых, запретность территорий

⁷ Жители арктической части Северной Америки именуют себя инуитами, и этот термин будет использоваться в этой книге; самое широко известное разговорное наименование этой народности – эскимосы.

требует, чтобы каждая из них давала постоянное и предсказуемое количество продуктов, так что ее хозяева могут рассчитывать на то, что найдут на ней все или большую часть необходимых им ресурсов и почти никогда не столкнутся с необходимостью выходить за ее пределы. В-третьих, на территории должны присутствовать какие-то ценные ресурсы или существенные усовершенствования (плодородные огороды, посадки фруктовых деревьев, рыбные садки или ирригационные каналы, создание и поддержание которых в рабочем состоянии требует больших усилий), стоящие того, чтобы их защищать и умирать за них. Наконец, состав группы должен быть относительно постоянным, соседствующие группы должны в достаточной степени отличаться одна от другой, а миграция между группами – быть незначительной (за единственным исключением миграции неженатых молодых людей – чаще женщин, чем мужчин, – ради заключения брака с представителями другой группы).

Рассмотрим, как эти условия выполняются для названных выше народностей, которые находятся на разных полюсах территориальных запретов. Мои новогвинейские друзья-горцы обладают важным достоянием в виде огородов, которые плодоносят круглый год, у них есть свиньи и лес, традиционно снабжающие их всем необходимым. Расчистка леса под огороды требует большого труда; еще больше усилий прикладывают дани, живущие в западной части острова: они создали сложную систему ирригационных сооружений для полива и осушения земель. Инупиаты и айны живут на территориях, где возможна круглогодичная добыча морской рыбы, китов, тюленей, морских птиц, пресноводной рыбы и водоплавающей птицы в реках, а на суше – промысловых животных. Йолнгу Арнеймленда живут тесным сообществом, что стало возможным благодаря богатым прибрежным и сухопутным ресурсам. Шошоны долины Оуэнс ведут жизнь охотников-собирателей, и плотность населения в их сообществе относительно высока, поскольку богатая водными источниками территория позволяет им орошать почву и тем самым повышать урожайность дикорастущих съедобных трав; они также делают запасы кедровых шишек. Эти запасы, сами кедровники и ирригационная система стоили того, чтобы их защищать, а шошонов было для этого достаточно много. Наконец, индейцы яномамо разводят персиковые пальмы и бананы, которые издавна обеспечивают их пропитанием, а потому тоже заслуживают защиты.

В областях, где население особенно большое и плотное, например на землях дани или народности нуэр в Судане, имеются не только отдельные группы с собственной территорией, но также иерархии групп в три и более уровней. Эти иерархии напоминают иерархии земель, народов, политических организаций, которые знакомы нам по современным государствам: индивидуальный земельный участок, город, штат и, наконец, государство. Например, нуэры, которых насчитывается около 200 000 человек и которые живут на площади в 30 000 квадратных миль, разделены на племена от 7000 до 42 000 человек в каждом; каждое племя делится на подплемена второго, третьего и четвертого порядка, а затем на деревни с населением в 50–700 человек, находящиеся на расстоянии 5–20 миль одна от другой. Чем меньше то или иное сообщество и чем ниже на иерархической лестнице оно стоит, тем реже возникают территориальные споры и другие конфликты, тем более сильное давление оказывают родственники и друзья, чтобы заставить соперников примириться быстро и без насилия и тем более ограниченный характер имеют стычки, даже если они происходят. Например, нуэры не слишком церемонятся, имея дело с соседним племенем динка: они регулярно нападают на динка, захватывают скот, истребляют мужчин, уводят в плен часть женщин и детей, а остальных также убивают. Однако враждебность одного племени нуэр к другому ограничивается лишь редкими нападениями с целью угона скота и убийства нескольких мужчин; женщин и детей не убивают и не похищают.

Территория без исключительного права пользования

Противоположная крайность – когда запрет на пользование землей не так строг или вовсе отсутствует – возникает при условиях, которые представляют собой зеркальное отражение тех, что определяют запрет. Одно из таких условий – немногочисленное и редкое население, что делает целенаправленное патрулирование (а не случайное обнаружение нарушителей) невозможным. Например, группа, состоящая всего из одной семьи, не может себе позволить постоянное наблюдение, потому что единственный взрослый мужчина в семье не может себе позволить проводить целые дни на сторожевой вышке. Второе условие – это неплодородные, второстепенные, ненадежные угодья, которые дают скудный и непредсказуемый урожай, так что жителям периодически приходится (в определенный сезон или в плохой год) искать пропитание на территории, принадлежащей другой группе, – и наоборот. В-третьих, нет смысла рисковать жизнью, защищая территорию, на которой нет ничего ценного; в случае нападения проще перебраться на другое место. Наконец, отсутствие исключительного права пользования землей возникает, если членство в сообществе переменное и члены разных групп часто посещают друг друга или переходят из одной группы в другую. Нет смысла чинить препятствия другому сообществу, если половина его членов породнилась с вашей собственной группой.

Впрочем, наиболее распространенные практики размежевания даже при наличии всех этих условий не доходят до такой крайности, чтобы разрешить каждому чужаку делать что угодно где угодно. Каждая группа все же ассоциируется со специфической основной территорией. Сообщества с неисключительным правом пользования территорией отличаются от тех, что практикуют запрет, прежде всего тем, что у них, в отличие, например, от дани с их ничейной землей, отмеченной сторожевыми вышками, не существует признанных границ. Представление о том, кто является хозяином данной земли, делается все более туманным по мере того, как человек удаляется все дальше от своей собственной основной территории. Еще одно отличие сообществ с неисключительным правом пользования землей – позволение членам живущих рядом групп посещать территорию соседей более часто и с более разнообразными целями; в особенности если это касается сбора пищи и пользования водой в определенные сезоны или в определенные годы. Соответственно, вы легко получите разрешение побывать на территории другой группы, если испытываете нужду, так что такой подход дает возможность взаимного обмена услугами и идет на пользу обеим сторонам.

Принцип неисключительного владения землей хорошо иллюстрируют подробные данные об охотниках-собирателях!кунг из округа Ньяе-Ньяе пустыни Калахари, собранные во время обследования в 1950-х годах. В то время!кунг образовывали 19 групп, в каждую из которых входило от 8 до 42 человек и которые распоряжались собственной территорией (именуемой “нлоре”) площадью от 100 до 250 квадратных миль. Однако границы между нлоре были неопределенными: когда антропологи вместе со своими проводниками-!кунг продвигались в сторону соседнего нлоре, проводники, по мере удаления от центра собственного нлоре, делали все более неуверенные предположения по поводу того, в чьем нлоре они в данный момент находятся, и все больше расходились друг с другом во мнениях по этому поводу. У них не было ни сторожевых вышек, ни тропы, ведущей по гребню хребта, которые могли бы отметить границу.

Неисключительное пользование нлоре объясняется тем, что делиться ресурсами с соседями для!кунг и необходимо, и возможно. Вода в пустыне Калахари – редкость, и каждой группе приходится проводить значительное время рядом с источником. Однако количество осадков непредсказуемо меняется от года к году, и в сухой сезон многие источники пересыхают. За период исследования только два источника на всей территории ни разу не иссякли; еще три, как правило, не пересыхали, однако в некоторые годы это случалось, другие пять лишь

иногда не пересыхали в сухой сезон, а 50 были сезонными и всегда иссякали на некоторую часть года. В результате во время сухого сезона у надежного источника воды с разрешения его хозяев собирается до двух сотен человек из разных групп; хозяевам источника в свою очередь разрешается использовать водные ресурсы других нлоре, когда те бывают изобильными. Таким образом, ситуация с водой *требует* от!кунг, чтобы пользование территорией было неисключительным: бессмысленно запрещать использование своей территории, если она может сделаться безводной и тем самым бесполезной. С другой стороны, сезонное изобилие некоторых ресурсов *позволяет* неисключительное использование: бессмысленно обижать потенциально полезных союзников, запрещая им доступ на свою территорию, если она дает гораздо больше пищи, чем вы сами способны потратить. Это особенно верно в отношении таких важных продуктов питания, как орехи мондонго, в определенный сезон созревающие в огромных количествах, или дикие бобы и дыни.

Предполагается, что любой житель округа Ньяе-Ньяе может охотиться где угодно, в том числе и за пределами нлоре его собственной группы. Впрочем, если вы убиваете животное вне своего нлоре, вы должны подарить часть мяса, если повстречаете члена группы, которой данный нлоре принадлежит. Однако такой свободный доступ для охоты не распространяется на жителей более удаленных мест. Как правило, соседние группы!кунг могут с легкостью получить позволение пользоваться нлоре соседей для разных целей, таких как пользование водой, сбор орехов, бобов и дынь, – но должны спрашивать разрешения, что предполагает обязательство оказывать такую же услугу в ответ. Если позволение не было запрошено, возможны столкновения. Особенно внимательны в этом отношении должны быть члены более далеких групп; кроме того, они должны ограничить время пребывания на чужой территории и число посетителей. Люди, не связанные с хозяевами данного нлоре родственными или брачными узами, не имеют права появляться на чужой территории вообще. Таким образом, отсутствие исключительного права пользования территорией совершенно не означает свободного доступа на нее для всех.

Право на землю и ресурсы, неважно, исключительное оно или нет, предполагает концепцию собственности. Кто владеет нлоре той или иной группы!кунг? Ответ таков: *кауси* группы; этот термин обозначает ядро группы, состоящее из ее старших членов, или один старейшина, ведущий свой род от людей, которые живут в данной местности дольше всего. Однако состав группы меняется день ото дня, потому что люди часто отправляются навестить родственников в других нлоре или совершают сезонные миграции вслед за водой или ради щедрого урожая; возможна по разным причинам и полная смена состава группы. Например, молодой муж и его иждивенцы: престарелые родители, первая жена и ее дети (в случае, если он берет вторую жену) – могут поселиться в группе новой жены примерно на десять лет, в течение которых у них родится несколько детей. В результате многие!кунг проводят больше времени вне своего нлоре, чем внутри. В среднем в год 13 % населения меняет местожительство, а 35 % – делит время поровну между двумя или тремя нлоре. Таким образом, группа, живущая в соседнем нлоре, состоит отчасти из членов вашей собственной группы, и соседи не рассматриваются как злобные нелюди, все связи с которыми ограничиваются парой межгрупповых браков на протяжении нескольких поколений, как это имеет место у моих новогвинейских друзей-горцев. Вы не будете перекрывать соседям доступ к вашим ресурсам, если многие из “чужаков” на самом деле ваши братья, сестры, кузены, взрослые дети или престарелые родители.

Другим интересным примером неисключительного пользования территорией являются обычаи индейцев шошонов, живущих в районе Большого Бассейна в Северной Америке и принадлежащих к той же языковой семье, что и шошоны долины Оуэнс, которых я уже упоминал, говоря об исключительном праве на землю. Различия в использовании территории объясняются различиями условий жизни. Если земли в долине Оуэнс богаты водой, пригодны для ирригации и поэтому стоят того, чтобы их защищать, то шошоны Большого Бассейна живут в

суровой пустыне, бедной ресурсами, где очень холодно зимой и где мало возможностей запасть продовольствие. Плотность населения Большого Бассейна – примерно один человек на 16 квадратных миль. Шошоны Большого Бассейна большую часть года живут отдельными семьями, лишь зимой собираясь в лагеря на 5–10 семей, расположенные у источников или кедровников; изредка, если предполагается общая охота на антилоп или кроликов, такие объединения могут состоять из большего числа семей (до 15). У территории этих объединений нет четко очерченной границы; отдельные семьи владеют конкретными объектами, такими как кедр, орехи которых используются в пищу; эти же кедровые деревья могут использовать и другие семьи, но только по соглашению: нарушителей, пытающихся собирать шишки без позволения, встречают градом камней. Другие растительные и животные ресурсы используются совместно на основании гибкой системы неисключительных прав.

Наконец, минимальное разграничение и охрана территорий имеют место у перуанских индейцев мачигенга и боливийских сирионо, живущих в тропических лесах. В тот период, когда антропологи изучали эти народности, мачигенга были огородниками и жили разбросанными группами – возможно, из-за того, что большая часть некогда более плотного населения пала жертвой завезенных европейцами болезней и истребления коренных жителей во время каучукового бума. Низкая плотность населения связана также с низкой урожайностью в этом регионе. Мачигенга практикуют сезонные кочевья для сбора дикорастущей пищи и еще потому, что полученные в процессе подсечно-огневого земледелия поля дают урожай всего несколько лет и не стоят того, чтобы за них сражаться. У них нет территориального деления: теоретически все ресурсы леса и рек доступны всем мачигенга. На практике же группы, состоящие из нескольких семей, сохраняют некоторую дистанцию между своими селениями.

Сходным образом ведут себя и индейцы сирионо, которых изучал Алан Холмберг. Они добывают пропитание охотой и собирательством и изредка занимаются сельским хозяйством, живут группами по 60–80 человек, не имеющими определенной территории. Однако если одна группа находит следы охоты другой группы, она старается не охотиться там же; другими словами, существует неформальное взаимное соглашение избегать друг друга.

Таким образом, способы использования земель традиционными сообществами образуют целый спектр – от территорий хорошо обозначенных, охраняемых и защищаемых, с которых чужаки изгоняются под угрозой смерти, к неопределенно очерченным участкам обитания, не имеющим четких границ и взаимно доступным для чужаков, и, наконец, до территорий, жители которых держатся друг от друга на расстоянии в силу неформального соглашения. Ни одно традиционное сообщество не позволяет той степени свободы пользования территорией, которой располагают современные американцы и европейцы, большинство из которых может путешествовать где угодно в пределах США или Европейского союза, а также по другим странам, всего лишь предъявив паспорт с визой на пограничном контрольном пункте (конечно, террористическая атака 11 сентября 2001 года отбросила американцев назад, возродив традиционное недоверие к чужакам, и привела к некоторым ограничениям свободы передвижений – таким, как черные списки и проверки службой безопасности). Однако все же можно утверждать, что наша современная система относительной свободы перемещения есть шаг вперед по сравнению с традиционным правом доступа и его ограничениями. Член сообщества, состоящего из нескольких сотен индивидов, получает доступ на земли соседей лишь благодаря тому, что он знаком с ними лично, благодаря индивидуальным личным отношениям и благодаря тому, что он лично получил разрешение. В нашем обществе, состоящем из сотен миллионов, понятие “личных взаимоотношений” расширено, оно распространяется на любого гражданина нашего собственного государства или дружественной страны, а просьба о разрешении формализована и удовлетворяется с помощью паспорта и визы.

Друзья, враги, незнакомцы

Все эти ограничения на свободное передвижение заставляют членов малочисленных сообществ делить людей на три категории: друзья, враги, незнакомцы. Друзья – это члены вашей собственной группы или жители вашей деревни и те представители соседних групп и деревень, с которыми ваша группа в данный момент находится в мире. Враги – это члены соседних групп или жители деревень, с которыми ваша группа в данный момент находится во враждебных отношениях. Тем не менее вы, вероятно, знаете по крайней мере имена, внешность и родственные связи многих, если не большинства, членов враждебной группы; вы о них слышали или даже встречались с ними лично во время переговоров о компенсации, в периоды мира, заключенного ради смены союзников, или при обмене невестами (реже – женихами) во время таких перемирий. Примером служат те двое речных жителей, которые женились на женщинах из сообщества моих друзей-горцев и поселились в их деревне.

Остается еще одна категория незнакомцев – неизвестных чужаков, которые принадлежат к отдаленным группам, с которыми ваша собственная имеет мало контактов или вообще не имеет их. Члены малочисленных сообществ редко встречаются с незнакомцами (или вовсе не встречаются с ними), потому что отправиться на незнакомую территорию, обитателям которой вы неизвестны и с которыми не состоите в родстве, – гарантированное самоубийство. Если вам все же случится встретить незнакомца на своей территории, вы должны исходить из того, что он опасен: учитывая, насколько рискованно путешествовать по незнакомым землям, можно предположить, что этот незнакомец либо разведчик, разнюхивающий возможности напасть и перебить вашу группу, либо грабитель, нарушивший вашу границу с целью охоты, захвата ваших ресурсов или похищения женщин.

Если местное население насчитывает несколько сотен человек, вы наверняка знаете всех в лицо и по имени, знаете все подробности их родственных связей, брачных союзов или усыновлений, в том числе и в каких родственных отношениях они состоят с вами. Если вы добавите к членам собственной представителей нескольких дружественных групп соседей, ваш потенциальный круг “друзей” составит, возможно, больше тысячи человек, о многих из которых вы слышали, но никогда их не видели. Теперь представьте, что, удалившись от центра своей территории и оказавшись вблизи ее границы, вы встречаете человека или нескольких человек, которых не узнаете. Если их несколько, а вы один, то вы убежите, и наоборот. Если вы один и незнакомец один, если вы заметили друг друга издалека и силы кажутся равными (то есть встретились двое взрослых мужчин, а не мужчина и женщина или ребенок), то вы оба можете и успеете обратиться в бегство. Однако если вы, завернув за угол, неожиданно сталкиваетесь лицом к лицу с незнакомцем, то убежать поздно и возникает напряженная ситуация. Ее можно попытаться разрешить следующим образом: вы оба садитесь на землю, каждый называет себя, перечисляет своих родственников, указывает точную степень родства с ними, а потом вы пытаетесь найти общих родичей. Если вы сможете найти родственные отношения друг с другом, у вас не будет оснований для взаимной агрессии. Однако если после нескольких часов такого разговора вам так и не удастся найти общего родича, то вы уже не сможете просто улыбнуться и сказать: “Приятно было познакомиться, всего доброго”. Вместо этого вы, он или вы оба должны счесть собеседника нарушителем границы, не имеющим никаких связей, которые оправдывали бы его появление, и тогда попытки изгнания или убийства чужака делаются вероятными.

Люди, говорящие на диалекте!кунг, распространенном в центральном регионе Ньяе-Ньяе, называют других людей, говорящих на том же диалекте, *ю вази*, где *ю* означает “личность”, *зи* – суффикс множественного числа, а примерное значение *ва* – “настоящий”, “хороший”, “честный”, “чистый”, “безвредный”. Постоянные взаимные визиты родственников в

Ньяе-Ньяе порождают личные связи, связывающие все 19 групп (примерно тысячу жителей) региона, делая их всех *ю вази* друг для друга. Противоположный термин *ю доле* означает “плохой”, “странный”, “вредный” и прилагается ко всем белым, всем чернокожим банту и даже к некоторым!кунг – пусть и говорящим на том же диалекте, но принадлежащим к удаленным группам, в которых у вас нет родственников или знакомых. Как и члены других малочисленных сообществ,!кунг с подозрением относятся к незнакомцам. На практике им удается подобрать термин, обозначающий ту или иную степень родства, для почти каждого соплеменника, которого они встречают. Однако если вы встречаете незнакомца!кунг и не можете обнаружить никаких связей с ним после того, как проследили все свои линии родства, а он – свои, то это означает, что он пришелец, которого вы должны изгнать или убить.

Например, мужчина!кунг по имени Гао по просьбе антрополога Лорны Маршалл отправился выполнить некое поручение в местечко под названием Кхадум, расположенное не очень далеко к северу от округа Ньяе-Ньяе. Гао никогда не бывал в Кхадуме, да и вообще немногие!кунг из Ньяе-Ньяе там бывали. Соплеменники, живущие в Кхадуме, сначала сочли Гао *ю доле*, что означало как минимум холодный прием и перспективу более серьезных неприятностей. Однако Гао тут же сообщил, что он слышал, будто отец одного из жителей Кхадума носит то же имя, что и отец самого Гао, и что чьего-то брата в Кхадуме зовут Гао, как и его самого. Тогда!кунг из Кхадума сказали: “Значит, ты!гунга Гао (то есть “наш родич Гао”;!гунга – термин, обозначающий одну из степеней родства)”. Они дали Гао место у своего костра и поднесли ему еду.

Сходная категоризация людей имела место среди парагвайских индейцев аче. К моменту первого контакта с европейцами сообщество аче насчитывало около 700 членов, живших группами по 15–70 человек; с ними тесно сотрудничали четыре объединения групп общей численностью от 30 до 550 человек. Членов собственной группы аче называли *иронди* (то есть “те, кто свои”), а аче из других групп – *иролла* (“те, кто не наши”).

В современных больших обществах, члены которых неограниченно путешествуют по своей стране и по всему миру, мы часто вступаем в дружеские отношения, основанные на личной симпатии, а не на принадлежности к той или иной группе. С кем-то из наших друзей мы вместе росли или учились в одном классе, с другими познакомились во время путешествий. Значение для дружбы имеет то, нравятся ли люди друг другу и имеют ли общие интересы, а не то, являются ли их группы политическими союзниками. Мы настолько принимаем это представление о дружбе как само собой разумеющееся, что только после нескольких лет работы на Новой Гвинее я случайно обнаружил, что представление о дружбе у членов малочисленных традиционных сообществ сильно от него отличается.

Это открытие произошло благодаря новогвинейцу по имени Ябу, чья деревня в центре Нагорья придерживалась традиционного образа жизни до установления правительственного контроля над регионом и окончания межплеменной войны, что случилось примерно за десять лет до описываемых событий. Во время одной из моих орнитологических экспедиций я нанял Ябу в качестве одного из помощников и привез его в мой лагерь в юго-восточной части Нагорья. Там нас посетил школьный учитель по имени Джим – британец, работавший на Новой Гвинее. Ябу и Джим проводили много времени вместе, болтали и шутили, рассказывали друг другу длинные истории и явно наслаждались обществом друг друга. Город на Центральном нагорье, где преподавал Джим, находился всего в нескольких десятках миль от деревни Ябу. По окончании работы у меня Ябу предстояло вернуться в свою деревню: ему придется долететь на самолете до города, в котором работает Джим, а потом добираться до дому пешком. Так что когда Джим покидал наш лагерь и прощался с Ябу, он сделал вещь, показавшуюся мне совершенно естественной: он пригласил Ябу остановиться у него, когда тот окажется в городе.

Через несколько дней после отъезда Джима я спросил Ябу, планирует ли он навестить Джима по пути домой. Мой вопрос вызвал у Ябу изумление и даже некоторое возмущение: как

я мог предположить, что он способен на столь бессмысленную трату времени! “Посетить его? Зачем? Если бы он предлагал мне оплачиваемую работу – тогда да. Но у него же нет для меня работы. Разумеется, я не собираюсь задерживаться в городе и разыскивать его *просто ради дружбы!*” (Разговор состоялся на новогвинейском языке межплеменного общения ток-писин; на этом языке выражение, соответствующее словосочетанию “просто ради дружбы”, звучит как *bilong pren nating.*) Я был поражен, насколько неправильным было мое предположение: мне даже не пришло в голову усомниться в том, что представление о дружбе может быть не универсальным и не общим для всего человечества.

Разумеется, это мое наблюдение не следует обобщать. Конечно, члены малочисленных сообществ так же, как и мы, испытывают к некоторым своим соплеменникам бóльшую симпатию, чем к другим. По мере роста таких сообществ и все более сильных внешних влияний традиционные представления, включая представления о дружбе, меняются. Тем не менее я думаю, что различие в концепциях дружбы у больших и малочисленных обществ (приглашение Джима и реакция на него Ябу) в общем и целом типично. Дело вовсе не в том, что Ябу отнесся к приглашению европейца иначе, чем он отнесся бы к приглашению новогвинейца. Как объяснил мне один из моих новогвинейских друзей, знакомый как с европейскими, так и с традиционными новогвинейскими обычаями, “здесь, на Новой Гвинее, мы не ходим в гости без конкретной цели; и если вы познакомились с человеком и провели в его обществе неделю, это не значит, что между вами возникли какие-то отношения или тем более дружба”. В нашем обществе западного типа ситуация контрастная: огромное число возможных контактов и частые географические перемещения дают нам больше свободы (и делают нас более требовательными) в выборе отношений, основанных на личных дружеских связях, а не на родстве, браке или географической близости местожительства в детстве.

В больших иерархических обществах, где тысячи или миллионы людей живут вместе под сенью вожества или государства, встреча с незнакомцами – обычное и безопасное дело, не несущее угрозы. Каждый раз, когда я прохожу по кампусу Калифорнийского университета или по улице Лос-Анджелеса, я без страха или опасений вижу сотни идущих мне навстречу людей, которых я никогда раньше не видел и, вероятно, никогда больше не встречу и с которыми у меня нет никаких известных мне родственных или брачных связей. Ранняя стадия этого изменившегося взгляда на незнакомцев может быть проиллюстрирована на примере суданских нуэр, которых я уже упоминал: их насчитывается около 200 000, и для них характерна иерархия нескольких уровней – от деревни к племени. Очевидно, что ни один нуэр не знает лично всех остальных своих 199 999 соплеменников и даже слышал не обо всех. Политическая организация нуэр слаба: каждая деревня имеет номинального вождя, обладающего незначительной реальной властью (это будет подробнее описано в главе 2). Тем не менее, по словам антрополога Э. Э. Эванс-Притчарда,

даже между незнакомыми нуэр, откуда бы они ни происходили, сразу же устанавливаются дружеские отношения, если они встречаются вне своей территории, потому что нуэр никогда не будет чужаком для другого нуэр, каким он был бы для динка или шиллук. Их чувство превосходства и презрение, которое они демонстрируют по отношению ко всем чужакам, их всегашняя готовность сражаться с чужаками объединяет их, а общность языка и ценностей позволяют им тут же наладить взаимодействие.

Таким образом, в отличие от членов малочисленных сообществ, нуэр больше не видят в незнакомцах угрозы, а относятся к ним нейтрально или даже потенциально дружелюбно – при условии, что незнакомец тоже нуэр. На чужаков, которые нуэрами не являются, или нападают (если это динка), или смотрят с презрением (если это представитель любой другой народности). В обществах еще бóльшего размера и с развитой экономикой незнакомцы даже обладают

потенциальной ценностью – это возможные партнеры по бизнесу, клиенты, поставщики или работодатели.

Первые контакты

Обычное для традиционных малочисленных сообществ деление всех людей на друзей (членов собственной группы и дружественных соседних), соседей-врагов и чужаков из удаленных местностей породило представление о том, что мир очень мал. Члены группы хорошо знали собственную территорию группы и имели достаточное представление о смежных территориях, которые они посещали на основании взаимного права доступа или во время периодических перемирий. Однако было мало вероятности, что им известен следующий (второй) “слой” окружающих территорий: периодически возникающая война с ближайшими соседями означала, что вы не можете пересечь ставшую враждебной территорию соседей и добраться до второго “слоя”; во время же перемирия ваши соседи могли, в свою очередь, находиться в состоянии войны с собственными соседями из второго “слоя”, и это опять же не позволяло вам попасть на более удаленные территории.

Даже путешествия по землям ваших ближайших соседей (то есть по первому слою) во времена, считающиеся мирными, были сопряжены с опасностями. Вы могли не знать, что эти соседи как раз начали войну с кем-то из союзников вашей группы и поэтому и вас считают теперь своим врагом. Хозяева территории – ваши друзья и родственники – возможно, не захотят или не смогут защитить вас. Карл Хейдер, Ян Брукхёйзе и Петер Маттисен описали инцидент, случившийся 25 августа 1961 года среди дугум-дани долины Балием. Дани были разделены на несколько дюжин конфедераций, две из которых, именуемые альянс Гутелу и альянс Видайя, боролись за земли дугум. Поблизости находилась конфедерация Асук-Балек, основанная отколовшейся от Гутелу группой, покинувшей свои исконные земли и нашедшей после битвы пристанище в долине реки Балием. Четверо мужчин из Асук-Балек, находившейся в союзе с альянсом Видайя, пришли в гости на принадлежащий Гутелу хутор Абулопак, где у двоих из них были родственники. Однако гости не знали, что недавно члены альянса Видайя убили двоих мужчин из альянса Гутелу и что людям Гутелу пока не удалось сравнять счет, убив людей Видайя, в результате чего Гутелу испытывали сильное напряжение.

Прибытие ничего не подозревающих представителей альянса Асук-Балек, союзников Видайя, предоставило жителям хутора шанс отомстить, хоть убийство союзников Видайя (а не самих Видайя) не было вполне равноценным возмездием. Тех двоих из гостей, у которых были родственники на хуторе, пощадили, но на двоих других напали. Одному удалось бежать. Второй спрятался в спальном отделении хижины, но его вытащили и закололи копьем. Это событие вызвало общее ликование в Абулопаке; тело еще живой жертвы проволокли по грязной дороге до танцевальной площадки. Жители Абулопака всю ночь плясали вокруг трупа и в конце концов бросили его в ирригационную канаву, погрузили в воду и прикрыли травой. На следующее утро двоим пришельцам, имевшим родственников в Абулопаке, было позволено забрать тело. Это происшествие иллюстрирует необходимость при путешествиях соблюдать осмотрительность, почти граничащую с паранойей. В главе 7 будет рассказано подробнее о том, что я именую “конструктивной паранойей”.

Расстояния, на которые путешествуют люди в традиционных сообществах с высокой плотностью населения и постоянными условиями окружающей среды, и их знание окружающей местности обычно невелики. Иначе обстоит дело в сообществах, где поселения редки, а условия окружающей среды неоднородны. На Новогвинейском нагорье, с его плотным населением и относительно стабильными природными условиями, географические познания ограничивались лишь ближайшими окрестностями. Более далекие путешествия и лучшее представление о территории были более распространены в местностях с постоянными условиями

окружающей среды, но менее плотным населением (как, например, в долинах Новой Гвинеи и в африканских дождевых лесах, населенных пигмеями); еще более полными эти знания оказываются в местностях с переменными природными условиями и редким населением (таких как пустыни и внутренние районы Арктики). Например, жители Андаманских островов ничего не знали о племенах, живших на удалении больше чем в 20 миль. Известный дугум-дани мир ограничивался по большей части долиной Балием, большую часть которой можно было наблюдать с вершин холмов, однако посещать они могли только часть долины, потому что она была разделена границами между враждующими группами и пересекать эти границы было равносильно самоубийству. Когда пигмеям ака дали список из 70 мест и спросили, в которых из них они бывали, оказалось, что им была известна лишь половина мест, находившихся на удалении 21 мили, и только четверть мест, удаленных на 42 мили. Чтобы увидеть эти цифры в правильной перспективе, нужно учесть, что, когда я жил в Англии в 1950–1960-х годах, многие сельские жители все еще проводили жизнь в своих деревнях или неподалеку от них, за исключением, возможно, путешествий за море в качестве солдат в Первую или Вторую мировую войну.

Таким образом, знаний о мире, простирающемся за пределами территории соседей – непосредственных или соседей соседей, – в традиционных малочисленных сообществах не существовало или они имели второстепенное значение. Например, никто в густонаселенных горных долинах большей части Новой Гвинеи не видел океана, лежащего на расстоянии всего в 50–120 миль, и даже не слышал о нем. Жители Нагорья в результате торгового обмена получали морские раковины и (когда на побережье появились европейцы) некоторое количество стальных топоров, которые очень ценились. Однако эти раковины и топоры проходили через множество рук, чтобы преодолеть расстояние, отделяющее побережье до Нагорья. Получалось как в детской игре в испорченный телефон – дети сидят в ряд, один ребенок шепчет что-то соседу, а тот – своему соседу, и в результате то, что слышит последний из игроков, не имеет никакого отношения к тому, что прошептал первый. Так и все знания о местности, откуда появились раковины и топоры, и ее жителей к тому времени, когда добирались до Нагорья, полностью терялись.

Для многих маленьких общин этим традиционным ограничениям знаний о мире был резко положен конец так называемыми первыми контактами, когда прибытие европейских колонистов, исследователей, торговцев и миссионеров открыло для местных жителей существование ранее неизвестного окружающего мира. Последними “неоткрытыми” народами сегодня остаются немногочисленные живущие в отдаленных районах группы на Новой Гвинее и в тропической Южной Америке, но теперь они по крайней мере знают о существовании внешнего мира, потому что видели самолеты, пролетающие над их головами, и слышали о чужестранцах от уже “открытых” соседей (“открытыми” я называю тех, с кем уже вступили в контакт жители дальних стран – Европы или Индонезии; конечно, “неоткрытые” народности тысячелетиями имели контакты со своими новогвинейскими или южноамериканскими соседями). Например, когда я был в Звездных горах Новой Гвинеи в 1990-е годы, мои хозяева, впервые вступившие в контакт с голландцами за несколько десятилетий до этого, рассказывали мне о живущей к северу от них группе, которая еще не была “открыта” – ее еще не посещали ни миссионеры, ни другие чужаки. (Обычно миссионеры, чтобы не подвергаться опасности, явившись без предупреждения, в качестве предосторожности сначала отправляют посланца из числа представителей уже “открытой” группы, чтобы узнать, будут ли гости приняты доброжелательно.) Однако и эти “неоткрытые” горцы должны были уже знать о европейцах и индонезийцах от своих соседей, с которыми они постоянно общались. Кроме того, они уже в течение многих лет видели пролетающие над ними самолеты, вроде того, на котором я прибыл в деревню их соседей. Таким образом, последние “неоткрытые” сообщества знают о существовании внешнего мира.

В 1492 году, когда европейцы начали распространяться по земному шару, условия были другими. Тогда не было самолетов, полеты которых предупредили бы “неоткрытые” народы о существовании внешнего мира. Последним широкомасштабным первым контактом в мировой истории оказался, вероятно, тот, который имел место на Нагорье Новой Гвинеи, где в 1930–1950 годах австралийские и голландские правительственные патрули, армейские разведывательные отряды, геологоразведчики и участники биологических экспедиций “открыли” миллионный народ горцев, о существовании которого внешнему миру известно не было. Как и горцам о внешнем мире, – хотя к тому времени европейцы посещали и осваивали побережье Новой Гвинеи на протяжении 400 лет. До 1930-х годов контакты местных жителей с европейцами происходили в ситуации, когда последние совершали путешествия пешком или по рекам, а первым свидетельством существования европейцев для жителей Нагорья послужило их физическое появление. Начиная с 1930-х годов все более частые появления самолетов предупредили горцев о том, что происходит нечто новое. Например, самая многочисленная человеческая популяция в западной части Новой Гвинеи – примерно 100 000 человек в долине Балием – была “открыта” 23 июня 1938 года, когда самолет совместной экспедиции нью-йоркского Музея естественной истории и голландских колониальных властей, финансируемой нефтяным королем Ричардом Арчболдом и занятой поиском новогвинейских растений и животных, пролетел над лесистым горным районом, который считался труднодоступным и необитаемым. Арчболд и его команда были поражены, увидев широкую плоскую безлесную равнину, пересеченную густой сетью ирригационных каналов, словно в густонаселенной Голландии.

Наиболее поздние случаи массового контакта жителей Нагорья с европейцами описаны в трех замечательных книгах. Одна из них, “Первый контакт” Боба Коннолли и Робина Андерсона, описывает путешествие геологов Майкла Лихи, Майкла Дуэйера и Дэниела Лихи, которые оказались первыми европейцами, проникшими в некоторые густонаселенные долины Нагорья в восточной части Новой Гвинеи в 1930–1935 годах (лютеранские миссионеры уже достигали восточных окраин Нагорья в 1920-е годы). Вторая книга – это собственный отчет Майкла Лихи под названием “Исследования Нагорья Новой Гвинеи, 1930–1935”. Третья книга называется “Небесные путешественники”, ее написал Билл Гаммэдж, и она рассказывает, как правительственный патруль под руководством Джима Тейлора и Джона Блэка обследовал Нагорье в 1938 и 1939 годах. Обе экспедиции привезли много фотографий, а Майкл Лихи к тому же снял кинофильм. Ужас, написанный на лицах новогвинейцев, сфотографированных в момент первого контакта, говорит об испытанном ими шоке лучше, чем любые слова.

Ценность первой и третьей из этих книг заключается в том, что они передают впечатление от первого контакта, испытанное и новогвинейцами, и европейцами. Оба автора беседовали с участниками контакта через 50 лет после описываемых событий. Так же, как американцы старшего поколения на всю жизнь запомнили, что они делали в момент трех самых травмирующих событий современной американской истории – нападения японцев на Перл-Харбор (7 декабря 1941 года), убийства президента Кеннеди (22 ноября 1963 года) и атаки на Всемирный торговый центр (11 сентября 2001 года), – так и новогвинейцы старше 60 лет в 1980-е годы ясно помнили, как они еще детьми впервые увидели белых людей отряда Лихи – Дуэйера. Вот рассказ одного из этих новогвинейцев:

В то время эти два больших человека [показывает на двоих стариков] – теперь-то они старые – были совсем молодыми, еще не брились. Вот тогда белые люди и пришли... Я был так испуган, что ничего не мог понять и плакал без остановки. Мой отец потащил меня за руку, и мы спрятались в высокой траве кунай. Потом он встал и выглянул, чтобы посмотреть на белых людей... После того как они ушли, люди [новогвинейцы] уселись и стали придумывать истории. Они ничего не знали о белокожих людях. Мы не видели дальних мест.

Мы знали только о том, что есть по эту сторону гор, и мы думали, что мы единственные живые люди. Мы верили, что, когда человек умирает, его кожа становится белой и он уходит через границу “в то место” – место мертвых. Так что когда пришли чужаки, мы сказали: “Ах, эти люди не принадлежат миру. Давайте не будем их убивать – они наши собственные родичи. Те, кто раньше умер, сделались белыми и пришли обратно.

Впервые увидев европейцев, новогвинейские горцы начали искать способ уместить эти странно выглядящие создания в какие-то категории собственных представлений о мире. Они задавали себе вопросы: “Являются ли людьми эти существа? Зачем они явились сюда? Чего они хотят?” Новогвинейцы часто принимали белых за “небесных людей”: таких же, как они сами, потому что считалось, что они населяют небо, так же торгующих, любящих и воюющих, но бессмертных; являющихся то ли духами, то ли призраками предков, которые иногда принимают человеческий облик, делаются красными или белыми и сходят на землю. Во время первого контакта новогвинейцы внимательно разглядывали белых, изучали их поведение, исследовали мусор, оставленный пришельцами в своих лагерях, пытаясь понять, кем же белые являются. Два открытия помогли новогвинейцам убедиться в том, что белые – настоящие люди: экскременты, обнаруженные в уборных рядом с лагерями, выглядели в точности как человеческие (то есть такие же, как экскременты самих новогвинейцев); молодые новогвинейские девушки, предложенные европейцам в качестве сексуальных партнеров, сообщили, что у пришельцев имеются мужские органы и что сексом они занимаются точно так же, как мужчины-новогвинейцы.

Торговля и торговцы

Между соседними сообществами, помимо защиты своих границ, войн и совместного пользования ресурсами, имеет место еще и торговля. Я оценил тонкости торговли между традиционными сообществами, когда занимался изучением птиц на 16 островах пролива Витязь к северо-востоку от Новой Гвинеи. Большинство этих островов покрыто лесом, на них находятся немногочисленные деревни, состоящие из расположенных на расстоянии нескольких десятков футов друг от друга домов, выходящих на просторную общественную лужайку. Поэтому, высадившись на остров под названием Малаи, я был ошеломлен контрастом; я почувствовал себя так, словно неожиданно спрыгнул с парашютом на маленькую копию Манхэттена. Высокие двухэтажные деревянные дома теснились один к другому, словно нью-йоркские таунхаусы, – настоящие небоскребы по сравнению с одноэтажными хижинами, преобладавшими на других островах пролива. Множество больших долбленых каноэ, вытасненных на песок, делали бухту похожей на какой-то доисторический яхт-клуб, все эллинги в которой были заняты. Перед домами толпилось больше народу, чем я видел одновременно на небольшой площади где-либо еще на островах. Согласно переписи 1963 года на Малаи числилось 448 жителей; если разделить это число на площадь Малаи (0,32 квадратных мили), получалась плотность населения в 1400 человек на квадратную милю, более высокая, чем в любой европейской стране. Для сравнения: даже Нидерланды, наиболее плотно населенная страна в Европе, имеет плотность населения всего в 1010 человек на квадратную милю.

Это необыкновенное поселение принадлежало знаменитым торговцам сиасси, которые на своих каноэ проделывали по 300 миль по бурному морю, перевозя свиней, собак, горшки, бусы, обсидиан и другие товары. Они оказывали услуги всем сообществам, которые посещали, снабжая их этими необходимыми предметами. Совершая благодеяния для других, они и сами получали выгоду, приобретая для себя продовольствие и став в результате чрезвычайно богатыми по новогвинейским стандартам (богатство измерялось в свиньях). Одно путешествие могло принести доход в 900 %: погрузив на Малаи свиней, на первой же остановке на острове

Умбои каждую свинью обменивали на 10 мешков саго, на второй остановке – в деревне сию на Новой Гвинее – мешки саго обменивались на 100 горшков, которые в следующем пункте – на Новой Британии – обменивались на 10 свиней, которые, в свою очередь, привозились обратно на Малаи и поедались на церемониальном пиру. Согласно традиции, денежного обмена не происходило, потому что ни одно из этих сообществ денег не знало. Каное сиасси с их двойными мачтами, имевшие до 60 футов в длину и осадку в пять футов, могли перевозить до двух тонн груза и представляли собой настоящие шедевры деревянного судостроения.

Археологические данные свидетельствуют, что наши предки еще во времена оледенения, десятки тысяч лет назад, умели торговать друг с другом. На стоянках кроманьонцев эпохи плейстоцена в глубине Европейского материка находят янтарь с берегов Балтийского моря и средиземноморские раковины, перевезенные за тысячи миль от побережья. Obsидиан, кремнь, халцедон и другие твердые породы, больше всего подходящие для изготовления каменных орудий, обнаружены в сотнях миль от тех мест, где их добывали. Только немногие из современных традиционных сообществ являются самодостаточными и почти или совсем не знают торговли; к таковым относятся сибирские оленеводы-нганасаны и боливийские индейцы сириано, которых изучал Алан Холмберг. Большинство народностей, ведущих традиционный образ жизни, как и развитые общества, импортируют те или иные товары. Как мы увидим, даже те традиционные сообщества, которые могли бы быть самодостаточными, часто предпочитают покупать или выменивать некоторые предметы, которые вполне могли бы найти или изготовить сами.

Большинство торговых контактов малочисленных традиционных народностей происходит на коротком расстоянии, между соседними группами, поскольку периодически возникающие войны делают опасными торговые экспедиции через территорию нескольких сообществ. Даже сиасси, отправляющиеся на каное в далекие плавания, соблюдают осторожность и причаливают только в тех деревнях, с которыми у них установлены торговые отношения. Если их сносит ветром прочь с обычного курса или каное теряет паруса, так что приходится вынужденно приставать к берегу там, где у сиасси нет установленных контактов, им угрожает опасность быть убитыми за нарушение границ, а их товары захватываются жителями деревень, которые не стремятся быть гостеприимными и не желают поощрять будущие визиты.

Торговля в традиционных сообществах в нескольких аспектах отличается от современного метода приобретения товаров, а именно их покупки за деньги. Например, немисливо представить себе, что человек, покупающий новый автомобиль, уедет на нем, ничего не заплатив и даже не подписав никаких документов, так что продавцу осталось бы только верить в то, что когда-нибудь в будущем клиент сделает ему подарок равной стоимости. Однако такой удивительный способ взаимодействия обычен в традиционных сообществах. Впрочем, некоторые особенности традиционной торговли вполне знакомы и современному обществу, например, тот факт, что значительная часть наших покупок приходится на функционально бесполезные или необоснованно дорогие статусные символы, такие как ювелирные украшения или дизайнерская одежда. Поэтому давайте попробуем представить себе, что показалось бы странным в нашей рыночной экономике жителям “вновь открытых” земель вскоре после первого контакта. Некоторых новогвинейских горцев, только что познакомившихся с белыми людьми, и в самом деле переправили на самолете в приморские города, чтобы понаблюдать над тем, какое действие окажет культурный шок. Что же должны были подумать эти горцы, узнав, как функционирует наша рыночная экономика?

Рыночная экономика

Первый факт, который изумил горцев, заключался в том, что всеобщий и исключительный способ приобретения предметов в нашем обществе – это вовсе не бартер. В традицион-

ном обществе деньги, в отличие от большинства товаров, не имеют собственной ценности и не могут рассматриваться просто как прекрасный предмет роскоши – вроде наших ювелирных украшений или чаш, которые продают сиасси. Эти чаши можно или обменять, или сохранить у себя и любоваться предметом, свидетельствующим о вашем статусе. Единственное же назначение денег – быть потраченными и преобразованными в другие вещи. Еще одно отличие денег от чаш сиасси, которые разрешается вырезать любому жителю деревни, владеющему этим искусством: деньги могут чеканиться только правительством; если представитель традиционного мира, даже имея достаточный навык и печатный станок, попробует печатать деньги сам, он попадет в тюрьму как фальшивомонетчик.

В современном обществе традиционный метод бартера, когда два человека непосредственно обмениваются нужными каждому из них предметами без промежуточного шага – выплаты денег третьему лицу, теперь применяется редко. С другой стороны, в некоторых традиционных сообществах объекты условной ценности использовались способом, приближающимся к использованию денег. Примером служат перламутровые раковины у народности каулонг на Новой Британии и большие каменные диски жителей островов Яп в Микронезии. Горцы Новой Гвинеи использовали раковины каури, а жители островов пролива Витязь – резные деревянные чаши как средство обмена, в том числе в составе выкупа за невесту: столько раковин или чаш плюс другие товары. Однако эти предметы отличались от денег тем, что использовались для оплаты только определенных вещей (их нельзя было, скажем, потратить на сладкий картофель), а также тем, что они сами по себе являлись привлекательными предметами роскоши, которые можно было хранить и которыми можно было хвастаться. В отличие от горцев Новой Гвинеи американец, имея стодолларовую купюру, держит ее в бумажнике, пока не решит потратить, и не расхаживает с важным видом, повесив на шею связку банкнот, чтобы все их видели.

Вторая особенность нашей рыночной экономики, которая удивила бы многих представителей традиционных народностей, заключается в том, что покупка чего-либо недвусмысленно воспринимается как сделка, в ходе которой покупатель передает продавцу нечто (обычно деньги) в качестве платы, а не ответного дара. Почти всегда покупатель или платит непосредственно в момент приобретения, или по крайней мере соглашается с ценой, если оплата будет производиться позднее или по частям. Если продавец готов ждать выплаты части денег или всей суммы, как это бывает при покупке нового автомобиля, покупатель все равно берет на себя определенное обязательство, а не делает впоследствии ответный дар на свое усмотрение. Представьте себе, что продавец “дал” бы покупателю автомобиль и стал бы ждать какого-то неизвестного дара в будущем: мы сочли бы такую процедуру абсурдной. Однако мы увидим, что во многих традиционных сообществах торговля происходит именно так.

Третьей удивительной особенностью является то, что наши рыночные сделки происходят между покупателем и специалистом – профессиональным посредником (“продавцом”) в специализированном предприятии (“магазине”), а не между покупателем и последним в цепочке поставщиков рядом с домом одного из них. Простейшая модель, действующая на самом низком уровне нашей экономической иерархии, состоит в прямой транзакции, когда продавец рекламирует свой товар (с помощью вывески перед своим домом, объявления в газете или в Интернете) и продает его напрямую покупателю, который получил информацию, ознакомившись с объявлениями. Сложная модель, действующая на самом высоком уровне иерархии, заключается в торговых сделках между правительствами, таких как заключение контрактов на поставку нефти или оружия.

Хотя наши рыночные транзакции принимают разные формы, в любом случае покупатель и продавец обычно не вступают в личные взаимоотношения, за исключением непосредственного момента сделки. Они могли никогда раньше друг друга не видеть и не иметь друг с другом дела, они могут никогда больше не увидаться впредь, их интересуют главным образом пред-

меты, переходящие из рук в руки (купленный товар и деньги), а не взаимоотношения. Даже в том случае, когда продавец и покупатель регулярно ведут между собой дела (например, закупщик, посещающий конкретного фермера каждую неделю), на первом месте все равно сделка, а взаимоотношения – на втором. Мы увидим, что это основополагающее правило рыночной экономики, которое мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся, часто не действует в малочисленных сообществах, где участники сделки – не профессиональные продавец и покупатель, а знакомые и между ними существуют постоянные отношения; предметы обмена могут иметь незначительную ценность по сравнению с личными взаимоотношениями, которые сделка укрепляет.

Четвертая особенность рыночной экономики связана с третьей: большинство профессиональных торговых предприятий функционируют или постоянно, или по крайней мере регулярно и часто. Как правило, магазин бывает открыт ежедневно, за исключением воскресений, а фермерские или деревенские рынки работают каждую неделю (например, по утрам в среду). В отличие от этого в большинстве традиционных сообществ торговля сводит ее участников редко, зачастую раз в год или даже в несколько лет.

Еще одна особенность рыночной экономики демонстрирует скорее сходство, чем различие с торговлей в традиционных сообществах. В обоих случаях предметы обмена образуют целый спектр – от материально значимых (предметы первой необходимости) до материально бесполезных (предметы роскоши). На одном полюсе находятся объекты, способствующие выживанию или необходимые для него (пища, теплая одежда, инструменты и механизмы), на другом – объекты, не имеющие значения для выживания, но ценимые как роскошь, как украшения, служащие для развлечения или свидетельствующие о статусе, такие как драгоценности или телевизоры. В “серой” средней зоне находятся предметы, материально полезные, но приобретаемые или по самой низкой цене и не прибавляющие престижа, или дорогие и престижные, хотя и выполняющие ту же функцию. Например, хозяйственная сумка из синтетической ткани за два доллара и большая кожаная сумка от *Gucci* за 2000 долларов одинаково пригодны для переноски предметов, но вторая говорит о статусе владельца, а первая – нет. Этот пример свидетельствует о том, что не следует считать “бессмысленные” предметы роскоши бесполезными: статус, о котором они говорят, может принести огромную материальную выгоду в виде карьерных перспектив или возможности сватовства к высокопоставленной невесте или жениху. Тот же спектр “полезности” уже существовал на самых ранних этапах торговли, что подтверждается археологическими находками: кроманьонцы десятки тысячелетий назад приобретали не только обсидиановые наконечники копий, необходимые для охоты, но и раковины и янтарь, нужные исключительно для украшения, как и прекрасные, тщательно отделанные наконечники для копий из прозрачного кварца. Наверное, кроманьонцам точно так же не приходило в голову использовать кварцевые наконечники на охоте, где их можно было бы легко сломать, как и мы не можем и помыслить о том, чтобы в своей лучшей сумке от *Gucci* нести с рынка жирную рыбу.

Последняя особенность рыночной экономики иногда встречается и в традиционной торговле, но в других случаях она заменяется поведением, не имеющим прецедентов в нашем современном обществе. Мы покупаем нечто главным образом потому, что хотим получить эту вещь (а не ради укрепления личных взаимоотношений с продавцом); мы покупаем ее у продавца, чьи условия устраивают нас экономически; мы покупаем предмет, к которому не имеем иного доступа или не можем его изготовить самостоятельно. Например, средний горожанин не имеет доступа к собственным яблокам; он должен покупать их у фермера или в магазине. Садовод, в свою очередь, покупает медицинские или юридические услуги у врача или адвоката, обладающих специальными знаниями, которых нет у садовода. Ни один садовод не станет покупать яблоки у другого садовода или продавать их ему просто ради того, чтобы произвести хорошее впечатление на остальных садоводов. Мы увидим, что представители малочисленных

традиционных сообществ часто торгуют предметами, к которым один из участников сделки имеет доступ, а другой – нет (например, камнями, встречающимися только в данной местности) или которые один участник умеет изготавливать, а другой – нет (как мастерские по производству океанских долбленых каноэ). Однако часто имеет место и обмен объектами, одинаково доступными для обеих сторон, лишь ради поддержания взаимоотношений по политическим или социальным резонам.

Традиционные формы торговли

До сих пор мы рассматривали торговлю в рыночной экономике с точки зрения представителей традиционных сообществ: что они нашли бы в ней, с одной стороны, нового и удивительного, а с другой – знакомого. Я уже упоминал, что вместо привычных нам покупок за деньги в традиционной торговле практикуется обмен предметами и лишь изредка используются ценные объекты, такие как раковины каури, что напоминает использование денег. Теперь давайте рассмотрим традиционные эквиваленты других особенностей рыночной экономики, которые мы обсуждали.

Хотя в некоторых случаях традиционные народности практикуют прямой обмен, когда оба объекта переходят из рук в руки одновременно, в других случаях объект преподносит лишь одна сторона, и это предполагает обязательство со стороны получившего ответить подарком сопоставимой ценности когда-нибудь в будущем. Простейшая форма такого взаимного дарения имеет место среди жителей Андаманских островов, у которых промежуток времени между двумя частями транзакции незначителен. Одна местная группа приглашает одну или несколько других на пир, который длится несколько дней и на который гости приносят луки, стрелы, тесла, корзины и глиняную посуду. Гость вручает эти объекты хозяину, который не может отказаться от подарка и от которого ожидается подарок равной ценности. Если ответный подарок не отвечает ожиданиям гостя, тот может рассердиться. Иногда первый даритель, вручая подарок, сразу называет предмет, который хотел бы получить взамен, но такое случается редко.

Среди южноамериканских индейцев яномамо взаимное одаривание также ассоциируется с пиром, на который та или иная группа приглашает соседей. Взаимное одаривание у яномамо отличается от обычая андаманцев тем, что ответный подарок, который должен быть другого типа, чем первый, вручается на ответном пиру. У яномамо каждый подарок запоминается надолго. Интервал во времени между первым и вторым подарками ведет к тому, что возникшие обязательства служат постоянным предлогом постоянных визитов в соседние деревни ради пиров, потому что кто-то из жителей одной деревни в любой момент времени должен ответный подарок кому-то из соседей.

Среди инуитов северо-западной Аляски, филиппинских агта, жителей Тробрианских островов и!кунг каждый человек имеет особого признанного торгового партнера, с которым он обменивается подарками. Каждый инуит имеет от одного до шести таких партнеров. Агта и африканские пигмеи – охотники и собиратели – устанавливают отношения с семьями крестьян, филиппинских и банту соответственно, и эти отношения передаются из поколения в поколение. Каждый житель Тробрианского архипелага, отправляясь на каноэ в торговое путешествие, на всех посещаемых островах имеет торгового партнера, которому делает подарок и от которого ожидает ответного эквивалентного подарка при следующем визите через год. Так называемая ксаро – система дальней торговли!кунг – отличается тем, что каждый человек имеет несколько дюжин партнеров, а между вручением и получением эквивалентного подарка при следующей встрече проходит много времени – обычно несколько месяцев или лет.

Кто такие эти торговые партнеры, при каких обстоятельствах и как часто они встречаются? В малочисленных общинах торгуют все. В больших вождествах и на ранних стадиях существования государств с началом экономической специализации появляются профессио-

нальные торговцы, подобные современным; об этом свидетельствуют записи, сделанные на заре письменности 4000 или 5000 лет назад на Ближнем Востоке. Прецедент другого современного феномена в более просто устроенных обществах – появление целых народностей, специализирующихся на торговле. Островитяне Малаи, чьи “небоскребы” так меня поразили, жили на острове, слишком маленьком для того, чтобы давать им все необходимое продовольствие; они сделались посредниками, ремесленниками и морскими торговцами и благодаря этому стали получать дополнительные ресурсы. Таким образом, остров Малаи служит как бы моделью современного Сингапура.

Способы и частота традиционной торговли образуют целый спектр. Простейший уровень формируют случайные поездки, совершаемые отдельными кунг и дани для посещения своих индивидуальных торговых партнеров в других группах или селениях. Также к этому уровню относятся периодически возникающие ярмарки, на которых деревенские жители северо-восточного побережья Новой Гвинеи встречаются с новогвинейцами из внутренних районов. Эти ярмарки напоминают наши рынки под открытым небом или блошинные рынки. До нескольких дюжин участников с каждой стороны усаживаются на землю рядами лицом друг к другу. Житель внутреннего региона выдвигает вперед сетку с 10–35 фунтами таро и сладкого картофеля, а сидящий напротив представитель народности сию отвечает на это предложением нескольких горшков и кокосовых орехов, ценность которых он считает эквивалентной стоимости предложенного продовольствия. Тробрианские торговцы устраивали похожие рынки на островах, которые посещали, обменивая утилитарные товары (продовольствие, горшки, чаши и камень) по бартеру, одновременно обмениваясь со своими индивидуальными партнерами взаимными подарками – предметами роскоши (ожерельями и браслетами из раковин).

Группы жителей Андаманских островов, а также индейцы яномамо с нерегулярными интервалами встречались с земляками для многодневных пиров, в ходе которых вручались подарки. Инуиты северо-западной Аляски проводили летние торговые ярмарки и зимние “пиры посланцев”⁸, на которых группы, в остальную часть года яростно враждовавшие, в течение недели или двух мирно общались друг с другом. Специализированные сообщества, ведущие торговлю с помощью каноэ, такие как сиасси, жители архипелага Тробриан, маилу с юго-восточных новогвинейских островов и индонезийцы (макассаны), посещавшие северную Австралию ради трепангов (сушеных морских огурцов), поставлявшихся на китайский рынок, отправляли ежегодные торговые экспедиции за сотни и даже тысячи миль по океану.

Традиционные предметы торговли

Что касается предметов, которыми обмениваются при торговле, то возникает соблазн начать с деления их на две категории: утилитарные (такие как продовольствие и инструменты) и предметы роскоши (такие как раковины каури или бриллиантовые кольца). Однако эта классификация показывает свою несостоятельность, как только пытаешься применить ее на практике. Как писал экономист Фрэнк Найт,

из всех ошибочных и абсурдных утверждений, которые так часто лишают смысла экономические и социологические дискуссии, возможно, хуже всего утверждение о том, что разделение на категории утилитарного, полезного и необходимого для биологического или физического выживания имеет существенную значимость для человека.

Иными словами, автомобиль *BMW*, несомненно, является предметом роскоши и символизирует статус, однако им можно воспользоваться и для того, чтобы съездить за покупками,

⁸ Инуитский праздник назывался “пир посланцев” (англ. *messenger feast*, инуит. *kivgiq*), поскольку хозяева праздника отправляли в соседние поселения специальных эмиссаров, чтобы пригласить гостей (*прим. ред.*).

и для того, чтобы создать образ, который может быть очень важен владельцу для заключения выгодной сделки или при выборе супруга. То же верно в отношении красивой резной чаши, изготовленной сиасси, которая может использоваться для подачи овощей на стол на пиру, но также является статусным символом, незаменимым при покупке жены на островах пролива Витязь. Что касается свиней, то они на Новой Гвинее являются самым ценным свидетельством статуса, что хорошо выразил Томас Хардинг: “О свиньях можно сказать, что наименее важное, что с ними можно сделать, – это просто съесть”.

Таблица 1.1. Объекты торговли в некоторых традиционных сообществах

	Необходимые		Неопределенные	Предметы роскоши
	Необработанные материалы	Произведенные продукты		
Кроманьонцы (ледникового периода в Европе)	Камень			Раковины, охра, янтарь
Дариби (Новая Гвинея)	Соль	Полированные каменные топоры		Птичьи перья
Дани (Новая Гвинея)	Соль, камень, дерево	Топоры, лезвия тесел, волокна коры	Цветные сети, украшенные стрелы	Раковины
Энга (Новая Гвинея)	Соль, камень, дерево, бамбук	Веревки из коры	Свиньи	Раковины, птичьи перья, тростник, эфирные масла, охра, барабаны
Жители островов Тробриан (Новая Гвинея)	Камень, рыба, ямс	Саго	Горшки, резные чаши	Ожерелья, браслеты из раковин

Сиасси (Новая Гвинея)	Обсидиан, таро	Саго, плетеные сумки, луки и стрелы, каное	Горшки, чаши, свиные, собаки, цинковки	Зубы свиней и собак, краски, охра, бусы, бетель, табак
Калуса (Северная Америка)			Горшки, мясо китов и тюленей	Раковины, зубы акул
Камчадалы (Сибирь)	Мясо, грибы, меха, жиры, шкуры			
Африканские пигмеи	Мясо, грибы, железо, мед, овощи	Сети, луки, металлические наконечники копий	Горшки	Табак, алкоголь
!кунг (Африка)	Мясо, железо, мед, меха, шкуры	Металлические котлы, глиняные горшки	Стрелы, ткани	Табак, ожерелья, трубки, бусы
Жители Андаманских островов	Железо, дерево, мед, глина для горшков	Тесла, веревки, луки и стрелы, корзины		Раковины, краски, бетель
Йолнгу (Австралия)		Металлические топоры, ножи, рыболовные крючки, гвозди, копья, каное, ткани, хлеб из орехов саговниковой пальмы	Трепанги	Раковины, панцири черепах, табак, алкоголь
Инуиты Северного склона (Аляска)	Камень, меха, плавание, тюлений жир, китовая кожа и жир, деготь	Деревянные суда, рамы для лодок, пеммикан	Изделия из шерсти, изделия из камня, мешки	Моржовая кость

Несмотря на все эти оговорки, имея дело со списком из 59 объектов торговли, все же полезнее разделить их на категории, а не валить все в одну кучу. Таблица 1.1 дает примеры объектов торговли в 13 малочисленных сообществах, разделенные на четыре категории: предметы, необходимые для выживания и обеспечивающие средства к существованию в повседневной жизни, в свою очередь подразделенные на необработанное сырье и готовые продукты; предметы роскоши или украшения, не являющиеся необходимыми для выживания; предметы, занимающие промежуточное положение: приносящие практическую пользу, но одновременно свидетельствующие о статусе, что делает их гораздо более ценными по сравнению с имеющими то же назначение, однако не говорящими о статусе (например, кашемировый свитер по сравнению с синтетическим того же размера и таким же теплым).

Таблица 1.1 показывает, что определенные виды полезных необработанных материалов издавна служат объектами торговли во многих сообществах по всему миру, в особенности камень, а в более близкие к нам времена такими объектами служили металл для изготовления инструментов и оружия, а также соль, продовольствие, дерево, шкуры и меха, деготь для конопачения, глина для изготовления горшков. Также широко распространена торговля полезными ремесленными изделиями: готовыми инструментами и оружием, корзинами и другими емкостями, пряжей для ткачества, мешками, сетями и веревками, тканями и одеждой, готовой едой, такой как хлеб, саго и пеммикан⁹. Длинный список предметов роскоши и украшений, иногда представляющих собой необработанные материалы, но чаще имеющих форму готовых объектов, включает птичьи перья, раковины моллюсков и панцири черепах (отдельные или в виде ожерелий и браслетов), янтарь, зубы свиней, собак, акул, слоновую и моржовую кость, бусы, краски и вещества для их изготовления – красную охру и черный оксид марганца,

⁹ Индейский пищевой концентрат из вяленого бизоньего мяса, сала и измельченных сушеных ягод (*прим. ред.*).

эфирные масла и стимуляторы, такие как табак, алкоголь и бетель. Например, 2000 лет назад отправлявшиеся в далекие путешествия азиатские торговцы привозили перья райских птиц из Новой Гвинеи в Китай, а оттуда они попадали в Персию и Турцию. Наконец, объекты, которые одновременно имеют практическую ценность и являются предметами роскоши, включают свиней, трепангов, специи и другую престижную пищу (традиционный эквивалент нашей икры), а также красивые, но одновременно и полезные изделия, такие как посуда, резные луки и стрелы, узорные сумки, ткани и циновки.

В таблице 1.1 и в предшествующем ей тексте не упомянуты две другие важные категории объектов, которыми люди обмениваются, но которые мы обычно не рассматриваем как предметы торговли: это труд и супруги. Африканские пигмеи из дождевых лесов, агта, лесные негритос Филиппин, а в последнее время некоторые из!кунг периодически работают на соседей – земледельцев банту, крестьян-филиппинцев и скотоводов банту соответственно. Это значительная часть соглашения “услуга за услугу”, благодаря которому группы собирателей получают от соседей железо плюс овощи или молоко в обмен на охотничью добычу и результаты собирательства плюс работу. Большинство соседствующих народов обмениваются супругами, иногда в виде прямого одновременного обмена (ты отдаешь мне свою сестру, а я тебе – свою), но чаще в виде отдельных актов (ты отдаешь мне твою сестру сейчас, а я отдам тебе мою малолетнюю сестру, когда она достигнет возраста половой зрелости). Между африканскими пигмеями из дождевых лесов и соседними банту такое движение является практически однонаправленным: девушки пигмеев становятся женами банту, но не наоборот.

Таковы основные категории обмениваемых предметов. Что касается того, кто с кем торгует, то новогвинейские дарибби, живущие в густых лесах на границе густонаселенных и безлесых долин Нагорья, продают горцам перья райских птиц, которых много в их лесах, в обмен на соль и полированные каменные топоры. Группы пигмеев из африканских дождевых лесов экспортируют дары леса: мед, мясо дичи, грибы – фермерам банту, от которых получают овощи, горшки, железо, табак и алкоголь. С островов пролива Витязь экспортируются клыки свиней, собаки, саго, бетель, циновки, бусы, обсидиан и красная охра; взамен жители острова Новая Гвинея поставляют свиней, собачьи зубы, таро, табак, горшки, плетеные сумки, луки и стрелы, черную краску. При торговле между инуитами побережья и внутренних районов Аляски жители побережья предлагают такие продукты, полученные от морских млекопитающих, как тюлений жир (в качестве топлива и еды), тюленьи и моржовые шкуры, ворвань, моржовую кость плюс плавник и деревянные сосуды, а также посуду и мешки. Жители внутренних районов, в свою очередь, могут предложить шкуры, копыта и рога оленей карибу, мех волка и других наземных млекопитающих, деготь для конопачения, пеммикан и ягоды.

Кто чем торгует?

Приводимые ниже примеры иллюстрируют схему, которую мы, жители развитых государств, принимаем как нечто само собой разумеющееся, поскольку она описывает почти всю современную торговлю: один партнер предлагает то, что имеет или может легко произвести и чего не хватает другому партнеру. Сырье и умения, требующиеся для производства окончательной продукции, неравномерно распределены в мире. Например, Соединенные Штаты – ведущий экспортер сырого продовольствия и самолетов, потому что мы можем производить продукты питания и строить самолеты в количестве, превышающем наши собственные потребности. Впрочем, мы импортируем нефть, потому что не добываем ее достаточно, чтобы удовлетворить свои нужды, в то время как некоторые другие страны (такие как Саудовская Аравия) производят нефти больше, чем нужно им самим. Подобная неравномерность в обладании сырьевыми запасами и умениями характерна также и для большей части традиционной торговли.

Что касается неравномерного распределения сырья, то обычная практика соседствующих народов, населяющих регионы с разными природными условиями, – обмениваться ресурсами, которыми в наибольшей степени богата среда обитания каждого из партнеров. Существует много примеров торговли между жителями побережий и внутренних регионов. В каждом таком случае, как я писал двумя абзацами выше применительно к инуитам Аляски, обитатели побережья имеют преимущественный или исключительный доступ к ресурсам моря или прибрежных вод, таким как морские млекопитающие, рыба, раковины, в то время как жители внутренних регионов обладают преимущественным или исключительным доступом к сухопутным ресурсам, таким как охотничьи угодья, огороды и леса.

Другая обычная схема касалась торговли местным сырьем, не являющимся специфичным для определенной природной среды, а именно солью и камнем. Дугум-дани всю соль получали из соляного озера Илуикайма, а весь камень для топоров и тесел – из единственной каменоломни в долине Ноголо, в то время как для большей части населения юго-западного побережья Тихого океана главным источником обсидиана (вулканического стекла, используемого для изготовления самых острых каменных орудий) были каменоломни около Таласеа на Новой Британии. Обсидиан из Таласеа был предметом торговли на расстояние более чем в 4000 миль – от Борнео в 2000 миль к западу до Фиджи в 2000 миль к востоку от Таласеа.

Еще одна распространенная схема торговли разными типами сырья имела место у соседних групп с разными стратегиями выживания, дающими им доступ к разным материалам. По всему миру охотники-собиратели продают дичь, мед, смолу и другие лесные ресурсы живущим рядом крестьянам в обмен на часть выращиваемого ими урожая. Примерами этого служат охотники на бизонов и земледельцы пуэбло юго-запада США, охотники семанг и малайские крестьяне с полуострова Малайзия, многочисленные общины охотников-собирателей в Индии, так же как африканские пигмеи-охотники и крестьяне банту, охотники агта и филиппинские крестьяне, которых я уже описывал. Сходные торговые отношения существуют между скотоводами и земледельцами во многих частях Азии и Африки и между скотоводами и охотниками-собирающими в Африке.

Традиционная торговля, как и современная, часто основывается на неравенстве распределения умений. Примером местных почти-монополистов на керамику и океанские каноэ могут служить жители острова Маилу рядом с юго-восточным побережьем Новой Гвинеи, которых изучал этнограф Бронислав Малиновский. Хотя керамика изначально производилась также жителями побережья Новой Гвинеи, островитяне сделали монополистами по экспорту, научившись массово производить лучшую, более тонкую, стилистически однородную посуду. Все эти качества были преимуществом и в глазах производителей на Маилу, и в глазах потребителей. Тонкостенные сосуды позволяли гончарам изготавливать больше продукции из того же количества глины, высушивать ее быстрее и уменьшить риск брака при обжиге. Что же до потребителей, они предпочитали горшки с Маилу, потому что при варке в этих горшках требовалось меньше топлива, а содержимое варилось быстрее. Точно так же островитяне приобрели монополию на изготовление и использование пригодных для дальних путешествий океанских каноэ, более сложных и требующих большего искусства при строительстве по сравнению с более простыми каноэ, на которых жители побережья Новой Гвинеи могли совершать только короткие поездки в более безопасных прибрежных водах. Сравнимыми производственными монополиями в производстве фарфора и бумаги тысячу лет назад обладали китайцы, до тех пор пока их секреты не стали известны или не были открыты другими народами заново. В наши времена промышленного шпионажа и распространения знаний стало трудно сохранять монополию надолго. Впрочем, Соединенные Штаты в течение короткого периода времени (четыре года) пользовались монополией на атомную бомбу (которую не экспортировали), а сегодня США и Западная Европа доминируют на мировом рынке больших коммерческих реактивных лайнеров (которые экспортируют).

Еще одним типом традиционной торговли, которому сегодня едва ли найдется параллель, являются так называемые условные монополии. Этот термин описывает торговлю предметами, которые оба партнера могли бы добыть или изготовить, но одна сторона предпочитает получать от другой ради поддержания торговых отношений. Например, одним из объектов, которые дугум-дани получают из района Халемо, являются деревянные стрелы с особыми шипами и украшениями и плетеные сумки с яркими волокнами, вплетенными в завязки. Дани сами производят простые стрелы без украшений и сумки. Имея перед глазами стрелу или сумку из Халемо, дани вполне могли бы их скопировать, потому что уровень мастерства не так уж высок. Однако дани все же предпочитают покупные стрелы и сумки, так же как и продукты леса, которым округ Халемо более богат, чем места, где живут дани. Признание дани “условной монополии” на украшенные стрелы и сумки благотворно для обеих сторон, поскольку помогает сгладить колебания в спросе и предложении. Община Халемо продолжает получать от дани соль, даже если продуктивность леса временно снижается, а дани могут по-прежнему продавать соль, даже если их потребность в продуктах леса временно удовлетворена.

Более сложные условные монополии имеют место у бразильских и венесуэльских индейцев яномамо и бразильских индейцев ксингу. Каждая деревня яномамо могла бы обойтись собственным производством, но не делает этого. Вместо этого каждая деревня специализируется на изготовлении какого-то продукта, которым она снабжает своих союзников, включая наконечники и древки стрел, корзины, луки, глиняные горшки, хлопковую пряжу, собак, галлюциногенные средства, гамаки. Сходным образом каждая деревня ксингу специализируется на изготовлении и продаже луков, керамики, соли, поясов из раковин, копий. Чтобы вы не подумали, будто яномамо сами неспособны изготовить грубую и лишнюю украшений керамику, я расскажу вам историю о горшках жителей деревни Маморибовой-тери. Индейцы этой деревни покупали горшки в другой, дружественной деревне Мовараоба-тери. Жители Маморибовой-тери утверждали, что они не знают, как делать горшки. Раньше они, правда, их делали, но давно забыли это умение, и к тому же глина в их окрестностях не годится для производства горшков. Именно поэтому все горшки, которые им нужны, они получают из Мовараоба-тери. Однако потом случилась война, союз двух деревень был разрушен, так что Маморибовой-тери не могла больше покупать горшки у Мовараоба-тери. И тут жители первой деревни неожиданно чудесным образом “вспомнили”, как они раньше делали горшки, “обнаружили”, что якобы негодная глина в их местности вполне годится для производства горшков, и возобновили это производство. Таким образом, совершенно ясно, что жители деревни раньше покупали горшки у соседей лишь ради того, чтобы укрепить союз, а вовсе не по необходимости.

Еще более ясная ситуация с интенсивной торговлей стрелами у!кунг, потому что все! кунг изготавливают похожие стрелы; тем не менее они постоянно торгуют ими друг с другом. Антрополог Ричард Ли спросил у четверых мужчин-!кунг, кому принадлежат стрелы в их колчанах (в каждом было от 13 до 19 стрел). Из этих четверых только у одного, по имени Копела Масве, не было стрел, полученных от других людей. В колчане другого (Н!лау) было 11 стрел от четырех других людей и только две – его собственные. Еще двое (Гаске и Н!ейши) собственных стрел не имели; каждый из них был вооружен стрелами шести других людей.

Какова цель этих условных монополий и обмена стрелы на такую же стрелу, что кажется бессмысленным нам, привыкшим к тому, что мы покупаем только то, чего не можем с легкостью изготовить сами? Несомненно, традиционная торговля выполняет социальные и политические функции, а не только экономические: важно не только получить предметы ради их собственной ценности, но также достичь определенных социальных и политических целей. Возможно, главная цель такой торговли – укрепить союз или связь, на которые можно рассчитывать в случае нужды. Торговые партнеры в среде инуитов северо-западной Аляски были обязаны поддерживать друг друга в случае необходимости: если в вашей местности случался голод, вы имели право перебраться к своему партнеру в другой район. Охотники агта, торгуя

между собой или с филиппинскими крестьянами, рассматривают такой обмен как основанный на необходимости, а не на равновесии спроса и предложения: предполагается, что у разных партнеров в разное время бывают излишки или нехватки того или иного товара и что в далекой перспективе они уравниваются, так что строгий учет не ведется. Каждая сторона может многим пожертвовать ради партнера во время кризиса или экстраординарного события – например, на свадьбе или похоронах, во время тайфуна, при неурожае или неудачной охоте. Для выживания яномамо, постоянно вовлеченных в войну с соседями, торговые союзы, которые регулярно сводят соседей для дружественного обмена, гораздо более важны, чем сами продаваемые горшки или гамаки, хотя ни один яномамо не признает открыто, что подлинная цель торговли – поддержание союза.

Некоторые торговые сети и церемонии – такие как кула у жителей островов Тробриан, церемониальный цикл обмена у народности энга Нагорья Новой Гвинеи или торговая сеть сиасси, с которой я столкнулся на острове Малаи, – становятся главным средством достижения и демонстрации статуса в соответствующих сообществах. Может показаться неразумным, что сиасси проводят месяцы в бурном море, перевозя товары на каноэ, только ради того, чтобы в конце года устроить общественное пиршество, на котором будет съедено как можно больше жареных свиной... пока мы не представим себе, что сказали бы сиасси о современных американцах, усердно работающих ради того, чтобы похвастаться драгоценностями или спортивными автомобилями.

Карликовые государства

Таким образом, традиционные сообщества прошлого (и те, что выжили в современном мире) вели себя как настоящие карликовые государства. Они имели собственные территории, принимали гостей и посещали соседей (но не представителей других народностей), в некоторых случаях устанавливали, защищали и охраняли границы не менее строго, чем современные нации. Их знания о внешнем мире были гораздо более ограниченными, чем у граждан современных государств, которые пользуются телевидением, сотовыми телефонами, Интернетом, чтобы узнавать об остальном мире, даже если сами они никогда не покидают родных мест. Они более резко делили других людей на друзей, врагов и незнакомцев, чем даже жители сегодняшней Северной Кореи. Они иногда вступали в браки с представителями некоторых других народностей. Они торговали друг с другом, как и современные государства, а политические и социальные мотивы играли даже большую роль в их торговых отношениях, чем играют в наших. В следующих трех главах мы узнаем, как эти крошечные традиционные общества поддерживали мир и как воевали.

Часть вторая. Мир и война

Глава 2. Компенсация за смерть ребенка

Несчастный случай

В разгар дня в конце сухого сезона на дороге в Новой Гвинее автомобиль, которым управлял человек по имени Мало, случайно насмерть сбил школьника Билли. Билли возвращался домой из школы на рейсовом микроавтобусе (а не на школьном автобусе), а его дядя Генджимп встречал его, стоя на другой стороне дороги. Мало, водитель, обслуживавший мелкие местные предприятия, развозил по домам служащих из офисов в конце рабочего дня и ехал навстречу тому микроавтобусу, на котором возвращался Билли. Выпрыгнув на остановке, Билли увидел своего дядю Генджимпа и побежал к нему через дорогу. Однако он побежал не перед микроавтобусом, так что его видел бы Мало и другие водители встречного транспорта. Вместо этого Билли обогнул микроавтобус сзади, и Мало увидел мальчика только в тот момент, когда тот выбежал на середину дороги. Мало не успел затормозить, и радиатор его автомобиля ударил Билли и подбросил его в воздух. Дядя Генджимп немедленно отнес Билли в отделение экстренной помощи ближайшей больницы, но через несколько часов Билли умер от многочисленных травм головы.

В Соединенных Штатах водитель – участник серьезной аварии – должен оставаться на месте происшествия до прибытия полиции; если он уезжает и не сообщает о случившемся, он считается покинувшим место происшествия, и это само по себе является преступлением. В Папуа – Новой Гвинее (как, впрочем, и в некоторых других странах) закон позволяет (а полиция и здравый смысл даже требуют), чтобы водитель не оставался на месте аварии, а ехал в ближайший полицейский участок. В противном случае рассерженные свидетели происшествия могут вытащить водителя из автомобиля и забить до смерти, даже если виноват в несчастном случае был пешеход. Риск для Мало и его пассажиров увеличивался еще и тем, что Мало и Билли принадлежали к разным этническим группам, а это в Папуа – Новой Гвинее часто приводит к напряженности. Мало был коренным жителем ближайшей деревни, а Билли происходил из семьи жителей долины во многих милях от места происшествия. Многие представители этой группы, перебравшиеся в другие места в поисках работы, также жили неподалеку. Если бы Мало остановился и вышел из автомобиля, чтобы помочь мальчику, он вполне мог быть убит свидетелями, выходцами из долин, а его пассажиры – вытаснены из машины и также убиты. Однако Мало хватило присутствия духа поехать в местный полицейский участок и сдать. Полицейские временно заперли там пассажиров автомобиля ради их собственной безопасности, а Мало сопроводили до его деревни, где он и оставался на протяжении нескольких следующих месяцев.

Последующие события показывают, как новогвинейцы, подобно многим другим традиционным сообществам, живущим по большей части вне эффективного контроля системы правосудия, установленной правительством государства, тем не менее добиваются справедливости и мирно разрешают споры с помощью собственных традиционных механизмов. Такие механизмы разрешения споров, возможно, действовали на протяжении всей предыстории человечества до возникновения государств с их кодифицированными законами, судами, судьями и полицией, что началось примерно 5400 лет назад. Случай Билли и Мало контрастирует с конфликтом, о котором я расскажу в следующей главе, – конфликтом, также разрешенным традиционным способом, но противоположными средствами – убийством из мести и войной. В

зависимости от обстоятельств и участников споры в традиционных сообществах могут разрешаться или мирно, или войной, если мирный процесс не удался или не был испробован.

Мирный процесс предусматривает то, что обычно именуется компенсацией. (Как мы увидим, этот перевод новогвинейского термина обманчив: невозможно было бы компенсировать смерть ребенка; это и не является целью. Дословный перевод этого термина с новогвинейского ток-писин – “деньги сожаления”, и такой перевод более точен, потому что правильно описывает суть дела: деньги выплачиваются как свидетельство разделенной печали и как извинение за случившееся.) Ситуацию с традиционной компенсацией, связанной со смертью Билли, описал мне человек по имени Гидеон – управляющий компании, в которой работал водителем Мало, и участник последующих событий. Как выяснилось, традиционный новогвинейский механизм правосудия имеет цели, радикально отличающиеся от тех, которые преследует государственная правоохранительная система. Я согласен с тем, что государственное правосудие обладает большими преимуществами и абсолютно необходимо для разрешения многих споров между гражданами государства, особенно конфликтов между незнакомыми людьми. Но я чувствую также, что и традиционные механизмы могут многому нас научить – особенно в тех случаях, когда противостоят друг другу не чужие люди, а те, кто так или иначе сохраняют какие-то отношения друг с другом и после разрешения спора: соседи, партнеры по бизнесу, разводящиеся родители ребенка, братья и сестры, оспаривающие друг у друга наследство.

Церемония

Поскольку был велик риск того, что представители клана Билли захотят отплатить Мало, Гидеону и другим служащим компании, Гидеон велел персоналу не приходить на работу на следующий день после несчастного случая. Сам Гидеон оставался в офисе на огороженной охраняемой территории всего в сотне ярдов от того дома, где он жил с семьей. Он предупредил охранников, чтобы те были бдительны, особенно если появятся жители долины. И все же утром этого дня, подняв глаза, Гидеон, к своему ужасу, увидел троих крупных мужчин, явно жителей долины, стоявших у окна его кабинета.

Первой мыслью Гидеона было обратиться в бегство. Но потом он подумал о том, что его жена и малолетние дети находятся рядом и бегство может спасти только его собственную жизнь. Ему удалось выдавить улыбку, и трое гостей сумели улыбнуться ему в ответ. Гидеон подошел к окну и открыл его, понимая, что это смертельно опасно, но делать нечего. Один из троих пришельцев – им оказался Пети, отец погибшего мальчика, – спросил Гидеона: “Можно мне войти и поговорить с тобой?” (Этот и большая часть других разговоров, которые я перескажу, велись не по-английски, а на ток-писин; на этом языке фраза Пети звучала как “*Inap mi kam insait long opis bilong yu na yumi tok-tok?*”)

Гидеон кивнул, прошел к двери своего кабинета, открыл ее и предложил Пети одному войти и сесть. Поведение Пети – человека, сын которого только что был убит и который теперь оказался лицом к лицу с работодателем убийцы, – производило большое впечатление: явно все еще находясь в состоянии шока, он тем не менее был спокоен, говорил уважительно и прямо. Пети некоторое время сидел молча, а потом сказал Гидеону: “Мы понимаем, что это был несчастный случай и что вы не делали этого намеренно. Мы не хотим создавать проблем. Мы только хотим, чтобы вы помогли с похоронами. Мы просим у вас немного денег и еды, чтобы накормить наших родственников на церемонии”. Гидеон в ответ выразил соболезнование от имени компании и ее персонала и дал неопределенные обещания. В тот же день он отправился в местный супермаркет и начал закупать стандартный набор продуктов: рис, мясные консервы, сахар и кофе. Делая покупки, он снова повстречал Пети, и снова все обошлось мирно.

Уже на второй день после несчастного случая Гидеон поговорил со старшим сотрудником своей фирмы, пожилым новогвинейцем по имени Ягин, который был уроженцем другого

района, но имел опыт в переговорах о компенсации. Ягин предложил, что он возьмет дело на себя. На следующий (третий) день Гидеон собрал весь персонал, чтобы обсудить дальнейшие действия. Главным опасением было возможное насилие со стороны родственников погибшего мальчика – не его семьи, а более отдаленной родни и членов клана – несмотря на то, что отец Билли заверил Гидеона, что неприятностей со стороны семьи не будет. Гидеона обнадежило спокойное поведение Пети во время их двух встреч, и он выразил намерение просто отправиться в поселение жителей долины, еще раз встретиться с родителями Билли, “сказать о сожалении” (то есть принести формальные извинения) и постараться развеять угрозу со стороны расширенной семьи. Однако Ягин настоял, чтобы Гидеон этого не делал: “Если ты, Гидеон, отправишься туда слишком быстро, боюсь, что дальние родственники и вся община жителей долины все еще будут в ярости. Вместо этого нам следует проделать то, что полагается делать в подобных случаях. Мы отправим посланника – меня. Я поговорю с советником округа, который включает поселение жителей долины, а он в свою очередь обратится к общине. Мы с ним оба знаем, как должен проходить процесс компенсации. Только после того, как это будет закончено, ты и твой персонал проведете церемонию сожаления [на ток-писин – “ток-сори”] с семьей”.

Гидеон отправился поговорить с советником, который на следующий (четвертый) день организовал встречу, в которой участвовали Ягин, сам советник, семья Билли и весь их клан. Гидеон мало что узнал об этой встрече; Ягин рассказал лишь о том, что имел место долгий разговор о необходимых действиях, что семья как таковая не имеет намерения прибегать к насилию, но что некоторые мужчины из поселения все еще очень переживают из-за Билли и очень возбуждены. Ягин сказал Гидеону, что тот должен купить побольше еды для церемонии компенсации и похорон и что достигнуто соглашение насчет денежной компенсации в 1000 кина¹⁰ (эквивалент примерно 300 долларов), которую компания Гидеона выплатит семье Билли.

Сама церемония компенсации проходила на следующий (пятый) день; все имело формальный и упорядоченный вид. Началось с того, что Гидеон, Ягин и остальные сотрудники компании, за исключением Мало, приехали на автомобиле в поселение жителей долины. Припарковав машину, они проследовали пешком через селение и вошли во двор позади дома семейства Билли. Традиционно новогвинейские траурные церемонии проходят под каким-либо навесом, прикрывающим головы участников; в данном случае семья натянула над двором брезент, под которым все – и члены семьи, и гости – должны были расположиться. Когда прибывшие вошли во двор, один из дядей погибшего мальчика указал им, где сесть, а потом позвал членов семьи.

Церемония началась с речи дяди: он поблагодарил гостей за то, что они пришли, и выразил печаль по поводу смерти Билли. Потом говорили Гидеон, Ягин и другие сотрудники фирмы. Описывая мне происходившее, Гидеон рассказывал: “Было ужасно, просто ужасно выступать с речью. Я плакал. Мои дети тогда тоже были маленькими. Я сказал членам семьи Билли, что пытаюсь ощутить их горе. Я сказал, что стараюсь испытать их чувства, представив себе, что несчастье случилось с моим собственным сыном. Их горе должно быть невообразимым. Я сказал, что еда и деньги, которые я им даю, – это ничто, просто чепуха по сравнению с жизнью ребенка”.

Гидеон продолжал свой рассказ: “Потом говорил Пети, отец Билли. Его слова были очень простыми. Он плакал. Он подтвердил, что смерть Билли была несчастным случаем, а не следствием недосмотра с нашей стороны. Он поблагодарил нас за то, что мы пришли, и сказал, что его народ не станет создавать для нас проблем. Потом он заговорил о Билли, показал его фотографию и сказал: “Нам будет его не хватать”. Мать Билли молча сидела позади мужа. Некоторые из дядей Билли встали и подтвердили: “У вас не будет никаких неприятностей от

¹⁰ Кина (*Kina*) – национальная валюта Папуа – Новой Гвинеи (*прим. ред.*).

нас, мы удовлетворены вашим откликом и компенсацией”. Все: и мои коллеги, и я, и вся семья Билли – плакали”.

Передача еды ради выражения печали заключалась в том, что Гидеон и его коллеги вручили продовольствие со словами “Эта пища должна помочь вам пережить тяжелые времена”. После произнесения речей семья и гости вместе приступили к простой трапезе из сладкого картофеля (традиционное новогвинейское блюдо) и других овощей. Под конец церемонии все пожали друг другу руки. Я спросил Гидеона, обнимались ли люди, в частности, не обняли ли друг друга, плача, он и отец мальчика. Однако Гидеон ответил: “Нет. Церемония была очень упорядоченной и формальной”. Мне же было трудно представить себе подобную встречу ради примирения в Соединенных Штатах или другой западной стране, когда бы семья жертвы и случайные убийцы ребенка, до того незнакомые друг с другом, сели бы рядом и поплакали, а через несколько дней разделили бы трапезу. Вместо этого семья ребенка планировала бы судебный иск, а семья случайного убийцы консультировалась бы с адвокатами и страховыми компаниями, готовясь к защите по иску и возможному уголовному обвинению.

Что, если?.

Отец и родственники Билли признали, что Мало не намеревался убивать мальчика. Я спросил Мало и Гидеона, что произошло бы, если бы Мало в самом деле убил мальчика умышленно или по крайней мере проявил несомненную халатность.

Мало и Гидеон ответили мне, что и в этом случае проблема была бы решена с помощью того же процесса компенсации. Просто результат был бы более неопределенным, ситуация – более опасной, а запрошенная сумма – большей. Риск того, что родственники Билли не стали бы дожидаться результатов переговоров о компенсации, был бы выше; существовала возможность того, что от денег отказались бы, а взамен произвели так называемое убийство в отплату, желательно самого Мало или его ближайшего родственника, если бы убить Мало не удалось; если бы и это не удалось, мог быть убит другой член его клана. Если бы, впрочем, родственников Билли удалось убедить дождаться исхода процесса компенсации, они потребовали бы гораздо бóльшую сумму. Мало оценил ее (если бы он был явно виноват в смерти Билли) примерно в пять свиней, плюс 10 000 кина (эквивалент примерно 3000 долларов), плюс значительное количество продовольствия, в том числе гроздь бананов, таро, сладкий картофель, саго, овощи и сушеная рыба.

Я также поинтересовался, что произошло бы, если бы Мало был не служащим компании, а частным лицом и, таким образом, фирма не была вовлечена в процесс. Мало ответил, что в этом случае переговоры о компенсации с его стороны проводил бы не его коллега Ягин, а кто-нибудь из его дядей и старейшин его деревни. Сама компенсация выплачивалась бы не фирмой, а всей деревней Мало, включая его семью, членов его клана и членов других кланов, к которым Мало мог бы обратиться за помощью в сборе средств. В таком случае на Мало легли бы обязательства перед всеми, кто сделал взнос. В определенный срок Мало должен был бы расплатиться с этими людьми, а также со своими дядьями за их тяжелую работу по переговорам. Если бы Мало умер до того, как расплатился, его работодатели и дядья потребовали бы платы от его семьи и клана. Впрочем, не считая различий в том, кто вел бы переговоры и осуществлял выплаты, процесс компенсации происходил бы очень сходно с тем, как он проходил в данном случае.

Что предприняло государство

Описанная мною последовательность событий – пример того, каковы традиционные новогвинейские механизмы мирного разрешения проблем, связанных с потерей близкого чело-

века, случившейся по вине других. Он контрастирует с тем, как в подобной ситуации действует западная государственная система правосудия. В случае с Билли и Мало отклик новогвинейского государства заключался в том, что полиция, не интересуясь горем или мстительными чувствами родственников Билли, выдвинула против Мало обвинение в рискованной езде. Несмотря на то, что семья Билли, включая его дядю Генджимпа, присутствовавшего на месте происшествия, не обвиняла Мало в неосторожности, полиция тем не менее утверждала, что Мало ехал слишком быстро. В течение многих месяцев Мало оставался в своей деревне, за исключением тех моментов, когда он отправлялся в город для разговоров с полицией. Так было потому, что Мало все еще боялся возможной мести со стороны горячих молодых жителей долины. Деревенские соседи Мало держались настороже и были готовы защищать его в случае нападения.

После первого разбирательства в полиции до второго прошло несколько месяцев; после этого Мало получил распоряжение в ожидании суда дважды в неделю являться в город к транспортному инспектору. Каждый такой визит означал для Мало потерю от половины дня до целого дня. На втором разбирательстве у Мало отобрали права. Поскольку Мало работал водителем, лишение прав означало для него и потерю работы.

Обвинение Мало в рискованной езде рассматривалось в суде через полтора года. Все это время Мало жил в подвешенном состоянии, не имея работы. Когда Мало явился в суд в назначенный день, выяснилось, что судья занят в другом процессе, и слушания по делу Мало были отложены еще на три месяца. Но судья оказался занят и в этот день, и слушания отложили еще на три месяца. Проблемы с присутствием судьи продолжались, и слушания откладывались еще дважды. Наконец через два с половиной года после несчастного случая судья смог приступить к рассмотрению дела. Однако полицейский, вызванный прокурором, не явился, так что судья отказал в иске. Этим и закончилось участие государства в происшествии с Билли и Мало. Если вы думаете, что такие неявки и отсрочки говорят лишь об уникальной неэффективности системы правосудия Новой Гвинеи, то могу сообщить: недавно в Чикаго мой близкий друг столкнулся с подобным же течением и исходом судебного разбирательства.

Новогвинейская компенсация

Традиционный процесс компенсации, проиллюстрированный историей Билли и Мало, имеет целью быстрое и мирное разрешение конфликта, эмоциональное примирение двух сторон и восстановление их прежних взаимоотношений. Он выглядит простым, естественным и привлекательным для нас, пока мы не задумаемся о том, насколько фундаментально он отличается от того, что происходит в нашей системе правосудия. Традиционное общество Новой Гвинеи не имело государственного правительства, государственной системы правосудия, централизованной полиции, профессиональных вождей, бюрократов и судей, наделенных властью принимать решения и претендующих на монополию в праве применять силу. Государство имеет собственные специфические интересы в разрешении споров между его гражданами и в осуществлении правосудия. Интересы государства вовсе не обязательно совпадают с интересами какой-либо из сторон конфликта. Традиционное новогвинейское правосудие осуществляется по принципу “сделай сам” и реализуется самими противниками и их сторонниками. Процесс компенсации является одним зубцом – мирным – двузубой системы традиционного разрешения конфликта. Другой зубец (главы 3 и 4) заключается в поиске личного воздаяния с помощью насилия, имеющего тенденцию к эскалации: расходящиеся круги ответного возмездия в конце концов приводят к войне.

Главный факт, формирующий традиционный новогвинейский процесс компенсации и отличающий его от западного разрешения конфликтов, заключается в том, что участники почти любого спора на Новой Гвинее знакомы друг другу – или в силу уже существующих

личных взаимоотношений, или по крайней мере они знают противника по имени, по имени его отца или по принадлежности к группе. Например, даже если вы, будучи новогвинейцем, лично не были знакомы с жителем соседней деревни, убившим вашу свинью, когда она бродила по лесу, вы наверняка слышали его имя, вам было известно, к какому клану он принадлежит, и вы знали нескольких членов этого клана. Так происходило потому, что население традиционной Новой Гвинеи состояло из малочисленных локализованных сообществ, куда входило от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Люди на протяжении всей своей жизни оставались на территории своей общины или по особым причинам – таким как заключение брака или посещение родственников – совершали недалекие путешествия. Члены традиционных сообществ редко или никогда не сталкивались с совершенно незнакомыми людьми, как случается с нами – гражданами современных государств. В наших государствах мы, в отличие от новогвинейцев, живем в миллионном обществе, так что в повседневной жизни ежедневно должны иметь дело с ранее неизвестными нам людьми. Даже в малонаселенных сельских районах, где все соседи знают друг друга, таких как Биг-Хоул-Бэйсин в Монтане, где я в отрочестве проводил лето, все же появляются незнакомцы – например, кто-то проезжает через город и останавливается, чтобы заправиться. Более того, мы перемещаемся на большие расстояния – на работу, на отдых или просто по личной прихоти; таким образом, мы совершаем почти полное обновление своих контактов на протяжении жизни.

Итак, в обществе, существующем при государственном строе, большинство конфликтов, будь то автомобильная авария или деловой спор, происходит между незнакомцами, которые не знали друг друга раньше и не будут иметь ничего общего впредь. В традиционных же сообществах Новой Гвинеи любой спор касается кого-то, с кем вы имеете личные взаимоотношения или будете иметь их в будущем. Как максимум, у вас имеет место конфликт с жителем вашей собственной деревни, с которым вы встречаетесь постоянно и с кем вы не можете избежать ежедневных контактов. Как минимум, другой стороной в споре окажется кто-то, с кем в будущем вы не будете часто встречаться (как с тем жителем далекой деревни, который убил вашу свинью); однако все же такой человек живет на достижимом расстоянии и вы по крайней мере хотите рассчитывать на то, что от него больше не будет неприятностей. Поэтому главная цель новогвинейского процесса компенсации заключается в восстановлении прежних отношений, даже если они заключались в “отсутствии отношений” и непричинении друг другу неприятностей, хотя потенциал для этого и имелся. Однако в такой цели и определяющих ее главных фактах и заключается огромная разница с западной государственной системой разрешения конфликтов, в которой восстановление взаимоотношений обычно не играет роли, потому что никаких взаимоотношений не было в прошлом и не ожидается в будущем. Например, за свою жизнь я участвовал в трех судебных разбирательствах – с изготовителем шкафов, со строителем бассейнов и с агентом по недвижимости, с которыми я не имел дела ни до того, как возник с ними спор, ни после; я даже не слышал о них по завершении суда.

Для новогвинейца ключевым элементом в восстановлении нарушенных взаимоотношений является проявление уважения к чувствам другого, так что обе стороны насколько возможно стараются избавиться от гнева и восстановить прежние контакты (или их отсутствие). Хотя денежная выплата, подкрепляющая восстановленные отношения, теперь на Новой Гвинее повсеместно обозначается английским словом “компенсация”, этот термин обманчив. Такая выплата на самом деле – символический способ восстановления прежних отношений: сторона А “высказывает сожаление” стороне Б и проявляет понимание ее чувств, сама неся потери в виде компенсационных выплат. Например, в случае Билли и Мало отец Билли на самом деле хотел, чтобы Мало и его работодатели признали, что потеря отца мальчика и испытываемое им горе чрезвычайно велики. И Гидеон, передавая отцу Билли деньги, так и заявил: компенсация – ничего не стоящая чепуха по сравнению с ценностью жизни мальчика; это был просто способ выразить печаль и разделить чувства семьи Билли.

В традиционных сообществах Новой Гвинеи восстановление взаимоотношений – это все, а определение вины или неосторожности, назначение наказания в соответствии с западными концепциями – совсем не главное. Такой подход помогает понять решение, поразившее меня, когда я о нем узнал. Это решение касалось долговременного конфликта между некоторыми горными кланами; один из этих кланов состоял из моих друзей в деревне Готи. Клан из Готи был вовлечен в противостояние с четырьмя другими кланами, приведшее к долгой цепи набегов и взаимных убийств, в результате чего отец и старший брат моего друга Питера были убиты. Ситуация стала настолько опасной, что большинство жителей Готи бежали из родных мест, чтобы избежать новых нападений, и нашли убежище у своих союзников в соседней деревне. Только через 33 года жители Готи почувствовали, что вернуться на родные земли можно безопасно. Еще через три года, чтобы положить конец постоянной угрозе набегов, они провели церемонию примирения, на которой заплатили компенсацию свиньями и другими товарами своим бывшим обидчикам.

Когда Питер рассказал мне эту историю, я сначала не мог поверить своим ушам и решил, что я его неправильно понял. “*Вы* заплатили компенсацию *им*? – воскликнул я. – Но ведь это *они* убили твоего отца и других родственников; почему же *они* не заплатили *вам*?” Нет, объяснил Питер, все работает не так. Цель заключалась не в том, чтобы получить плату как таковую или притвориться, что нужно сравнять счет (“пусть А получают столько-то свиней от Б за то, что Б убили столько-то А”). Подлинная цель состояла в том, что нужно было восстановить мирные отношения между врагами и сделать возможной мирную жизнь для деревни Готи. Враждебные кланы имели собственные претензии: они утверждали, что жители Готи захватили их земли и убили несколько человек. После переговоров обе стороны заявили, что они удовлетворены и готовы отбросить враждебные чувства; было достигнуто соглашение, по которому враждебные кланы получали свиней и другое имущество, жители Готи возвращали себе прежние земли, и обе стороны могли жить, не опасаясь дальнейших нападений.

Отношения на всю жизнь

В традиционном новогвинейском обществе сети социальных отношений имеют большую важность и существуют дольше, чем в обществах западного типа; поэтому последствия споров имеют тенденцию распространяться, помимо непосредственных участников, на других людей, причем в степени, которую гражданам западных государств трудно понять. Нам показалось бы абсурдным, что повреждение огорода представителя одного клана свиньей, принадлежащей члену другого клана, может вызвать войну между этими кланами; для новогвинейца такой исход вовсе не удивителен. Новогвинейцы обычно сохраняют на всю жизнь важные взаимоотношения, возникшие от рождения. Такие взаимоотношения обеспечивают каждому новогвинейцу поддержку против многих врагов, но одновременно налагают обязательства в отношении многих других союзников и друзей. Конечно, мы, жители западных стран, тоже вступаем в долговременные социальные отношения, но мы и налаживаем, и разрываем такие контакты гораздо чаще и с большей легкостью, чем новогвинейцы, и мы живем в обществе, которое поощряет индивида, стремящегося вырваться вперед. Таким образом, в разрешении споров между новогвинейцами участвуют не только их непосредственные участники, которые получают или выплачивают компенсацию (такие как Мало и родители Билли), но и косвенно связанные с событием лица с обеих сторон: представители клана Билли, от которых могла бы исходить угроза убийства из мести; коллеги Мало, которые также могли оказаться мишенью мстителей; работодатель Мало, который и выплатил компенсацию; любой член клана Мало, который мог бы оказаться жертвой расправы или рассматриваться как источник компенсации в случае, если бы у Мало не было работы. Подобным же образом, если супружеская пара на Новой Гвинее затевает развод, в это вовлекается гораздо больше людей, чем на Западе. В их

число входят родственники мужа, в свое время заплатившие за невесту и теперь требующие возмещения расходов; родственники жены, когда-то получившие плату за невесту и теперь столкнувшиеся с требованием вернуть деньги; члены обоих кланов, для которых брак означал значимый политический союз и которые рассматривают развод как угрозу этому союзу.

Противоположностью этому всеобъемлющему акценту на социальные сети в традиционном сообществе является наш собственный упор на индивидуализм, свойственный современному западному обществу вообще и Соединенным Штатам в особенности. Мы не только допускаем, но и поощряем стремление пробиваться вперед, выигрывать, добиваться преимуществ за счет других. Во многих деловых транзакциях мы стремимся максимизировать наш собственный доход и совершенно не учитываем чувства другой стороны, понесшей убыток. Даже детские игры в США обычно заключаются в том, что кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. В традиционном новогвинейском обществе все иначе: детские игры предполагают кооперацию, а не соперничество.

Например, антрополог Ян Гудейл наблюдал за группой детей, принадлежащих к племени каулонг на Новой Британии. Им была дана гроздь бананов, достаточно большая, чтобы каждому ребенку досталось по банану. Вместо того чтобы стремиться получить самый большой банан, каждый ребенок разрезал свой банан пополам, съел одну половину, а другую предложил другому участнику игры, получив от него полбанана в свою очередь. Потом каждый ребенок разрезал эту несъеденную половинку пополам, съел одну четвертинку, а вторую предложил еще одному игроку и получил от него его четвертинку взамен. Игра продолжалась в течение пяти раундов: каждый раз оставшаяся часть банана делилась пополам – пока наконец каждый ребенок не съел ножку банана, представлявшую одну тридцать вторую его часть, отдав вторую тридцать вторую другому игроку и получив от него тоже тридцать вторую часть и съев ее. Вся игра представляла собой ритуал, являвшийся частью обучения новогвинейских детей умению делиться, а не искать преимуществ.

Как еще один пример безразличия традиционных новогвинейцев к индивидуальным преимуществам можно упомянуть трудолюбивого и амбициозного подростка по имени Мафук, который пару месяцев работал на меня. Когда я с ним расплатился и спросил, что он собирается делать с деньгами, он ответил, что планирует купить швейную машинку, чтобы чинить порванную одежду других людей. Он сможет получать плату за услуги и таким образомкупить машинку и умножить свой капитал, чтобы улучшить свою судьбу. Однако родственники Мафука возмутились этим планом, который сочли эгоистичным. Конечно, в этом малоподвижном обществе люди, одежду которых чинил бы Мафук, были бы его знакомыми, по большей части его близкими или дальними родичами. Мафук нарушил бы социальные нормы, получая выгоду от того, что берет с родичей деньги. Вместо этого от него ожидалось, что он будет чинить одежду бесплатно; в свою очередь родственники и соседи иным образом поддерживали бы его всю жизнь, например внеся часть выкупа за его невесту, когда он соберется жениться. Подобным же образом горняки в Габоне, которые не делятся добытым золотом и вырученными деньгами со своими завистливыми друзьями и родичами, делаютя мишенью колдунов, вызывающих, как считается, у своих жертв смертельную болезнь – геморрагическую лихорадку Эбола.

Когда западные миссионеры, которые жили в Новой Гвинее со своими детьми, возвращаются в Соединенные Штаты или Австралию или когда они посылают своих детей в школы-интернаты на родине, дети рассказывают, что самая большая адаптационная проблема для них – это приспособиться к западным эгоистическим индивидуалистическим традициям и отказаться от кооперации и обычая делиться, которым они научились в среде новогвинейских детей. Они стыдятся, если играют в соревновательные игры с целью выиграть, если пытаются отличиться в школе или ищут преимуществ и возможностей, которых лишены их товарищи.

Другие негосударственные сообщества

Каковы различия в методах разрешения конфликтов среди негосударственных сообществ? Если использование посредника, как в случае Мало и Билли, может хорошо срабатывать в деревнях Новой Гвинеи, оно может быть излишним или неэффективным в сообществах другого типа. Фактически существует континуум – от маленьких общин без централизованной власти или систем правосудия, через вождества, где большинство споров разрешает вождь, через государства со слабой государственной властью, в которых граждане все еще часто берут правосудие в свои руки, до сильных государств, осуществляющих эффективную власть. Давайте рассмотрим мирное разрешение конфликтов в пяти различных негосударственных сообществах – от общин, меньших, чем новогвинейские деревни, до большого общества с зачатками политической централизации.

Начнем со споров в самых маленьких общинах, состоящих из местных групп в несколько десятков человек. Южноафриканские!кунг произвели на посетившего их антрополога впечатление сообщества, члены которого непрерывно разговаривают, где споры происходят открыто и каждый человек неизбежно оказывается вовлечен в конфликт между любыми двумя соплеменниками. Антрополог оказался в этом сообществе как раз в тот момент, когда одна супружеская пара переживала трудный период и все члены группы (все они были родственниками мужа, или жены, или их обоих) постоянно участвовали в семейных ссорах. Вернувшись через год, антрополог обнаружил, что супруги все еще вместе, по-прежнему ссорятся, а остальные все так же постоянно участвуют в их препирательствах.

Боливийские сирионо, также живущие маленькими группами, тоже, по рассказам антропологов, постоянно ссорятся; особенно часто ссоры происходят между мужем и женой, между женами одного и того же мужа, между родственниками супругов и между детьми в расширенных семьях. Из 75 описанных споров среди сирионо 44 касались пищи (отказ поделиться, попытки припрятать продовольствие, кража, тайное поедание припасов ночью, уход в лес, чтобы там тайно поесть), 19 – секса (особенно супружеских измен) и только 12 произошли из-за чего-то иного. В отсутствие общепризнанного арбитра большинство споров между сирионо разрешались самими спорящими, изредка с участием родственника, поддерживающего одну из сторон. Если вражда между двумя семьями делалась особенно выраженной, одна из семей могла покинуть лагерь и поселиться в лесу до тех пор, пока враждебные чувства не остынут. Если же вражда сохранялась, одна из семей могла присоединиться к другой группе или образовать собственную новую группу. Эти факты позволяют сделать важное обобщение: среди кочующих охотников-собираателей и других бродячих групп конфликты могут быть разрешены разделением группы, то есть разъединением спорящих. Такое решение затруднительно для оседло живущих крестьян, вложивших много труда в свои огороды, и еще более трудным оно было бы для граждан западных стран, привязанных к своей работе и дому.

Еще одна маленькая группа – живущие в Бразилии индейцы пираха – практикует в качестве способа разрешения конфликтов социальное давление, цель которого – заставить члена общины вести себя в соответствии с принятыми нормами. Это давление выражается в форме квалифицированного остракизма. Сначала виновного исключают из процесса распределения пищи на один день, затем эту меру могут продлить на несколько дней, потом нарушителя изгоняют из селения в лес, отказывают ему в обычных торговых и социальных контактах. Самым суровым наказанием у пираха является полное изгнание и запрет на общение. Например, однажды подросток-пираха по имени Тукаага убил индейца-апурина по имени Йоаким, жившего поблизости, и тем самым подверг пираха опасности ответного нападения. За это Тукааге запретили жить во всех деревнях пираха, и через месяц он при загадочных обстоятельствах

умер – предположительно от простуды, но, возможно, был убит другими пираха, которые все еще чувствовали себя в опасности из-за его поступка.

Следующим примером могут служить форе, новогвинейцы с Нагорья, среди которых я работал в 1960-е годы. Плотность населения у форе гораздо выше, чем у!кунг, сирионо и пираха, и поэтому они проявляют большую агрессивность. В 1951–1953 годах форе изучали супруги-антропологи Рональд и Кэтрин Берндт; в это время в регионе все еще шла война. В отсутствие центральной власти или формального механизма разрешения конфликтов в рамках клана или родичей способ урегулирования разногласий у форе имел вид “сделай сам”. Например, ответственность за защиту собственности от воровства лежала на владельце. Хотя по стандартам общины воровство осуждалось, требовать компенсации свиньями или в другой форме должен был пострадавший. Размер компенсации зависел не от ценности украденного, а от соотношения силы обидчика и обиженного, от былых претензий и от того, как родственники вора к нему относились и были ли готовы его поддерживать.

Обычно в спор у форе вовлекались не только непосредственные участники. В случае ссоры между супругами в ней участвовали родственники с обеих сторон, хотя их интересы могли прийти в противоречие. Мужчина, принадлежащий к тому же клану, что и муж, мог поддерживать мужа против жены, но мог, напротив, поддерживать и жену, потому что в свое время участвовал в сборе средств на ее выкуп в интересах клана. Поэтому ссорящиеся родственники обычно оказывались под сильным давлением в пользу быстрого примирения – с помощью компенсации, обмена подарками или пира для восстановления дружественных отношений. Разногласия между двумя родами, живущими поблизости, также могли быть устранены с помощью выплаты компенсации, однако (как мы увидим в двух следующих главах) риск насилия в этом случае оказывался выше, чем при ссоре между родственниками, потому что стороны испытывали меньшее давление в пользу примирения со стороны других людей.

Последнее из негосударственных сообществ, которое я рассмотрю, – нуэры из Судана, разделенные на множество племен и в целом насчитывающие примерно 200 000 человек; в 1930-е годы их изучал антрополог Э. Э. Эванс-Причард. Из всех описанных сообществ нуэры наиболее многочисленны, в их среде более всего распространено формализованное насилие и у них у единственных имеется официально признанный политический лидер, именуемый “вождь в шкуре леопарда”. Нуэры очень обидчивы, и любимым способом разрешать конфликты у них является драка на дубинках, продолжающаяся до тех пор, пока один из сражающихся не получит тяжелых увечий или – что случается чаще – пока другие жители деревни не вмешаются и не разнимут драчунов.

Самым тяжелым преступлением у нуэров считается убийство, приводящее к кровной мести: если *X* убивает *Y*, то родственники *Y* обязаны отомстить, убив *X* и/или одного из *его* близких родственников. Таким образом, убийство означает конфликт не только между убийцей и жертвой, но также между всеми близкими родственниками обоих и между их общинами в целом. Сразу же после убийства убийца, зная, что теперь он стал объектом мести, ищет убежища в доме вождя, где он недоступен для нападения, однако его враги сторожат выход и тут же пронзят его копьем, если он неосмотрительно покинет дом вождя. Вождь выжидает несколько недель, пока страсти немного не остынут (в случае со смертью Билли на Новой Гвинее, о чем я рассказывал, имел место более краткий период ожидания), потом начинает переговоры о компенсации между родственниками убийцы и жертвы. Обычная компенсация за смерть человека равна 40 коровам.

Однако важно понимать, что нуэрский вождь не обладает высшей властью: он не может приказывать, он не определяет виновного в конфликте, он не может назначить компенсацию. Вождь – всего лишь посредник, который действует только в том случае, если обе стороны хотят достичь соглашения и вернуться к состоянию дел, которое существовало до происшествия. Вождь сначала получает предложение одной стороны, которое другая сторона обычно

отвергает. Рано или поздно вождь убеждает одну из сторон принять предложение другой, что та и делает, демонстрируя, однако, неудовольствие и подчеркивая, что соглашается на сделку только из почтения к вождю. Таким образом, вождь дает возможность всем участникам сохранить лицо, приняв компромисс, необходимый для блага общины. Нельзя терпеть распрю в деревне, да и долговременная вражда с соседней деревней тоже невозможна. Однако чем большее расстояние разделяет враждующие роды, тем труднее оказывается достичь согласия (потому что участники проявляют меньше желания восстановить нормальные отношения) и тем больше вероятность того, что первое убийство приведет к эскалации насилия.

Нуэрский “вождь в шкуре леопарда” также может выступать в роли посредника и при менее серьезных конфликтах – краже скота, избииении кого-то дубинкой, отказе вернуть коров, полученных в качестве выкупа за невесту, после развода супругов. Впрочем, споры среди нуэров не предполагают четких критериев того, кто прав, а кто виноват. Например, в случае кражи скота вор не отрицает кражу, а уверенно оправдывает ее необходимостью свести старые счеты: прошлой кражей, совершенной теперешним владельцем или его родственниками, отказом вернуть долг (речь может идти, например, о компенсации за супружескую измену, за нанесенное увечье, за соращение незамужней девушки, за развод, а также невозвращение или неполное возвращение выкупа за невесту, за смерть жены при родах (считается, что ответственность за это несет муж)). Поскольку у нуэров компенсация не зависит от правоты или вины одной из сторон, истцу-потерпевшему обычно не удается восполнить потерю, если только он не готов прибегнуть к силе или если у ответчика не возникает опасения, что истец и его родичи применят насилие. Как и у форе, в основе разрешения конфликтов у нуэров лежит принцип “сделай сам”.

По сравнению с четырьмя другими негосударственными сообществами, обсуждавшимися выше, у нуэров участие вождей является первым шагом в сторону судебного разрешения споров. Однако необходимо подчеркнуть: у нуэров, как и у большинства других негосударственных сообществ, за исключением сильных вождеств, черты государственного суда отсутствуют. Нуэрский вождь не обладает властью выносить решения, он всего лишь посредник, участие которого позволяет спорящим спасти лицо и обеспечивает врагам возможность остыть, если обе стороны этого желают, как это было с Ягином при переговорах между семьей Билли и работодателем Мало. Нуэрский вождь не обладает монополией на применение силы, как и возможностью ее применить; применить силу могут как раз противостоящие стороны. Целью разрешения конфликта у нуэров является не выяснение того, кто прав, кто виноват, а восстановление нормальных отношений в сообществе, где каждый знает каждого или по крайней мере слышал о нем и где делящаяся вражда между любыми двумя членами общины угрожает ее стабильности. Все эти ограничения власти нуэрских племенных вождей утрачивают силу, когда дело касается более многочисленных вождеств (таких, которые существуют на крупных полинезийских островах или у американских индейцев), вожди которых обладают реальной политической и судебной властью и монополией на применение силы, что представляет собой потенциальную переходную стадию к возникновению государственного управления.

Государственная власть

Сравним теперь разрешение конфликтов в негосударственных сообществах и в государственной судебной системе. Так же как различные негосударственные системы, обсуждавшиеся выше, обладают общими чертами, хотя и отличаются друг от друга в других аспектах, государственные системы при всем их различии имеют много общего. Мои комментарии по поводу разрешения конфликтов государством по большей части будут основываться на наиболее зна-

комом мне правосудия Соединенных Штатов, однако я буду упоминать о некоторых отличиях его от систем других государств.

Как негосударственная, так и государственная система разрешения конфликтов предполагают две альтернативные процедуры: достижение взаимного согласия между противоборствующими сторонами и – если такая попытка была предпринята, но не удалась – выработка решения в соревновательном процессе. В негосударственном сообществе пессимистическим сценарием процесса “компенсация ради достижения взаимного согласия” является эскалация насилия (главы 3 и 4). Такие сообщества не имеют формальных механизмов, обеспечиваемых центральным правительством, для того, чтобы помешать недовольной стороне добиваться своей цели силой. Поскольку один акт насилия, весьма вероятно, спровоцирует другой, возникает эндемичная угроза миру. Поэтому первая задача эффективного государственного управления – гарантировать или по крайней мере улучшить общественную безопасность, предотвратив использование силы гражданами государства друг против друга. Для поддержания внутреннего мира и безопасности центральная политическая власть государства требует для себя почти монополии на применение силы в качестве кары; только государству и полиции должно быть позволено (при наличии достаточной причины) использовать насильственные карательные меры против граждан. Впрочем, государства позволяют своим гражданам использовать силу для самозащиты: если на человека напали или если он имеет веские основания считать, что он сам или его собственность находятся в серьезной опасности.

Два обстоятельства отвращают граждан от того, чтобы прибегать к насилию в частном порядке: страх перед превосходящей силой государства и убеждение в том, что в “частном” насилии нет необходимости, потому что государство создало систему правосудия, которое считается (по крайней мере в теории) беспристрастным; гражданам гарантируется их личная безопасность и безопасность их собственности, а нарушители наказываются. Если государство все это осуществляет действительно эффективно, пострадавшие граждане не чувствуют потребности в отправлении правосудия в стиле “сделай сам”, как на Новой Гвинее или среди нуэров. (Однако в более слабых государствах, где граждане не уверены в том, что государство будет действовать эффективно, – как, например, в современной Папуа – Новой Гвинее, – есть вероятность того, что граждане будут прибегать к традиционной племенной практике и насилию в частном порядке.) Поддержание мира в обществе относится к самым важным услугам, какие только может оказать государство. Необходимость этого во многом объясняет тот парадокс, что со времени возникновения первых государств в “Плодородном полумесяце” около 5400 лет назад люди более или менее добровольно (не по принуждению) отказались от некоторых личных свобод, приняли власть правительства, стали платить налоги и обеспечили комфортабельные условия жизни для лидеров и чиновников.

Пример поведения, которое правительство намерено пресечь любой ценой, – это дело Элли Неслер из маленького городка Джеймстаун в Калифорнии, в сотне миль от Сан-Франциско. Элли была матерью шестилетнего сына Уильяма, в отношении которого сотрудник христианского летнего лагеря по имени Дэниел Драйвер был заподозрен в сексуальном насилии. На предварительном слушании в суде 2 апреля 1993 года, на котором Драйвер был обвинен в насильственных действиях сексуального характера в отношении Уильяма и трех других мальчиков, Элли Неслер пять раз в упор выстрелила в голову обвиняемого, убив его на месте. Это было насилием из мести: Элли не защищала сына ни от непосредственного нападения, ни от неотвратимой угрозы такового; она мстила за предполагаемое злодеяние после его совершения. В свою защиту Элли заявила, что ее сын был настолько потрясен совершенным против него насилием, что его все время рвало и он был не в состоянии давать показания против Драйвера. Она боялась, что Драйвер останется безнаказанным, и не верила в систему правосудия, которая позволила сексуальному насильнику, уже обвинявшемуся в прошлом в подобных действиях, оставаться на свободе и продолжать свои преступления.

Дело Элли Неслер вызвало общенациональные дебаты по поводу допустимости самосуда; защитники Элли хвалили ее за то, что она взяла правосудие в собственные руки, а противники осуждали за это. Каждый родитель поймет отчаяние Элли Неслер и почувствует к ней некоторую симпатию; возможно, большинство родителей подвергшихся насилию детей мечтали о том, чтобы сделать именно то, что сделала она. Однако штат Калифорния считал, что только власти штата могут судить и наказывать преступника и что (каким бы понятным ни был гнев Элли) правосудие рухнет, если граждане возьмут его в свои руки, как поступила Элли. Ее судили и приговорили к 10 годам тюрьмы за убийство; через три года она была освобождена в результате апелляции, связанной с нарушением регламента присяжными.

Таким образом, главной целью государственного правосудия является поддержание стабильности в обществе и постоянное обеспечение обязательной альтернативы частному правосудию. Все другие цели вторичны по сравнению с этой. В частности, государство мало заинтересовано в том, чтобы решить главную задачу, стоящую перед малочисленными негосударственными сообществами: восстановить прежние отношения между участниками конфликта, которые знают друг друга и должны будут и впредь иметь друг с другом дело. Поэтому негосударственное разрешение конфликтов не является системой правосудия в государственном смысле, то есть системой, определяющей правого и виноватого в соответствии с законами государства. Учитывая то, как различаются главные цели, насколько различным образом разрешают конфликты государственная и негосударственная системы?

Государственное гражданское судопроизводство

Следует начать с того, чтобы понять: государственное правосудие разделено на две системы, и каждая из них зачастую пользуется собственными судами, судьями, адвокатами и сводами законов. Это уголовное и гражданское право. Уголовное судопроизводство занимается нарушениями законов, установленных государством. Гражданское судопроизводство имеет дело с правонарушениями, совершенными одним человеком или группой лиц против другого (или другой); эта область права в свою очередь делится на два раздела – дела, связанные с нарушением договорных обязательств (обычно или чаще всего речь идет о денежных интересах), и случаи причинения вреда личности или имуществу. Существующее в государствах различие уголовных и гражданских дел в негосударственных сообществах размыто: там существуют нормы взаимоотношений между индивидами, но отсутствуют кодифицированные законы, карающие преступления против формального института – государства. Неопределенность связана еще и с тем, что ущерб, причиненный одному лицу, оказывает влияние и на других, и маленькие общины в гораздо большей степени, чем государство, бывают озабочены этим влиянием. Примером может служить описанный выше случай: все члены группы!кунг оказались вовлечены в ссору между супругами. (Только представьте себе, что было бы, если бы в Калифорнии на бракоразводном процессе судья стал опрашивать свидетелей о том, как развод отразится на всех жителях города!) На Новой Гвинее по сути одна и та же система переговоров о компенсации действует и в случае умышленного убийства, и в вопросе возмещения расходов на выкуп за невесту в случае развода, и в случае порчи огорода соседской свиньей (в суде западного типа это, соответственно, считалось бы уголовным преступлением, нарушением контракта и причинением имущественного вреда).

Давайте для начала сравним, как рассматривается гражданский иск в государственной и негосударственной системах правосудия. Сходство заключается в том, что в обоих случаях имеет место вмешательство третьей стороны – посредника, который должен разделить спорящих и дать им время остыть. Эти посредники – опытные переговорщики, такие как Ягин на Новой Гвинее, “вождь в леопардовой шкуре” у нуэров или адвокат в современной судебной системе. Государства располагают и другими типами посредников: многие споры улаживаются

до суда третьими лицами, такими как третейские судьи или консультанты страховых компаний. Несмотря на то, что американцы имеют репутацию сутяг, большинство гражданских исков в Соединенных Штатах урегулируется до их рассмотрения судьей. Некоторые немногочисленные группы, монополизировавшие тот или иной ресурс, – например, ловцы омаров из штата Мэн или торговцы алмазами – обычно разрешают свои разногласия самостоятельно, не привлекая государство. Только если переговоры с участием третьей стороны не дали результата, удовлетворяющего обоих спорщиков, применяется способ разрешения конфликтов, принятый в соответствующем обществе, – насилие или война в негосударственном сообществе и формальное судебное разбирательство в государстве.

Еще одно сходство между системами правосудия негосударственных сообществ и государств заключается в том, что выплаты часто делает не только виновная сторона, но и многие другие участники события. В обществе западного типа мы покупаем страховку на тот случай, если наш автомобиль причинит ущерб другому автомобилю или человеку, или на случай падения человека на скользких ступеньках нашего крыльца, которые мы не почистили. Мы и многие другие платим страховые взносы, что позволяет страховым компаниям выплачивать страховые премии; на деле это означает, что за нашу вину расплачиваются также другие владельцы страховых полисов, и наоборот. Сходным образом в негосударственных сообществах родственники и члены клана принимают участие в выплатах долга одного индивида; например, Мало сказал мне, что жители его деревни скинулись бы на компенсацию за смерть Билли, если бы Мало не работал в фирме, способной взять это на себя.

В государствах гражданские иски, разрешение которых напоминает новогвинейские переговоры о компенсации, часто касаются партнеров по бизнесу, участвующих в долговременных проектах. Когда возникают разногласия, которые участники не могут разрешить сами, одна из сторон может потерять терпение и обратиться к адвокату. (Это гораздо более вероятно в Соединенных Штатах, чем в Японии или других странах.) В случае долговременных контактов, построенных на доверии, обиженная сторона может счесть, что ее лишают преимуществ, передают; особенно болезненно это воспринимается, если взаимодействие однократно (например, при первой сделке между сторонами). Как и при новогвинейских переговорах о компенсации, осуществление деловых разбирательств при помощи юристов охлаждает страсти, потому что яростные личные выпады участников конфликта заменяются (хотелось бы надеяться) спокойными разумными доводами адвокатов; тем самым снижается риск того, что позиции сторон станут еще более непримиримыми. Когда имеется перспектива продолжения выгодного делового сотрудничества, возникает мотивация к принятию решения, позволяющего сохранить лицо, – точно так же, как у новогвинейцев, живущих в одной или соседних деревнях и знающих, что им предстоит иметь дело друг с другом всю оставшуюся жизнь. Тем не менее друзья-юристы говорили мне, что искренние извинения и эмоциональное примирение в новогвинейском стиле – редкое явление в корпоративных конфликтах, и максимум, на что можно рассчитывать, – это письменное извинение как тактический прием при достижении соглашения. Если, однако, деловые партнеры участвуют в разовой сделке и не рассчитывают сотрудничать в дальнейшем, мотивация к мирному разрешению конфликта оказывается ниже (как это имеет место и у новогвинейцев или нуэров – членов удаленных друг от друга общин) и увеличивается риск того, что противостояние примет форму, эквивалентную войне в негосударственном сообществе, – форму судебного разбирательства. Впрочем, судебные тяжбы – дорогое удовольствие, их исход непредсказуем, и даже участники разовой сделки испытывают сильный соблазн заключить соглашение.

Еще одна параллель между разрешением споров в обществах двух типов может быть проведена, когда речь идет о международных конфликтах, а не противоречиях между гражданами одного и того же государства. В то время как некоторые международные споры теперь разрешаются Международным судом ООН путем достижения соглашения между правительствами

стран, другие разрешаются так же, как в традиционных сообществах, только в большем масштабе: путем переговоров (прямых или при участии посредников) и с пониманием того, что провал этих переговоров может послужить спусковым механизмом военных действий. Примерами подобного развития событий могут служить конфликт 1938 года между гитлеровской Германией и Чехословакией из-за Судетской области, в которой этнические немцы составляли большинство населения (посредниками выступали Британия и Франция, оказавшие давление на своего союзника – Чехословакию), и серия европейских кризисов перед Первой мировой войной – каждый из них временно разрешался путем переговоров, пока убийство в 1914 году эрцгерцога Франца Фердинанда не привело к войне.

Таковы некоторые черты сходства между разрешением споров в традиционных сообществах и государственным гражданским судопроизводством. Что же касается различий, то основополагающим является то, что если гражданский иск переходит от стадии переговоров к судебному разбирательству, то первая задача государственного правосудия – не эмоциональное примирение, не восстановление отношений и не способствование лучшему взаимному пониманию чувств противников, даже если это братья и сестры, супруги, родители и дети или соседи, которые имеют прочнейшие эмоциональные связи друг с другом и которым предстоит контактировать на протяжении всей жизни. Конечно, многие, если не большинство дел в государственных обществах, состоящих из миллионов граждан, незнакомых между собой, касаются людей, которые не имели отношения друг к другу до конфликта и не предполагают контактов в дальнейшем: это споры покупателя и продавца, участников транспортного происшествия, насильника и его жертвы и т. д. Однако исходный конфликт и последовавшее за ним судебное разбирательство лишь усиливают у обеих сторон неприязненные чувства, и государство не делает почти ничего, чтобы эти отрицательные эмоции сгладить.

Вместо этого главная цель государственного суда – установить, кто прав, а кто виноват. Если дело касается контракта, то нарушил ответчик контракт или нет? Если речь идет о гражданском правонарушении, то виновен или нет ответчик в неосмотрительности, приведшей к ущербу? Обратите внимание на разницу между вопросом, интересующим государство, и вопросами, возникшими в деле Мало и Билли. Родственники Билли согласились с тем, что Мало не проявил небрежности, однако они все же потребовали компенсации, и работодатель Мало немедленно согласился ее выплатить – потому что целью обеих сторон было восстановление существовавших прежде взаимоотношений (точнее, в данном случае – отсутствия взаимоотношений), а не выяснение того, кто прав, а кто виноват. Эта особенность новогвинейского примирения свойственна и многим другим традиционным сообществам. Например, по словам Роберта Яззи, главного судьи племени навахо, одной из двух крупнейших общин индейцев Северной Америки, “западное судебное разбирательство – это выяснение того, что случилось и кто это сделал. Примирение у навахо касается последствий того, что случилось. Кто пострадал? Каковы его чувства? Что можно сделать, чтобы исправить вред?”

Как только государство определило, является ли обвиняемый ответственной стороной в гражданском споре, оно переходит к следующему шагу: определяет ущерб, нанесенный ответчиком, если будет установлено, что тот нарушил контракт или проявил небрежность. Цель этих подсчетов описывается как “восстановление интересов истца”, то есть, насколько это возможно, возвращение истца к состоянию, в котором он был до нарушения контракта или проявления небрежности. Например, представим себе, что продавец заключил договор на поставку покупателю 100 кур по цене 7 долларов за штуку, а потом не выполнил своих обязательств, не доставив кур, так что покупатель был вынужден купить кур по более высокой цене в 10 долларов; тем самым продавец вынудил покупателя потратить 300 долларов сверх суммы, оговоренной в контракте. Решение суда обязало бы продавца покрыть убыток покупателя в 300 долларов плюс оплатить стоимость заключения нового контракта и, возможно, упущенной выгоды от оборота этих 300 долларов, тем самым обеспечив покупателю (по крайней мере номинально)

положение, в котором он оказался бы, если бы договор не был нарушен. Аналогичным образом в случае гражданского правонарушения суд постарался бы подсчитать урон, хотя оценить физический или моральный ущерб личности труднее, чем ущерб, нанесенный собственности. (Я вспоминаю рассказ моего друга-адвоката, который защищал владельца катера, винт которого отсек ступню некоему престарелому пловцу; адвокат убеждал присяжных в том, что «стоимость» ноги потерпевшего невелика, поскольку тот находится в весьма преклонном возрасте и ожидаемая продолжительность его жизни все равно незначительна, даже если бы не случилось несчастного случая.)

На поверхностный взгляд подсчет ущерба в государственной системе похож на определение компенсации в результате переговоров у новогвинейцев или нуэров. Однако это необязательно так. Хотя стандартная компенсация за некоторые преступления (например, от 40 до 50 коров за убийство нуэра) может рассматриваться как возмещение ущерба, в других случаях в традиционных сообществах компенсация определяется скорее как сумма, за которую противостоящие стороны согласятся забыть оскорбленные чувства и восстановить взаимоотношения (такую роль, например, играли свиньи и другие товары, которые жители деревни готи согласились передать клану, убившему отца моего друга Питера).

Недостатки государственного гражданского судопроизводства

Недостатки нашей государственной системы гражданского судопроизводства широко обсуждаются юристами, судьями, истцами и ответчиками. Дефекты системы правосудия Соединенных Штатов в более или менее резкой форме имеют место и в системах других государств. Одна из проблем заключается в том, что гражданский судебный процесс занимает очень долгое время, часто до пяти лет, поскольку уголовные дела рассматриваются в первую очередь и судья всегда переключится с рассмотрения гражданского иска на рассмотрение уголовного дела. Например, когда я писал эту главу, в графстве Риверсайд к востоку от моего родного города Лос-Анджелеса не рассматривалось ни одного гражданского иска из-за обилия уголовных дел. Это означает и для истца, и для ответчика пять лет неопределенности, жизни в подвешенном состоянии и эмоциональной пытки – по сравнению с пятью днями, которые потребовались на урегулирование неумышленного убийства Билли. (Впрочем, война между кланами, которая, возможно, началась бы, если бы конфликт не был разрешен путем переговоров, могла продлиться и гораздо дольше пяти лет.)

Вторым широко известным недостатком гражданского судопроизводства в США является тот факт, что в большинстве случаев проигравшая сторона не обязывается оплатить услуги юристов противоположной стороны, если это специально не было оговорено при заключении соответствующего контракта. Это обстоятельство, как часто указывается, создает преимущество для более богатого участника процесса (будь то истец или ответчик) и заставляет менее состоятельного истца соглашаться на компенсацию меньшую, чем его действительные потери, а менее состоятельного ответчика – на чрезмерные выплаты в пользу истца. Такая ситуация приводит к тому, что богатая сторона может шантажировать противника длительным и дорогостоящим разбирательством, всячески затягивать процесс и заявлять бесчисленные ходатайства с целью вымотать другую сторону финансово. Представляется нелогичным, что, хотя цель гражданского судопроизводства в США – возполнить потери пострадавшей стороны, от проигравшего участника не требуют оплаты издержек выигравшей стороны. Правовая система Британии и некоторых других стран, напротив, обязывает проигравшего оплатить по крайней мере часть затрат победителя.

Еще один недостаток гражданского судопроизводства является фундаментальным: оно занимается только ущербом, а эмоциональный катарсис, примирение рассматриваются как нечто вторичное или несущественное. В гражданских конфликтах, когда друг другу противо-

стоят незнакомцы, которые больше никогда не будут иметь друг с другом дела (как, например, двое участников ДТП), иногда можно было бы предпринять что-то, способствующее эмоциональной разрядке и помогающее избежать чувства неудовлетворенности. Это могло бы выражаться всего лишь в предоставлении обеим сторонам (с их согласия) возможности высказать друг другу свои чувства, воспринять друг друга как человеческие существа с собственными побуждениями и страданиями. Это может быть достижимо даже в таких экстремальных обстоятельствах, как процесс по делу об убийстве, когда один из участников процесса – убийца, а другой – близкий родственник убитого. Обмен выражениями чувств, который имел место между Гидеоном и отцом Билли, – это лучше, чем никакого обмена эмоциями вообще. То же может быть сказано в отношении встречи сенатора Эдварда Кеннеди с родителями Мэри Джо Копекни¹¹, когда Кеннеди по собственной инициативе мужественно посетил их и посмотрел в лицо людям, чья дочь погибла из-за его ужасной неосторожности.

Хуже всего обстоят дела с бесчисленными случаями, когда противникам в гражданском иске так или иначе предстоит поддерживать отношения; особенно это касается разводящихся супругов с детьми, братьев и сестер, оспаривающих друг у друга наследство, деловых партнеров, соседей. Судебная процедура не только не помогает сгладить отрицательные эмоции, она часто делает их более мучительными, чем они были. Все мы знаем участников судебных разбирательств, чьи взаимоотношения в результате были отравлены до конца их жизни. Одним из примеров может служить случившееся с моей близкой знакомой: она и ее сестра были вызваны в суд как свидетели в споре их отца и брата из-за наследства. Враждебность, порожденная судебным разбирательством, была такова, что теперь моя приятельница и ее сестра судятся с собственной мачехой; обе они никогда больше не намерены общаться со своим братом.

В качестве средства исправления этого фундаментального недостатка нашего гражданского судопроизводства часто предлагают большее использование программ посредничества. Они и в самом деле существуют и часто оказываются полезными. Однако посредников и судей по семейным делам не хватает, посредники часто оказываются недостаточно квалифицированными, а семейные суды страдают от нехватки персонала и финансирования. В результате бывает, что разводящиеся супруги общаются друг с другом только через своих адвокатов. Любой, кто часто бывает в судах по семейным делам, знает, какие ужасные сцены могут там происходить. Разводящиеся супруги, их адвокаты, их дети вынуждены ожидать в одном и том же помещении, к тому же совместно с участниками других процессов. Чтобы посредничество было эффективным, для начала следует сделать так, чтобы стороны чувствовали себя удобно; это невозможно, если им часами приходится бросать друг на друга свирепые взгляды, ожидая разбирательства. Дети оказываются в самом пекле войны, которую ведут между собой разводящиеся родители.

Судья может предложить сторонам (и часто это делает) предпринять попытку мирного разрешения конфликта до того, как дело будет рассмотрено судом. Однако это требует времени и умения со стороны посредника. Посредничество обычно нуждается в гораздо большем времени, чем отводится на такую встречу сторон. Даже если участники конфликта не собираются поддерживать какие-либо отношения в будущем, успешное посредничество существенно снижает нагрузку на судебную систему; судебные издержки сторон снижаются, реже возникает неудовлетворенность решением и последующие апелляции, договоренность достигается без долгой и дорогостоящей борьбы.

Если бы наше государство больше платило посредникам и судьям по семейным делам, возможно, многие бракоразводные и наследственные дела решались бы с меньшими затратами,

¹¹ *Mary Jo Kopechne* (1940–1969) – американская учительница, сотрудница штаба Демократической партии. Погибла при неясных обстоятельствах, когда машина, за рулем которой находился сенатор Эдвард Кеннеди, ночью упала в воду с неосвещенного и неогороженного моста. Сам сенатор не пострадал и скрылся с места происшествия. Подозрения, что он был пьян, никогда не были подтверждены официально (*прим. ред.*).

меньшими эмоциональными травмами и быстрее, потому что дополнительные средства, эмоциональная энергия и время, требующиеся на посредничество, скорее всего окажутся меньше, чем дополнительные средства, эмоциональная энергия и время, уходящие на мучительное судебное разбирательство. Разводящиеся пары, которые согласны на посредничество и могут себе его позволить, получают выгоду от того, что избегают судебного разбирательства, часто нанимая в качестве посредников вышедших в отставку судей. Вышедшие в отставку судьи проводят имитацию судебного процесса и взимают высокую почасовую плату, однако она все равно гораздо меньше, чем выплачиваемые в течение долгих недель гонорары адвокатам. Такой судья вырабатывает взаимоприемлемое для сторон решение и не так ограничен временем, как судьи судов по семейным делам. Встречи с посредником предсказуемы: они назначаются на определенный час, и стороны знают об этом; им не приходится являться в суд за несколько часов до заседания, поскольку они не могут предвидеть, когда закончится предыдущее слушание (при бракоразводных делах судьи часто выбиваются из расписания).

Я не хочу переоценить посредничество и не утверждаю, что оно – панацея. Посредничество сталкивается со многими собственными проблемами. Его результат может сохраняться в тайне и, таким образом, не становится прецедентом и поучительным примером. Стороны конфликта знают, что, если достичь соглашения с помощью посредника не удастся, дело будет рассматриваться в соответствии с обычными юридическими критериями: кто прав, кто виноват, кто несет ответственность; поэтому посредники не чувствуют себя вправе использовать другие критерии. К тому же многие участники подобных процессов сами желают быть выслушанными в суде, они не ищут посредничества и возмущаются, если их принуждают к нему прибегнуть.

Например, стал широко известен инцидент, случившийся в Нью-Йорке 22 декабря 1984 года: к человеку по имени Бернارد Гетц подошли четверо подростков, которых он принял за грабителей. Он вытащил револьвер, и начал стрелять, и впоследствии был признан присяжными виновным в попытке убийства. Дело Гетца вызвало яростную дискуссию в обществе: кто-то превозносил его за решительность при самозащите, другие осуждали за чрезмерную реакцию. Только позже стала известна предыстория: за четыре года до того Гетца ограбили и жестоко избili трое подростков. Когда один из них был пойман, он стал утверждать, что Гетц напал на него первым, после чего суд пригласил потерпевшего на встречу с преступником ради примирения. Гетц отклонил это предложение; ему даже не сообщили, что его противник впоследствии был осужден за другое ограбление. Гетц решил приобрести револьвер, поскольку потерял веру в систему правосудия, которая только и способна предложить потерпевшему примирение с грабителем.

Хотя дело Гетца необычно, печальная истина заключается в том, что наши суды настолько перегружены, что часто предлагают принудительное посредничество сторонам, которые категорически против этого. Однако эти факты не должны скрывать от нас потенциальную ценность посредничества во многих случаях и недостаточность наших усилий в этом направлении.

Я завершу это обсуждение посредничества и способов эмоционального оздоровления, процитировав доводы “за” и “против”, высказанные моим коллегой, профессором Марком Грэди из Школы юриспруденции Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе:

Многие утверждают, что государству не следует беспокоиться об ухудшившихся личных отношениях и чувствах. Эти люди считают, что так поступает только “государство-нянька” и что даже подобные попытки со стороны государства следует считать угрозой свободе. Они также утверждают, что принуждать людей улаживать разногласия с их противниками – значит ограничивать их свободу. Вместо этого жертвы должны иметь право искать государственного правосудия и, добившись решения суда, просто отвернуться от тех, кто причинил им зло.

На это можно возразить, что государства располагают дорогостоящими системами правосудия, которые способны удовлетворить весьма сложные и очевидные потребности больших обществ, в которых невозможно разбирательство “лицом к лицу”. Тем не менее мы можем научиться чему-то полезному у новогвинейцев, не отказываясь от очевидных преимуществ нашей системы правосудия. Как только государство берет конфликт под свою юрисдикцию, оно несет расходы по его улаживанию. Почему бы не предоставить сторонам возможность разрешить разногласия не только юридически, но и на личном уровне? Ведь никто не обязывает противоборствующие стороны обязательно воспользоваться системой посредничества, которую им может предложить государство, и эта система вовсе не призвана заменить судебный процесс (если только стороны не согласятся на это). Посредничество могло бы стать просто более удобной альтернативой формальной юридической системе, которая также останется доступной. Предложить людям такую возможность можно без всякой опасности, и от этого можно было бы ожидать много добра. Существует опасность, хорошо видная на примере Новой Гвинеи: люди могут принуждаться к использованию посредника под угрозой для их свободы и достоинства, и это может приводить к несправедливости и отказу от возмещения причиненного вреда. Реформированная система должна иметь защиту от подобных нарушений, но возможность нарушений – не основание для того, чтобы полностью пренебречь возможностью разрешить человеческие противоречия на человеческом уровне.

Государственное уголовное судопроизводство

Сравнив государственную и негосударственную системы разрешения конфликтов в гражданском судопроизводстве, обратимся теперь к судопроизводству уголовному. Тут мы немедленно обнаружим два основополагающих различия. Первое: государственное уголовное правосудие видит цель в наказании за преступления против законов, установленных государством. Цель назначаемых государством наказаний – укрепить законопослушность и поддержать мир в обществе. Тюремный срок преступнику не компенсирует жертве понесенный урон и не предназначен для этого. Второе: гражданское и уголовное правосудие – это две отдельные системы, в то время как в традиционных сообществах, в первую очередь стремящихся к компенсации за причиненный ущерб – независимо от того, считался бы этот ущерб в государстве насильственным преступлением, гражданским правонарушением или нарушением контракта, – эти системы нераздельны.

В государственном суде как гражданский иск, так и уголовное дело проходят две стадии рассмотрения. На первой стадии суд решает, виновен или не виновен обвиняемый по тому или иному пункту обвинения. Казалось бы, тут не может быть оттенков, лишь черное или белое, лишь “да” или “нет”. На практике же решение оказывается не таким однозначным, потому что обвинения могут различаться по степени тяжести: речь может идти, с одной стороны, об умышленном убийстве, убийстве полицейского при исполнении обязанностей или убийстве при попытке похищения, а с другой – о превышении пределов необходимой обороны, убийстве в состоянии аффекта или при других обстоятельствах, смягчающих ответственность. Наказания за каждую из этих разновидностей убийства различаются.

В действительности многие уголовные дела разрешаются до суда путем признания обвиняемым вины и заключения сделки с правосудием. Однако если дело все же доходит до суда, для осуждения требуется вердикт “Виновен”. Элли Неслер была признана виновной в убий-

стве Дэниела Драйвера, хотя ее мотив – месть за сексуальное насилие над сыном – вызвал симпатию у большей части публики. По контрасту с этим в традиционных сообществах любой ущерб рассматривается как нечто неоднозначное: да, я убил его, но у меня есть оправдание – он использовал колдовство против моего ребенка, или его родич убил моего дядю, или его свинья разорила мой огород, а он отказался оплатить урон, – так что я не должен его родственникам никакой компенсации (хорошо, должен, но небольшую). Нужно отметить, что подобные смягчающие обстоятельства играют большую роль и при вынесении приговора западным уголовным судом.

Если обвиняемый признается виновным в преступлении, государство переходит ко второй стадии – назначению наказания, такого, например, как тюремное заключение. Наказание служит трем целям, относительная значимость которых различается в системах правосудия разных государств: устрашению, возмездию и перевоспитанию. Эти цели отличаются от главного назначения разрешения конфликта в традиционных сообществах, а именно получения компенсации. Даже если бы Дэниел Драйвер был осужден на тюремное заключение, это не послужило бы компенсацией Элли Неслер и ее сыну за ту травму, которую нанесло мальчику сексуальное насилие.

Одной из главных целей наказания служит устрашение: оно должно удержать других граждан от нарушения законов и тем самым предотвратить появление новых жертв. Желания пострадавшего и его близких (а также преступника и его близких) в целом считаются несущественными: задача наказания – достижение целей государства как представителя всех граждан в целом. Максимум, на что могут рассчитывать жертва, преступник и их родственники и друзья, – это разрешение обратиться к суду во время вынесения приговора и высказать дополнительные пожелания; однако судья вправе их проигнорировать.

Это несовпадение интересов государства и жертвы ярко проявилось в широко известном деле Романа Полански. В 1977 году режиссер был обвинен в том, что с помощью наркотика и алкоголя одурманил тринадцатилетнюю Саманту Геймер, а затем вступил с ней в сексуальные отношения. В 1978-м он пошел на сделку со следствием, однако накануне приговора бежал в Европу. Впоследствии жертва Полански, будучи уже в возрасте сорока с лишним лет, заявила, что забыла об инциденте, не хочет преследования насильника или заключения его в тюрьму. Она даже обратилась к суду с ходатайством о прекращении дела. Может показаться парадоксальным, что штат Калифорния по-прежнему стремится покарать преступника вопреки ясно выраженной воле жертвы, однако основания для этого были убедительно изложены в редакционной статье *Los Angeles Times*:

Дело против Полански было возбуждено не ради того, чтобы удовлетворить стремление жертвы к правосудию или ее желание катарсиса. Оно было возбуждено штатом Калифорния от имени народа Калифорнии. Даже если Геймер больше не имеет претензий к Полански, это не значит, что тот больше не представляет опасности для других. Преступления совершаются не просто против индивида, а против общества. Человек, обвиняемый в серьезном преступлении, должен быть задержан и предстать перед судом, а в случае осуждения понести наказание.

Второй целью наказания, помимо устрашения, является возмездие; государство как бы говорит: “Я, государство, наказываю преступника, так что ты, жертва, уже не имеешь права наказать преступника самостоятельно”. По многократно обсуждавшимся причинам сроки заключения в Соединенных Штатах больше и наказания более суровы, чем в других западных странах. США – единственная развитая страна (за исключением Японии), в которой сохраняется смертная казнь. В США часто практикуется длительное тюремное и даже пожизненное заключение, которое в Германии, например, назначается лишь за самые чудовищные преступ-

ления (самой страшной серийной убийцей в послевоенной истории Германии считается медсестра, умертвившая 18 пациентов путем введения им смертельной дозы лекарства). Хотя в США долгими сроками заключения обычно караются весьма серьезные преступления, в моем родном штате Калифорния теперь введено правило, согласно которому судья обязан назначить длительный срок подсудимому, если тот уже был дважды осужден за серьезные преступления – даже если в третий раз этот человек всего лишь украл пиццу. Отчасти вследствие этого подхода суммы, которые Калифорния тратит на свою тюремную систему, теперь приближаются к затратам на высшее образование. Жители Калифорнии, возражающие против подобных бюджетных расходов, считают это не только плохой расстановкой приоритетов, но и плохой экономической политикой. По их мнению, широко известные экономические проблемы Калифорнии можно было бы в значительной степени излечить, начав тратить меньше на длительное заключение преступников, совершивших незначительные проступки. С другой стороны, следовало бы тратить больше на их перевоспитание и возвращение к производительному труду, а также лучше финансировать образование законопослушных калифорнийцев, чтобы дать получить более высокооплачиваемую работу. Совершенно неясно, эффективны ли суровые наказания в США в отношении устрашения.

Третьей целью наказания осужденных преступников является их перевоспитание, чтобы они могли заново интегрироваться в общество, возобновить нормальную жизнь и стать источником финансовых поступлений в виде налогов вместо того, чтобы сидеть на шее у общества, содержащего дорогостоящую тюремную систему. Реабилитация в большей мере, чем расплата, является целью европейского подхода к наказаниям за уголовные преступления. Например, в Германии суд запретил демонстрацию документального фильма, который объективно показывал роль виновного в серьезном преступлении, потому что право преступника продемонстрировать свое исправление и возможность вернуться в общество после отбытия наказания были сочтены более важными, чем свобода высказывания для авторов фильма и право общества на получение информации. Отражает ли такой подход большее уважение европейцев к человеческому достоинству и большее милосердие, а также меньшую приверженность заповедям Ветхого Завета и свободе слова по сравнению с США? И насколько на самом деле эффективно перевоспитание? Например, его эффективность кажется сомнительной, когда дело касается педофилов.

Восстановительное правосудие

Обсуждая цели государственного уголовного судопроизводства, мы не упомянули в связи с ним о главной цели судопроизводства гражданского (возместить пострадавшей стороне все убытки) и цели разрешения конфликтов в традиционном сообществе (восстановления взаимоотношений и достижения эмоциональной разрядки). Обе эти цели, направленные на удовлетворение интересов жертвы преступления, совсем не являются главными задачами нашей системы уголовного судопроизводства, хотя некоторые меры в этом направлении предусматриваются. В дополнение к предоставлению доказательств, помогающих осуждению преступника, жертва или близкие жертвы имеют возможность во время вынесения приговора обратиться к суду в присутствии осужденного и описать эмоциональное воздействие преступления. Что касается возмещения убытков жертве, существуют государственные компенсационные фонды, однако они обычно невелики.

Например, самый широко известный процесс в современной судебной истории США – суд над бывшей звездой американского футбола О. Джеем Симпсоном, обвинявшимся в убийстве своей жены Николь и ее друга Рона Голдмана. В результате процесса, длившегося восемь месяцев, Симпсон был признан невиновным. Однако семьи Николь и Рона выиграли гражданский иск против Симпсона и добились решения о выплате 43 миллионов долларов (хотя и мало

преуспели в получении денег). К сожалению, случаи компенсации по уголовному иску носят исключительный характер, потому что большинство преступников небогаты и не обладают значительным имуществом. В негосударственных сообществах шанс жертвы на получение компенсации увеличивается благодаря традиционной философии коллективной ответственности: как в случае Мало, не только сам виновник, но и его родственники, члены клана и коллеги обязаны выплатить компенсацию. В отличие от этого американское общество подчеркивает индивидуальную, а не коллективную ответственность. На Новой Гвинее, если моего кузена бросит жена, я буду гневно требовать от клана жены возмещения мне доли выкупа, которую я внес в свое время; будучи американцем, я радуюсь тому, что не разделяю ответственности за брак моего кузена (впрочем, вполне успешный).

В некоторых случаях многообещающим подходом к достижению эмоциональной разрядки как для преступника, если он не осужден на смерть, так и для выжившей жертвы или ближайших родственников погибшей жертвы является программа, называемая “восстановительное правосудие”. Она рассматривает преступление как нарушение интересов жертвы или общины и государства; она сводит вместе преступника и жертву (при условии, что оба этого хотят), чтобы они могли поговорить напрямую, а не через адвокатов; она поощряет преступника к тому, чтобы он взял на себя ответственность, а жертву – к тому, чтобы рассказать, как она пострадала. Преступник и жертва (или родственник жертвы) встречаются в присутствии обученного посредника, который устанавливает определенные правила, такие как запрет перебивать друг друга и прибегать к оскорблениям. Жертва и преступник встречаются лицом к лицу, смотрят друг другу в глаза и по очереди рассказывают историю своей жизни, описывают свои чувства, мотивы и влияние преступления на их последующую жизнь. Преступник видит воочию вред, который он причинил; жертва начинает видеть преступника как человеческое существо с собственной историей и мотивами, а не непонятное чудовище; преступник получает возможность соединить поворотные моменты своей жизни и понять, что толкнуло его на путь преступления.

Например, одна такая встреча в Калифорнии свела сорокаоднолетнюю вдову Патти О’Рейли и ее сестру Мэри с сорокадевятiletним Майком Албертсоном. Майк отбывал четырнадцатилетний срок за убийство мужа Патти (его звали Дэнни) за два с половиной года до этого; он сбил его своим грузовиком, когда Дэнни ехал на велосипеде. На протяжении четырех часов Патти рассказывала Майку о том, какую ненависть к нему испытывала сначала, о последних словах мужа, сказанных ей, о том, как она и две ее малолетних дочери узнали о несчастном случае с Дэнни от помощника шерифа, о том, как ей каждый день напоминают о Дэнни такие, казалось бы, мелочи, как песенка по радио или проехавший мимо велосипедист. Майк же рассказал Патти историю своей жизни: как отец насиловал его, как он пристрастился к наркотикам, как сломал позвоночник и как у него кончились обезболивающие в ночь несчастья, как он позвонил своей девушке, а та его отшила, как он, пьяный, поехал в госпиталь, а по дороге увидел велосипедиста... Майк признался в том, что, возможно, сбил Дэнни намеренно, потому что злился на своего отца, который его постоянно насиловал, и на мать, которая не положила этому конец. Когда четыре часа истекли, Патти подвела итог, сказав: “Простить трудно, но не простить еще труднее”. Всю следующую неделю она чувствовала себя легко, ощущала прилив сил из-за того, что, глядя на убийцу своего мужа, убедилась: он осознал, какое опустошение оставил после себя. Майк, до этого также чувствовавший себя опустошенным и угнетенным, испытал подъем от того, что Патти проявила готовность встретиться с ним и его простить. Майк повесил в камере открытку, которую Патти привезла ему от своей дочери Шевонн: “Дорогой мистер Албертсон, сегодня 16 августа, а 1 сентября мне исполнится 10 лет. Я просто хочу, чтобы вы узнали: я вас простила. Мне очень не хватает моего папы, но я думаю, что жизнь долгая. Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете. Пока. Шевонн”.

Такие программы “реабилитационного правосудия” уже почти 10 лет реализуются в Австралии, Канаде, Новой Зеландии, Великобритании и некоторых штатах США. Продолжаются эксперименты – например, должны ли во встрече участвовать только преступник и жертва? Или также родственники, друзья, учителя? Должна ли встреча проводиться на ранней стадии (вскоре после ареста) или на поздней (в тюрьме, как в случае Патти и Майка) и должен ли преступник пытаться возместить убытки жертве? Известно много результатов подобных мероприятий; проводились контрольные тесты, когда случайным образом осужденные включались в несколько различных программ, а контрольную группу составляли не участвующие ни в одной, а затем результаты сравнивались статистически. Благоприятные результаты кумулятивного статистического анализа показывают более низкий уровень последующих нарушений закона со стороны преступников и менее серьезные преступления, если они все же совершаются, меньший гнев и страх со стороны жертв и большее ощущение безопасности и эмоциональной разрядки. Не следует удивляться тому, что лучшие результаты достигаются, когда преступник проявляет готовность встретиться с жертвой, активен при встрече и осознает вред, который причинил, чем в тех случаях, когда преступник неохотно участвует во встрече, организованной по решению суда.

Естественно, восстановительное судопроизводство не является панацеей для всех преступников и всех жертв. Для его успеха требуется подготовленный посредник. Некоторые преступники не испытывают раскаяния, а некоторые жертвы оказываются скорее травмированы, заново переживая преступление в присутствии виновника. Восстановительное правосудие в лучшем случае помогает системе уголовного судопроизводства, а не заменяет ее. Однако в принципе у него многообещающий потенциал.

Преимущества и их цена

Какие выводы мы можем сделать из этих сравнений способов разрешения конфликтов в государстве и в малочисленных сообществах? С одной стороны, в этой области, как и в других, которые будут обсуждаться в последующих главах этой книги, мы не станем наивно идеализировать традиционные сообщества, рассматривать их как неизменно оптимальные, преувеличивать их преимущества и одновременно подвергать критике государственный строй, как в лучшем случае неизбежное зло. С другой стороны, многие немногочисленные общины действительно обладают особенностями, которые мы могли бы с пользой для себя внедрить в нашем обществе.

Для начала позвольте мне предотвратить непонимание и подчеркнуть, что способы разрешения конфликтов даже в современных развитых государствах уже включают приемы, сходные с теми, которые распространены в племенном обществе. В случае конфликта с продавцом большинство из нас не нанимает немедленно адвоката и не обращается в суд; мы начинаем с обсуждения и переговоров, иногда даже просим друга обратиться к продавцу от нашего имени, если чувствуем себя слишком рассерженными или не знаем, как поступить. Я уже упоминал, что многие профессиональные группы в развитом обществе разработали собственные устоявшиеся процедуры улаживания споров. В сельской местности или небольших анклавах, где каждый знает каждого и ожидает, что отношения с соседом сохранятся на всю жизнь, мотивация к неформальному разрешению противоречий, а также давление сообщества бывают сильны. Даже когда мы все же прибегаем к помощи юристов, то часто используем адвокатов именно для восстановления взаимоотношений, особенно в ситуациях, когда мы все же собираемся продолжать контакты с противником (как в случае разводящихся супругов с детьми или конфликтующих деловых партнеров). Многие государства, не только Папуа – Новая Гвинея, образовались недавно и еще слабы, так что их общества в значительной мере продолжают решать свои проблемы традиционными методами.

Учитывая все это, отметим теперь три неотъемлемых преимущества государственной системы правосудия, те случаи, когда она функционирует безусловно эффективно. Первейшей и главной проблемой почти всех малочисленных сообществ является то, что в отсутствие центральной политической власти, обладающей монополией на наказание, они неспособны помешать своим непокорным членам причинять вред другим и не могут помешать тому, чтобы обиженные взяли возмездие в свои руки и добились своего насильем. Однако насилье вызывает ответное насилье. Как мы увидим в двух следующих главах, из-за этого большинство малочисленных общин постоянно вовлечено в повторяющиеся циклы насилия и войн. Правительство государства или сильная власть вождя племени оказывают сообществу огромную услугу, разрывая этот порочный круг и утверждая монополию на насилье. Конечно, я не утверждаю, будто любое государство добивается полного успеха в ограничении насилия; нельзя не признать, что и само государство в различной степени использует насилье против собственных граждан. Однако следует отметить, что чем эффективнее контроль со стороны государства, тем более ограничено его граждане применяют насилье в отношении друг друга.

Таково фундаментальное преимущество государственного управления, и в этом кроется одна из главных причин того, что многочисленные общества, где человек постоянно сталкивается с незнакомцами, обрели вождя, а потом и государственный строй. Каждый раз, восхищаясь способом разрешения конфликтов в традиционных сообществах, мы должны напоминать себе, что он может проявляться двояко: как в достойных всяческого одобрения мирных переговорах, так и в насилии и войне. Государственное правосудие также имеет методы разрешения конфликта – мирные переговоры и конфронтацию, но конфронтация в данном случае означает всего лишь судебное разбирательство. Даже самый суровый суд предпочтительнее гражданской войны или цепочки убийств из мести. Это обстоятельство может заставлять членов малочисленных общин более охотно, чем граждан государства, улаживать свои разногласия путем переговоров и уделять больше внимания восстановлению отношений и эмоциональной разрядке, чем отстаиванию своих прав.

Второе – по крайней мере потенциальное – преимущество осуществляемого государством правосудия над традиционным правосудием заключается в соотношении сил. Участник спора в малочисленном сообществе нуждается в союзниках, если рассчитывает отстоять свою позицию, например добиться у ответчика получения скота, который нуэрский “вождь в леопардовой шкуре” счел уместной компенсацией. Это напоминает мне о важном принципе западного законодательства, который называется “достижение договоренности под сенью закона”: он гласит (и о том знают обе стороны конфликта), что если посредничество не достигнет цели, то спор будет разрешен судом, и стороны должны оценить судебную перспективу дела. Точно так же переговоры о компенсации в традиционном сообществе происходят “под сенью войны”: это значит, что обеим сторонам известно, что, если переговоры будут безуспешны, альтернативой явится война или насилье. Такое знание создает в немногочисленной общине неравенство и обеспечивает преимущество той стороне, которая в случае войны может рассчитывать на большее число союзников.

Теоретически государственное правосудие стремится обеспечить противостоящим сторонам равные условия, справедливые для всех, и не позволить более сильному или более богатому участнику воспользоваться преимуществом для достижения несправедливого решения. Конечно, я, как и любой читатель, немедленно воскликну: “Лишь теоретически!” На самом деле богатство часто обеспечивает выигрышное положение при рассмотрении гражданских и уголовных дел. Богатый человек может позволить себе нанять дорогих (и более квалифицированных) юристов и экспертов. Он может принудить менее обеспеченного противника согласиться на невыгодные для того условия, заявляя бесчисленные ходатайства и выдвигая требования, имеющие мало отношения к делу, но влекущие большие судебные издержки. В

некоторых государствах судебная система коррумпирована и оказывает предпочтение богатой или имеющей нужные политические связи стороне.

Да, к несчастью, верно, что более могущественный противник обладает незаслуженным преимуществом и в государственной системе правосудия, и в малочисленных общинах. Однако государство обеспечивает по крайней мере хоть какую-то защиту слабым, в то время как в традиционных сообществах такая защита практически отсутствует. В хорошо управляемом государстве слабая жертва все же может сообщить о преступлении полиции и обычно бывает выслушана; бедняк, начинающий дело, может искать помощи государства в том, чтобы заключенные им договоры были выполнены; обвиняемому в уголовном преступлении, если он беден, суд назначает защитника за государственный счет; бедный истец, правота которого вызывает мало сомнений, может найти юриста, который возьмется за его дело в расчете на выплату части суммы, которая будет присуждена истцу в случае успеха.

Третье преимущество государственного правосудия заключается в том, что оно ставит своей целью установить правого и виноватого и наказать преступника или наложить наказание на виновника, чтобы таким образом отвратить от нарушения закона других членов общества. Устрашение есть явная задача системы уголовного правосудия. Оно на самом деле является и задачей гражданского правосудия, которое рассматривает причины ущерба и ответственность за него и тем самым стремится предотвратить поведение, ведущее к ущербу, демонстрируя, что за него приходится расплачиваться. Например, если бы Мало был предъявлен гражданский иск в связи со смертью Билли, то на суде адвокаты Мало утверждали бы (и с хорошими шансами на успех), что ответственность за гибель мальчика лежит не на Мало, который не нарушал правил дорожного движения, а на водителе микроавтобуса, который высадил Билли, не обращая внимания на встречные автомобили, и на дяде мальчика, который ждал мальчика на противоположной стороне дороги с интенсивным движением. В Лос-Анджелесе имел место аналогичный несчастный случай: дело «Шварц против пекарни Хелмса». Маленького мальчика сбил автомобиль, когда тот перебежал улицу, чтобы купить шоколадку у водителя машины пекарни Хелмса. Мальчик попросил водителя подождать, пока он сбегает домой за деньгами; водитель согласился и остановил машину на другой стороне улицы с интенсивным движением. Суд признал пекарню отчасти ответственной за смерть мальчика, потому что водитель проявил небрежность.

Такие гражданские иски оказывают влияние на граждан государства, заставляя их постоянно быть начеку и следить за тем, чтобы их небрежность не стала причиной несчастного случая. В противоположность этому достигнутая в частном порядке договоренность между кланом Билли и коллегами Мало не заставила взрослых новогвинейцев и водителей задуматься о том риске, которому подвергаются школьники, перебегающие улицы. Несмотря на то, что по улицам Лос-Анджелеса ездят миллионы автомобилей, а патрульных машин немного, большинство жителей почти всегда соблюдают правила дорожного движения, и лишь незначительная доля процента попадает в несчастные случаи и получает увечья. Одна из причин этого – устрашающее воздействие гражданской и уголовной судебной системы.

Однако позвольте мне снова исключить непонимание: я не превозношу государственное правосудие как неизменно превосходящее таковое в традиционных сообществах. Государства платят определенную цену за указанные выше преимущества. Уголовное судопроизводство существует в первую очередь ради достижения целей государства: снижения уровня насилия в обществе, поощрения послушания законам государства, защиты населения в целом, перевоспитания преступников и наказания за преступления. В фокусе интереса находятся именно эти цели, в результате чего меньше внимания уделяется частным интересам участников процесса, на удовлетворение которых направлено разрешение конфликтов в малочисленных сообществах, – восстановлению взаимоотношений и эмоциональному катарсису. Нельзя сказать, что такое пренебрежение со стороны государства неизбежно, однако оно часто происходит из-

за сосредоточенности на других целях. Кроме того, существуют другие недостатки государственной судебной системы, не столь явные, но тем не менее широко распространенные: отсутствие или незначительный размер компенсации жертвам уголовного преступления (за исключением случаев отдельного гражданского иска), медленность решений по гражданским делам, трудности в получении денежной компенсации личного и морального ущерба, отсутствие (в США) возмещения судебных издержек выигравшей стороне, отсутствие примирения (а часто и хуже – усиление враждебности) между сторонами конфликта.

Как мы видели, государства могли бы смягчить эти проблемы, позаимствовав некоторые методы, применяемые в традиционных сообществах. В гражданском судопроизводстве следовало бы вкладывать больше средств в подготовку и привлечение посредников, сделать судей более доступными. Мы могли бы в большей мере использовать посредничество. Мы могли бы при определенных условиях оплачивать юридическую помощь выигравшей дело стороне. В уголовном судопроизводстве мы могли бы больше экспериментировать с восстановительным правосудием. В Соединенных Штатах мы могли бы присмотреться к тому, что европейские системы правосудия больше внимания уделяют перевоспитанию и меньше – наказанию, что пошло бы на пользу и преступникам, и обществу в целом, и экономике.

Все эти предложения многократно обсуждались. Все они имеют свои сложности. Я надеюсь, что, узнав больше о том, как разрешаются конфликты в традиционных сообществах, наши ученые юристы смогут найти способы внедрения этих позитивных процедур в нашу собственную систему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.